Педербаум

ЖЕНЩИНА В РУС. РЕВОЛ. ДВИЖЕН.

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГЕ101
Ц364

С. ЦЕДЕРБАУМ (В. ЕЖОВ)

ГЕ101
Ц364

ЖЕНЩИНА В РУССКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ

1870—1905

ПРИБОЙ
ЛЕНИНГРАД

С. ЦЕДЕРБАУМ (В. ЕЖОВ)

ЖЕНЩИНА
В РУССКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ

1870 — 1905

1ЭК3

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»

К
7 1981
ГЕ101
Ц 364
Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)
360/27 44066

ТИПОГРАФИЯ
РАБОЧЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
„ПРИБОЙ"
ИМЕНИ
ЕВГ. СОКОЛОВОЙ
ЛЕНИНГРАД.

1927

Ленинградский Гублит № 33.821. Тираж 4000. — 3 л. Заказ № 638.

ГЛАВА I.

ПРОБУЖДЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ. НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ.

Канун освобождения крестьян и общественное оживление. — Женщина стремится к самостоятельности. — Тяга к образованию. — Поиски приложения труда. — Мыслящий пролетариат. — Нигилисты. — Студенческие волнения. — Реакция. — Артели, коммуны. — Фиктивные браки. — Процесс нечаевцев. — А. Д. Дементьева. — Организация «чайковцев». — Заграничные университеты. — Цюрих. — Бардина и ее кружок. — Движение в народ.

Конец 50-х годов явился переломным моментом в жизни России. Крымская война и ее печальный исход воочию показали всю гнилость и отсталость крепостного строя. Необходимость коренных реформ, о которых уже не одно десятилетие твердили лучшие представители русской передовой мысли — Белинский, Герцен и другие, — стала теперь очевидной для всех, даже для господствующих классов и для правительства. В целях своего собственного самосохранения они должны были обеспечить возможность быстрого экономического развития страны, дать выход ее производительным силам. Не без колебаний и опасений был сделан первый шаг — поставлена на очередь отмена крепостного права. Вслед за нею намечались введение земства, судебная реформа и создание суда присяжных. По необходимости была ослаблена цензура, и печать получила возможность высказываться по злободневным вопросам общественной жизни. В университетах повеяло более свободным духом. Были отменены стеснения, какими раньше были обставлены поездки за границу.

Несколько лет, прошедшие до освобождения крестьян в 1861 г., были годами небывалого общественного подъема и оживления. Вместе с другими насущными вопросами выдвинулся в ту пору и женский вопрос. Сперва он ставился, как вопрос об устроении личной жизни женщины, об освобождении ее от семейного гнета, о создании условий для свободного развития ее личности, об обеспечении ей равноправия с мужчиной. В дальнейшем, однако, рамки его раздвинулись—основной задачей явилось обеспечение женщине экономической самостоятельности, возможности жить своим трудом. В связи с этим особое значение приобрел вопрос об образовании женщин, о распространении среди них знаний, о допущении их в высшие учебные заведения.

Литература сделала очень много для пробуждения женщин. Писарев, Добролюбов, Чернышевский писали в защиту самостоятельности женщины, старались пробудить в ней общественные интересы, вырвать из мертвящей атмосферы чисто семейных интересов и забот. Михайлов, кончивший свою жизнь на каторге, поместил в самом распространенном тогда журнале «Современник» ряд ярких статей о положении женщины, в которых требовал одинакового воспитания и образования мужчин и женщин, доступа женщин ко всем родам деятельности. Статьи эти произвели сильнейшее впечатление, как и работы Шашкова об истории русской женщины и ее социальном положении. Появились женщины-писательницы, с 1859 г. стал выходить специальный журнал для женщин «Рассвет». Осенью 1859 г. Петербургский университет открыл свои аудитории первым женщинам, стремившимся к научным знаниям: Корсини стала посещать лекции профессоров юридического факультета; за нею появились многие другие, а с 1860 г. университетские лекции посещали уже многие десятки молодых девушек и зрелых женщин. То же самое происходило и в Харьковском университете.

Это движение, охватившее женщин, было очень широким, но, разумеется, не выходило за пределы привилегированных классов — ни крестьянки ни работницы не было и не могло быть среди этих стремившихся к знанию и самостоятельности женщин: их пробужде-

ние было еще впереди, могло произойти только в результате пробуждения их братьев и мужей — крестьян и рабочих, а оно, как мы знаем, произошло целыми десятилетиями позже. Участницами этого движения были, если не считать немногочисленных дочерей богатых помещиков, главным образом, представительницы мелкопоместного дворянства, наполовину разоренного освобождением крестьян, затем дочери разночинцев — низшего офицерства, духовенства, мелкого и среднего чиновничества, лиц свободных профессий, отчасти купечества.

Изменившиеся после уничтожения крепостного рабства экономические условия притягивали этих женщин в города, вынуждали искать заработка, изучать ту или иную профессию. А между тем недостаточное экономическое развитие страны делало то, что спрос на всякого рода «интеллигентный» труд был еще очень незначителен. От этого страдали не только женщины, но и мужчины, которые составляли тот общественный слой, какой Писарев назвал «мыслящим пролетариатом», ту демократическую интеллигенцию, какая в дальнейшем играла громадную роль в русской общественной жизни и революционном движении. Самые условия ее существовании, ее непосредственные интересы делали эту интеллигенцию непримиримым врагом мрака и невежества, злоупотреблений и гнета, заставляли ее стремиться к более свободным условиям, при которых найдут полезное применение ее способности, знания и труд. Выходцы из слоев, близких к народу, в особенности к крестьянству, терпя лишения и живя в условиях, сближающих их положение с положением трудящихся и эксплуатируемых классов, представители этой интеллигенции легко проникались социалистическими настроениями и приучались связывать свою судьбу с участью всех «униженных и оскорбленных».

Эти народолюбивые, социалистические настроения демократической интеллигенции очень скоро провели резкую черту между нею и свободномыслящими, либерально настроенными представителями имущих классов. Это проявлялось уже до освобождения крестьян, когда выяснились нерешительность и половинчатость подго-

товляемой правительством реформы и его неискренность, это сказалось еще резче почти на другой же день после роформы, не удовлетворявшей ни крестьянские массы ни народолюбивую интеллигенцию. Стали крепнуть враждебные правительству, революционные настроения... Такое же размежевание и расслоение происходило и в женском движении. Либеральные дамы думали только о распространении просвещения среди женщин, об обеспечении им доступа к высшему образованию, о возможности для них существовать своим трудом. Женщины-демократки, или, как тогда говорили, радикалки или «нигилистки», думали об общественном переустройстве, знание ценили не как средство для устроения своей личной судьбы, а как средство для «служения народу».

Расслоение это сказалось и во внешности. Появился тип «нигилиста» и «нигилистки». А. И. Корнилова-Мороз, сама пережившая это время, говорит по этому поводу: «В движении того времени первенствующее значение имело стремление к полному освобождению личности от ига семьи, невежества, традиций и религиозных предрассудков. Нигилизм, как беспощадная борьба с нравами и понятиями крепостного строя, у людей искренних вызывал желание вести эту борьбу открыто и резко заявлять о своем разрыве со старыми формами жизни. Нигилист, со своими длинными волосами, в широкополой шляпе и красной рубахе или в пледе, не сливался с толпой, но ярко из нее выделялся. Так же смело выделялись и женщины своими стриженными волосами, синими очками и курением папирос. Внешность эта до такой степени раздражала общество, что на первых порах требовалось искреннее увлечение и немалая доля смелости, чтобы открыто заявить свое отречение от старого строя»...

Как уже указано, правительство в своей преобразовательной деятельности остановилось на полпути, а вскоре даже открыто выступило на путь реакции. Следствием этого явилось возникновение первых революционных организаций и попыток. Уже в сентябре 1861 г. появилась нелегальная прокламация «К молодому поколению», напечатанная Михайловым и Шелгу-

новым в лондонской типографии Герцена и выставлявшая радикальные и социалистические требования; за нею последовали другие прокламации, стал выходить подпольный листок «Великорус». В том же 1861 г. произошли волнения в Петербургском и Московском университетах, вызванные введением новых правил, лишающих студентов их организаций, воспрещающих сходки и подчиняющих их строгой дисциплине. Студенчество протестовало против этих правил, отказывалось принимать их. Начались репрессии. Несколько сот студентов было арестовано, посажено в Петропавловскую крепость или отвезено в Кронштадт в военную тюрьму; университет был закрыт, а по открытии его прекращен доступ на лекции женщинам. Один за другим были арестованы наиболее популярные писатели Михайлов, Чернышевский, Писарев, Шелгунов. Вспыхнувшее в 1863 г. польское восстание, самым жестоким образом подавленное, еще более усилило правительственную реакцию, отбросив в ее лагерь вчера еще либерально и оппозиционно настроенные круги.

Но брожение в среде, главным образом, учащейся молодежи не прекращалось. Как в Петербурге, так и в провинции, усиленно создавались всякого рода кружки для самообразования, в которых передовая молодежь старалась приобрести необходимые знания и выработать себе определенное миросозерцание. Получили распространение «коммуны», как назывались общие квартиры, где жили студенты или курсистки, часто землячки, уже хорошо знавшие друг друга. «Материальное положение живущих было не одинаково, но все получаемые средства поступали в общее пользование. Главным правилом такой жизни была взаимопомощь... Коммуны эти, значительно удешевляя жизнь, помогали сближению молодежи между собой, увеличивали влияние выдающихся умом и знаниями. Кроме того, они давали возможность применять идеи социализма на практике в своей личной жизни, не различая в кругу товарищей между моим и твоим и живя в обстановке не лучшей и даже худшей, чем у заводских рабочих. Особенно важное значение имели коммуны для женщин, приезжавших из провинции. Нередко они

ехали учиться без всяких средств к жизни, порвав семейные связи с своими подчас богатыми или знатными родственниками. Все, конечно, рассчитывали найти работу, но без знакомств и связей это редко кому удавалось. Многие могли бы тогда погибнуть, если бы не спасала взаимопомощь в коммунах и поддержка молодежи вообще» (А. Корнилова). В этих коммунах изгонялись все условности и фальшь в отношениях, на внешность не обращали внимания. Жили дружной и тесной семьей...

Молодежь не только училась — свои знания она стремилась передать другим, тем, кто коснел в мраке невежества. Когда в самом начале 60-х гг. повсеместно стали открываться воскресные школы, преподавателями в них явилась учащаяся молодежь, со всем жаром взявшаяся за это дело. Правительство, однако, скоро положило конец этой работе: одним из первых его шагов в борьбе с «крамолой» было закрытие всех воскресных школ.

Но молодая энергия искала приложения. Вопрос «что делать» требовал ясного ответа: книги, собеседования и споры не могли уже удовлетворять. Признанный вождь и учитель молодого поколения Н. Г. Чернышевский из своего заточения в крепости дал этот ответ: в 1863 г. начал печататься его роман «Что делать», произведший громадное впечатление. Чернышевский не только указывал, как надо разумно устраивать свою личную жизнь, но и рисовал ту общественную деятельность, какая стояла на очереди. На-ряду с фигурой революционера Рахметова, очерченной им довольно туманно, Чернышевский выводит Веру Павловну, передовую женщину, которая нашла себе определенное общественное дело: она заводит на кооперативных началах швейную мастерскую, как первоначальную ячейку будущего соцалистического строя. Чернышевский давал понять своему читателю, что не эти мастерские решат социальный вопрос — без Рахметовых и их революционной деятельности не обойтись, — но всякого рода трудовые товарищества, ассоциации должны сыграть роль подготовительной школы, должны служить сближению с народом, перевоспитать их участников... Пример

Веры Павловны сейчас же нашел подражание — стали устраиваться артели, швейные, башмачные, переплетные и т. п. мастерские.

Во всем этом движении деятельное участие принимали женщины. Многим из них в их стремлении к знанию и самостоятельности приходилось преодолевать значительные препятствия со стороны мужей и родителей; многие порывали с мужьями, устремлялись в столицы, перебиваясь случайной работой. Десяткам молодых девушек приходилось тайком или обманом уходить из дома, чтобы избавиться от родительского гнета; нередко устраивались так называемые фиктивные браки, дававшие девушке свободу и избавлявшие ее от опеки семьи. Девушка выходила замуж, ее официальный муж выдавал ей отдельный вид на жительство, и она становилась совершенно самостоятельной. Многие участницы позднейшего революционного движения прошли через такой фиктивный брак: Вера Рогачева, Клеопатра Лукашевич, В. Корнилова и бесчисленное количество других молодых девушек только таким путем могли удовлетворить свои стремления к знанию и к общественной деятельности.

В своих воспоминаниях, один из лучших пропагандистов среди рабочих начала 70-х годов, С. Синегуб рисует яркую и живую картину того, как заключались в ту пору такие мнимые браки. «Однажды, — говорит он,— когда мы жили в коммуне, пришел Чарушин, который сообщил нам, что получено письмо из Вятки от его знакомой, которая, будучи классной дамой в епархиальном училище и пользуясь величайшей любовью воспитанниц старших классов, кое-кого из них просветила насчет народа и служения ему, и некоторые из них, кончив училище, хотели устроить свою жизнь сообразно своим убеждениям, но наткнулись на жестокий семейный деспотизм. Одна из лучших учениц, дочь сельского священника, попала в такие тиски отцовского деспотизма, что решилась бежать из дома, но была поймана, вновь водворена под отчий кров; ее лишили переписки, отобрали книги, хотят выдать насильно замуж ... Так как другого средства спасения, кроме фиктивного брака, придумать было нельзя, то знакомая Чарушина про-

сила подыскать подходящего человека. Я не колеблясь предложил свои услуги...». Напутствуемый товарищами и снабженный ими приличествующей случаю одеждой, Синегуб едет за тысячу верст в глухую деревню, где жила рвущаяся на волю девушка. Он является к ее родителям, изображает из себя влюбленного в дочь, с которой будто бы не так давно познакомился в городе, просит их согласия на брак с нею. Он показывает свои документы, удостоверяющие, что он дворянин, сын состоятельного помещика; деревенский священник и его попадья лучшего мужа для дочери и не ожидали. Они дают свое согласие. Происходит помолвка, обмен кольцами, молодые люди удачно играют комедию влюбленных — хотя до сих пор в глаза не видели друг друга, — шьется приданое, справляется шумная свадьба, а потом новобрачные уезжают в Петербург, увозя с собой благословения ничего не подозревающих родителей. В Петербурге молодожены расходятся, вырвавшаяся на свободу девушка поселяется в одной из многочисленных коммун, вступает в кружок самообразования, готовится к будущей общественной деятельности...

Насколько часты были в ту пору такие уходы из дому, показывает сообщение того же Синегуба, что почти одновременно с ним его брат направился в другой конец России, в Екатеринослав, где должен был устроить побег из семьи другой девушке, находившейся в таком же положении, как и дочь вятского священника.

* * *

События, между тем, шли своим чередом. В Москве возникла организация, группировавшаяся вокруг Ишутина, которая ставила себе чисто революционные задачи — социалистическую пропаганду в народе в целях подготовки восстания. Покушение на Александра II, совершенное 4 (16) апреля 1866 года одним из основателей кружка — Каракозовым, повело к полному разгрому организации и к дальнейшему усилению реакции. Правительство закрыло передовые журналы — «Современник» и «Русское Слово», усилило цензурный гнет, хватало направо и налево всех подозрительных с точки зре-

ния «благонадежности» людей, в широких размерах стала практиковаться административная ссылка. Но брожения среди молодежи это не прекратило. Напротив, все больше крепло настроение перейти от слов к делу, пойти со своими знаниями в «народ», объяснить ему его положение и позвать на борьбу за социализм.

Настроения молодежи того времени Вера Засулич, сама тогда только вступавшая в жизнь, рисует следующим образом: «„Что делать“ продолжало перечитываться молодежью, но самый доступный, легко исполнимый из являвшихся прежде ответов на поставленный в заголовке романа вопрос — заводить ассоциации — уже не удовлетворял. В предыдущий период ассоциации, по большей части швейные, росли, как грибы, но большая часть из них вскоре распадалась, а некоторые кончались третейскими судами и ссорами. Так же плохо шли и переплетные мастерские, хотя там менее сложный и не требующий долгой предварительной подготовки труд был более приспособлен к ассоциации ... В 1869 г. затишье, наступившее вслед за каракозовщиной, еще продолжалось во всей силе. Из людей 60-х годов иные сошли со сцены, другие куда-то попрятались, и во всяком случае зеленой молодежи, подъезжавшей из провинции после погрома, не было к ним доступа. Она оставалась совершенно одна, ей предстояло отыскивать дорогу собственными силами ... Такая изолированность молодежи, отсутствие пропаганды в ее среде, отсутствие соприкосновения с лицами сложившегося миросозерцания, могущими помочь в разрешении вопроса: „что делать“, — приводило ищущую дела молодежь в тоскливое, тревожное состояние. Те надежды, с которыми ехала она в Петербург, оказывались обманутыми. Начало 60-х гг. облекло столицы, а в особенности Петербург, в самый яркий ореол ... В провинции ... образовывались маленькие группы юнцов, решившиеся посвятить себя „делу“, как тогда многие выражались вкратце, или даже просто „революции“. А за выяснением, что это за „дело“, что за „революция“, начинали рваться в Петербург: там все узнаем, там-то выяснится. Дорвавшись, наконец, до Питера, преодолевши иногда для этого, при крайней бедности большинства, величайшие

затруднения, они начинали всюду толкаться, знакомиться, расспрашивать, но, натыкаясь везде, куда они могли проникнуть, на ту же шаткость и неопределенность понятий, на те же нерешенные вопросы, от которых бежали из провинции, они скоро впадали в уныние, в тревожное состояние ... ».

Настроение это создало благоприятную почву для новых студенческих волнений, которые и начались с осени 1868 г. Стали собираться на частных квартирах частые и многочисленные сходки, на которых обсуждались сперва чисто студенческие дела: как добиться права устраивать кассы взаимопомощи и студенческие собрания. Вскоре на этих сходках стал появляться учитель Нечаев, старавшийся приобрести руководство движением: он рассчитывал воспользоваться чисто студенческим движением для того, чтобы втянуть если не всю студенческую массу, то лучшие и наиболее активные ее элементы в революционную борьбу. Успеха он, однако, не имел: студенческая масса была еще очень незрела политически и отнюдь не готова вступать в борьбу с правительством. Но Нечаеву всё же удалось подобрать небольшую группу сторонников, с которой он и поддерживал переписку из-за границы, куда скоро уехал, разыграв комедию с мнимым арестом и бегством из крепости (сделал он это для приобретения большей популярности и авторитета). Без Нечаева сходки продолжались, в них участвовали не только студенты, но и многие женщины не учащиеся, обсуждались тут уже не только студенческие вопросы, но и вопрос о том, что делать. Недавно проникший в Россию № 1 издававшегося за границей Бакуниным журнала «Народное Дело» звал учащуюся молодежь «в народ», чтобы вызвать народное восстание, и этот лозунг стал предметом оживленных споров. Между тем, по случайному поводу брожение студентов перешло в так называемые «беспорядки»; весною 1869 г. они вспыхнули в Медицинской академии и перекинулись в Технологический институт и университет. Эти учебные заведения были властями закрыты, человек до ста арестовано, а затем 68 человек выслано на родину. Во время этих событий молодая девушка А. Дементьева напечатала в типографии,

специально арендованной ею для печатания нелегальной литературы, прокламацию «К обществу», в которой излагались требования студенчества и общество призывалось поддержать его.

Прокламация эта произвела сильное впечатление, так как уже пять лет никаких нелегальных воззваний не появлялось. Полиция принялась за усиленные розыски типографии и скоро Дементьева была арестована одновременно с ее женихом П. Ткачевым, бывшим автором прокламации. Они оба были включены в число обвиняемых по так называемому нечаевскому процессу, который происходил летом 1871 г. Дело в том, что Нечаев не долго оставался за границей; вернувшись скоро в Россию, он поселился в Москве, создал там заговорщическую тайную организацию, пробовал нечто подобное создать и в Петербурге. Встретив противодействие своим намерениям со стороны одного из членов организации — Иванова, он изобразил его в глазах других членов предателем и убедил их убить его. Убийство это, действительно, было совершено, и Нечаев сейчас же после этого снова скрылся за границу. Убийство вскоре было обнаружено, открыты и арестованы все его участники и члены нечаевской организации; они были преданы суду петербургской судебной палаты. То был первый гласный политический процесс. Из 11 подсудимых две были женщины: совсем еще юная Ал. Дм. Дементьева и жена полковника Ел. Хр. Томилова, служившая посредницей между Нечаевым и его помощниками (с третьей женщиной — молодой Верой Ивановной Засулич, которой предстояло еще сыграть такую большую роль в революционном движении и на адрес которой Нечаев писал из-за границы своим единомышленникам, — правительство расправилось в административном порядке). Эти две женщины явились первыми женщинами, фигурировавшими на скамье подсудимых в политических процессах. И надо сказать, что одна из них, А. Д. Дементьева, сумела держать себя на суде с большим достоинством и мужеством. Она произнесла речь, произведшую сильнейшее впечатление. Указав, что газетам было запрещено писать о студенческих волнениях и их причине, а потому общество судило о них

вкривь и вкось и отказывало студенчеству в поддержке, она сочла своим нравственным долгом прийти студентам на помощь и напечатала прокламацию с изложением их требований.

Дементьева отделалась сравнительно пустяшной карой—4 месяцами тюрьмы (Томилова была оправдана), но в административном порядке правительство продолжало ее преследовать: отбыв тюремное заключение, она была выслана в Нижний-Новгород. Здесь она явилась центром притяжения всех радикальных и «неблагонадежных» элементов, у нее устраивались чтения и обсуждение социалистических сочинений. Скоро ее выслали из Нижнего в Калугу; здесь полиция признала ее влияние вредным и хотела водворить ее в одно из уездных захолустьев, но ей удалось получить разрешение поехать в Великие Луки для брака с Ткачевым. Когда он бежал за границу из ссылки, она последовала за ним и помогала ему в его работе. Поступив на медицинский факультет, она получила в 1888 г диплом врача, написав работу «Гигиенические условия быта фабричных рабочих в России», и занималась затем врачебной практикой. Только спустя много лет после смерти мужа ей удалось добиться права возвращения в Россию. Это было в 1903 г., а уже в следующем году Дементьева работала врачом на театре военных действий в Маньчжурии. Попав в плен, она возвращается на родину в мае 1905 г., но немедленно подвергается аресту за пропаганду среди русских солдат, находившихся в плену. С 1906 г. она жила и работала в больнице до самой смерти 3 сентября 1922 г.

Нечаевский процесс произвел на молодежь сильнейшее впечатление. Воспоминания всех будущих революционных деятелей, тогда еще не выработавших себе определенного миросозерцания и только готовившихся к общественной деятельности, единодушно говорят об отрицательном отношении молодежи к представшей перед нею на суде «нечаевщине» — отталкивали «иезуитская система организации Нечаева, слепое подчинение членов какому-то неведомому центру, никакой деятельностью себя не проявившему», ложь и обман, на которых строилась его организация. И всё же, «под-

судимые этого процесса являлись борцами за освобождение народа от гнета правительства и жертвами его произвола. Молодежь поддавалась обаянию борьбы за идеи правды и справедливости и стремилась найти лучшие пути для проведения их в жизнь»... Процесс возбудил стремление создать революционную организацию, построенную на иных началах, сильную «близким знакомством, взаимным доверием, симпатией и равенством всех членов»...

В это время в Петербурге существовал уже довольно многолюдный кружок для самообразования, явившийся впоследствии ядром организации так называемых «чайковцев» и включавший в свой состав ряд выдающихся в последующие годы революционных деятелей, как, например, Марк Натансон, Ольга Шлейснер, С. Перовская, Н. Чайковский, С. Лешерн и др. Кружок этот сложился не сразу. Женщины, участвовавшие в нем, начали все с посещения Аларчинских курсов, созданных при одной из мужских гимназий для подготовки женщин к поступлению в высшие учебные заведения. Здесь познакомились и близко сошлись между собой сестры Корниловы, Перовская, С. А. Лешерн, А. Вильберг и другие (к ним потом присоединились Е. Ковальская и А. Корба). Но точные науки — естествознание — не увлекали молодых девушек. Общественные вопросы все более захватывали их. Вышедшие в это время книги Флеровского «Положение рабочего класса в России», первый том сочинений Лассаля, популярные книги А. Михайлова-Шеллера: «Пролетариат во Франции» и «Ассоциации» знакомили с рабочим вопросом и пробуждали социалистические настроения. Кружок, остававшийся чисто женским и сторонившийся мужчин, занялся изучением политической экономии. Постепенно, однако, произошло сближение с мужской молодежью в лице М. Натансона и Александрова, студентов-медиков, пользовавшихся большим влиянием, энергично выискивавших из среды учащейся молодежи подающих надежды и организовавших из них кружки для самообразования. Натансон с друзьями (Сердюков, Купреянов), кроме того, занимались тем, что приобретали по удешевленным ценам подходящие книги и рассылали их затем по

провинциальным городкам, помогая, таким образом, возникновению кружков в самых глухих углах и заводя обширные связи в провинции.

К весне 1871 г. Натансон решил расширить свой кружок, соединив его с женскими и включив новых членов. В дачной местности по Неве были сняты две дачи, в которых и поселилось большинство членов вновь организовавшегося кружка, насчитывавшего уже 15 человек. Начались усиленные занятия и беседы по поводу прочитанного. К лету, под влиянием нечаевского процесса, перед кружком встал вопрос: ограничиваться ли работой по самообразованию в целях подготовки к пропаганде в народе или заняться более активной деятельностью, обслуживая молодежь, проявляющую сильнейшее стремление к знанию. Было решено: 1) приобретать и самим издавать книги по дешевым ценам; 2) снабжать книгами студенческие библиотеки в Петербурге и провинции по тем же низким ценам; 3) содействовать устройству новых библиотек и кружков самообразования. Цели были совершенно мирные и легальные, но уже очень скоро дальнейшее идейное развитие участников кружка толкнуло их на революционный путь. Не мало содействовали этому и гонения со стороны правительства. На этих летних совещаниях и несколько позднее состав кружка был значительно расширен — были приняты Д. Клеменс, Ф. Лермонтов, Н. Чарушин, В. Грибоедова, Л. Тихомиров, Л. Чемоданова, А. Кувшинская, Д. Рогачев, С. Кравчинский, С. Синегуб, Л. Шишко, П. А. Кропоткин и другие. За границу был послан Александров для устройства типографии и печатания нужных для пропаганды книг. Вдохновителем, идейным руководителем и главным организатором являлся, несомненно, М. Натансон, но он старался держаться в тени, более заметную роль играл блестящий, общительный и увлекательный Чайковский, по имени которого организация впоследствии и получила широкую известность.

Однако, среди учащейся молодежи, в особенности женской, — было не мало таких, которые не хотели ничем отвлекаться от чисто-научных занятий; не получая доступа в высшие учебные заведения, эти девушки стали

стремиться за границу, где думали беспрепятственно получить высшее образование. Они уезжали в Швейцарию, где вскоре, в особенности в Цюрихе, скопилось много десятков молодых студенток, изучавших, главным образом, медицину. Но заграничная жизнь с ее впечатлениями, с ее свободной печатью и политическими партиями и собраниями, деятельность рабочего Интернационала, парижская коммуна и ее отголоски, социалистическая литература и пропаганда — всё это неизбежно должно было пробуждать в этих русских студентках общественные интересы ... Вырвавшись из затхлой атмосферы «молчавшей на всех языках» России, они жадно поглощали социалистические брошюры, усердно посещали рабочие собрания, усваивали социалистические идеи. У одних этот процесс происходил сравнительно очень быстро, у других — медленнее, поскольку они пытались отгородиться от осаждающих их новых впечатлений и не изменять науке. Вера Фигнер в своих воспоминаниях рассказывает, какой продолжительной и мучительной борьбы потребовало у нее такое перерождение. Когда в 1872 г. она приехала в Цюрих, там была уже многочисленная русская колония — отчасти эмигранты с уже сложившимися взглядами, а главным образом, студентки, изучавшие медицину. Среди этих последних возник кружок, поставивший себе целью изучение развития социалистических идей, ознакомление с политической экономией и с рабочим движением на Западе. В состав этого кружка входили: С. Бардина, В. Александрова, две сестры Любатович, Б. Каминская, три сестры Субботины, Лидия и Вера Фигнер.

Два года кружок посвятил усиленному чтению и занятиям, и в результате этого участницы решили отдать все свои силы распространению социалистических идей у себя на родине. Успехи рабочего движения в Германии, Англии и других странах Европы побудили их думать, прежде всего, о пропаганде среди рабочих. Хорошо друг с другом ознакомившись и близко сдружившись, они положили начало организации, которая потом должна была начать действовать в России. Правительственное вмешательство ускорило переход кружка

44066

к практической деятельности. Летом 1873 г. вышел указ, приказывающий студенткам покинуть Цюрихский университет в виду того, что в Цюрихе студентки под покровом занятий наукой предаются безнравственной жизни, а также заражаются социалистическими идеями. Ослушницам, остающимся в Цюрихе, указ грозил недопущением по возвращении в Россию к экзаменам и к работе по специальности. Очень многие студентки вернулись после этого на родину, но члены кружка остались за границей, — они лишь переехали в другие города и перевелись в другие университеты: часть переехала в Берн (в том числе и Вера Фигнер), остальные — в Париж. Парижанки сошлись с группой учащихся кавказцев — Джабадари, Чикоидзе, Цициановым и другими, а в дальнейшем слились с ними в одну организацию. В 1874 г. почти все члены этой организации вернулись в Россию, чтобы немедленно приступить к деятельности; за границей оставалась группа, издававшая газету «Работник», а также те члены, которые должны были служить резервом для пополнения потерь, вызываемых арестами. Центром работы была избрана Москва и прилегающий к ней промышленный район. Пропаганду имелось в виду вести среди рабочих не со стороны, а поступая работать на фабрики: таким путем надеялись легче сходиться с рабочими и приобрести большее доверие с их стороны; думали, что и в полицейском отношении это будет безопаснее.

К этому времени, летом 1874 г., социалистическая пропаганда велась уже во многих местах России. В Петербурге широкую пропаганду вела среди рабочих организация «чайковцев», о которой уже говорилось, и другие группы; среди крестьян во многих губерниях социалисты-одиночки пробовали распространять социалистические идеи. «Чайковцы» постепенно распространяли свою деятельность на провинцию, во многих городах имели своих членов, а в 1873 г. многие из них двинулись «в народ» для пропаганды по деревням и селам. Аресты, вырывавшие раньше отдельных пропагандистов и членов организации (Марк Натансон, например, был арестован и административно сослан в 1871 г), приняли теперь массовый характер. В ноябре 1873 г.

в Петербурге произведен был разгром чайковцев, потом аресты перекинулись на провинцию, где в течение 1873—75 гг. были захвачены многие сотни пропагандистов, большинство которых свозилось в Петербург, где подготовлялся грандиозный процесс. Еще до того, в конце 1873 г., в Москве были арестованы, а в 1874 г. приговорены к каторжным работам Долгушин, Дмоховский и другие, устроившие нелегальную типографию, в которой были напечатаны две прокламации и написанная Флеровским брошюра: «Как жить по закону природы и правды», и ведшие пропаганду в Московской губернии. Весною 1875 г. в Москве, а через некоторое время в Иваново-Вознесенке, Туле и Киеве были переарестованы почти все члены возникшей в Цюрихе организации. Судили их в 1877 г., и суд кончился приговором к ссылке на поселение и к каторжным работам...

Социалисты того времени, начавшие с мирной социалистической пропаганды, главным образом, среди городских рабочих, не помышляя о близкой революции, в дальнейшем своем развитии, под влиянием проповеди Бакунина, поставили себе другие цели. Цель эта—организация всенародного восстания для осуществления социальной революции. Согласно взглядам Бакунина, русский крестьянин, в силу своего исторического прошлого и сохранившегося у него общинного уклада, является прирожденным социалистом: он убежден, что земля принадлежит народу, что право пользования ею принадлежит не отдельному лицу, а коллективу, общине, крестьянскому миру; наконец, он отрицательно относится к государственной власти, стремится к самоуправлению крестьянских общин. Народ нечему учить, он знает сам, что ему нужно. Задача социалистов — помочь ему сбросить с себя иго государства и эксплуататоров. Они могут сделать это не со стороны, а только в том случае, если сольются с ним, перестанут быть ему чужим, если они сами пойдут в народ, станут жить его жизнью. Их задача — быть передовым отрядом народной армии, деятельно участвуя во всех вспышках народного возмущения, стремясь объединить отдельные волнения и бунты во всенародное восстание. Социалистическая интеллигенция должна отказаться от своего

привилегированного положения, надеть сермягу, пойти на фабрику, в деревню, взять в руки кузнечный молот, встать за верстак, орудовать косой — одним словом, делать крестьянскую и рабочую работу...

И сотни социалистов, мужчин и женщин, бросали учебные заведения, поступали на фабрики или выучивались какому-нибудь ремеслу и шли в деревню, чтобы проповедывать восстание. Другие направлялись туда в виде бродячих торговцев, прасолов и т. п. Как уже указано, движение приняло массовый характер, распространилось по всей почти России, но очень скоро было ликвидировано. Его завершением явились два судебных процесса — дело 50-ти и дело 193-ех, разбиравшиеся в 1877 г. Ознакомимся же с главными участниками и участницами этих процессов и с их деятельностью, приведшей их на скамью подсудимых.

ГЛАВА II.

ПЕРВЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРКИ.

Всероссийская социально-революционная организация. — Процесс 50-ти: С. Бардина, Б. Каминская, О. Любатович, Геся Гельфман. — Отклики процесса. — Пропаганда среди рабочих в Петербурге: А. Корнилова, А. Кувшинская, С. Перовская. — Другие участницы процесса 193-ех: С. Лешерн, Н. Юргенсон, наборщицы типографии Мышкина, С. Иванова, Е. Брешковская.

В феврале 1877 г. в особом присутствии сената слушалось дело «Всероссийской социально-революционной организации», известное под названием процесса 50-ти. Из пятидесяти обвиняемых почти половина были женщины. Процесс этот произвел сильнейшее впечатление, главным образом, благодаря речам двух обвиняемых— Софии Илларионовны Бардиной и рабочего Петра Алексеевича Алексеева, которые долгое время распространялись в виде брошюр, как отличнейший агитационный материал. Тысячи рабочих, приобщавшихся к борьбе за социализм, черпали мужество и уверенность в победе в прогремевших на всю Россию заключительных словах речи Алексеева: «Поднимется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!»...

«Всероссийская социально-революционная организация» сложилась за границей; главные ее участники, тесно сойдясь между собою, выработали определенный план деятельности и почти в одно время направились в Россию, чтобы приступить к работе в Москве. Включив в свою организацию нескольких рабочих, уже вос-

принявших социалистические идеи — ими были П. Алексеев, ученик Синегуба и С. Перовской, С. Агапов, Союзов, — наши пропагандисты и пропагандистки, обзаведясь подложными крестьянскими паспортами и облачась в соответствующую одежду, стали поступать на московские фабрики, главным образом, текстильные, чтобы вступить в непосредственное общение с рабочей массой и воздействовать на нее в социалистическом духе. Много мужества и выдержки требовалось в ту пору для того, чтобы выполнить эту программу. На фабриках работали тогда 16 часов в сутки, рабочие и работницы жили в тесных и грязных фабричных казармах, сами рабочие были невежественны и грубы...

На фабрики поступили Бардина, Каминская, О. Любатович, Лидия Фигнер и другие. Вот что нам известно о том, как они действовали и в каких условиях им приходилось работать.

Бардина поступила на фабрику Лазаревых. Работая в женской мастерской, она поневоле должна была начать с женщин, но те были в ту пору слишком неразвиты, невежественны и забиты, чтобы ее речи могли произвести хотя какое-нибудь впечатление. Она встречала лишь тупое равнодушие, непонимание, а то и насмешки. Тогда Бардина решила во что бы то ни стало добраться до мужчин, свести знакомство с рабочими. Появление женщины в мужских казармах считалось делом необычным; тем не менее, познакомившись с одним женатым рабочим через его жену, бывшую ее соседкой по станку, Бардина, придумав подходящий предлог, пошла к нему в казарму будто по делу, и тут, затеяв с ним разговор, повела его так ловко, что совсем естественно смогла предложить ему почитать вслух книжку. Вытащив из кармана принесенную с собою нелегальную брошюрку: «Сказка о четырех братьях», она принялась читать ее. Ее сейчас же обступили живущие в казарме рабочие, затаив дыхание, слушавшие неведомую сказку. А когда она кончила, не было конца расспросам. Для рабочих такая грамотная и бойкая «баба» была в диковинку, ведь среди них самих было не больше десяти грамотных на сотню. Бардина объяснила, что она раскольничья начетчица, а потому и умеет читать. Завелось

знакомство, и она стала не только ходить в мужскую казарму, но и посещать вместе с рабочими по субботам и воскресеньям трактир, где беседовала с ними или читала по их просьбе газеты и книжки.

Почти также шло дело и у Бети Каминской. Она поступила на тряпичную фабрику по паспорту солдатки Красновой. Работать приходилось при ужасной обстановке. Пол грязный и сырой, воздух насыщен пылью от тряпок, которая лезла в нос, уши, ела глаза; вентиляции, конечно, никакой. Рабочий день — 10 часов, плата — 4 руб. 50 коп. в месяц на своих харчах. Спали работницы «в подвальном этаже, с каменным, мокрым от помоев полом... Вдоль стен шли нары в два яруса, на которых спали, тело к телу, по 20 женщин. Постелью им служила рогожа, а одеялами — загрязненное верхнее платье. Вонь и духота стояли невыносимые, насекомые разных мастей кишели уймами. Пищу варить было негде — работницы обходились поэтому одним лишь черным хлебом с квасом и огурцами». Слабой, непривыкшей к физическому труду девушке приходилось вдобавок таскать по двору и по лестнице полуторапудовые тюки с тряпками. Каминская, однако, готова была все перенести, но забитость, тупость и невосприимчивость ее товарок по работе приводили ее в отчаяние и она перешла на другую фабрику — на крупную суконную фабрику, где работало несколько тысяч человек. Здесь условия были еще тяжелее, через неделю приходилось работать в ночную смену. Как и раньше, работницы оказались почти недоступными воздействию социалистической пропаганды. Как и Бардиной, Каминской пришлось заводить знакомство с рабочими мужчинами при помощи всяких ухищрений. «Она стала посещать мужские казармы и вскоре заинтересовала всю фабрику... Она пользовалась всеми предлогами, чтобы свести разговор на желанную тему. Вот видит она в руках одного парня рабочую книжку, где напечатаны правила, определяющие обязанности рабочих. Каминская читает ее вслух, разбирает значение каждого правила и указывает рабочим, как все эти правила клонятся к их ущербу и к пользе одних только хозяев. Она указывает им на факты из жизни западных рабочих, их со-

лидарность и борьбу с хозяйской эксплуатацией и, мало-по-малу увлекаясь, вдается в историю, рассказывает эпизоды из революции во Франции и в других странах... Рассказы эти, конечно, не мало поражали рабочих своей необычностью... Вдохновенная речь ее производила впечатление, которое усиливалось еще ее наружностью. В эти минуты она поистине была прекрасной. Большие карие глаза искрились и горели, щеки покрывались ярким румянцем, в голосе слышались хватающие за душу ноты. Вот кружок слушателей все ближе и ближе теснится вокруг нее, лица оживляются, на глазах навертываются слезы, но вдруг неумолимый пронзительный свисток, призывающий на работу, заставляет их встрепенуться, как ото сна. Неумолимая действительность предъявляет свои права, и все разбредаются, прося Бетю снова как-нибудь рассказать им или прочитать им что-нибудь интересное»...

Однако, впечатление не могло быть глубоким: рабочие были слишком задавлены тяжелым трудом; пробуждаясь под влиянием ее горячих речей, они скоро вновь погружались в безучастность ко всему окружающему, думали только о том, как бы получше отдохнуть. Это огорчало и подавляло болезненно-впечатлительную Каминскую. «Она сомневалась и отчаивалась, грустила и плакала. Но ничто не могло сломить настойчивость этой молодой, слабенькой девушки. Она снова и снова возвращалась к своему делу. Говорила, убеждала, разъясняла неутомимо, непрестанно»... Наконец усилия ее увенчались успехом: ей удалось составить небольшой кружок из рабочих, у которых она пробудила жажду к знанию и стремление бороться за лучшую жизнь. Каминская была неимоверно счастлива, видя этот скромный результат своей самоотверженной работы...

В таких или приблизительно таких же условиях работали и действовали и другие члены организации. Скоро они завели обширные связи и знакомства среди, главным образом, фабричных рабочих, которые представлялись им меньше всего порвавшими связь с деревней и потому наилучшими проводниками социалистических идей в крестьянскую массу. Широко раздавалась

нелегальная литература, в большом количестве имевшаяся у организации; обвинительный акт устанавливает распространение брошюр «Емелька Пугачев», «История одного крестьянина» (по Эркману-Шатриану), «Сказка о четырех братьях», «Чтой-то братцы», «Хитрая механика», «Парижская Коммуна», «О мученике Николае», «Сборник новых песен и стихов», «Крестьянские выборы». С знакомыми рабочими встречались в трактирах, более надежных приводили к себе на квартиру.

Горя энтузиазмом и стремясь возможно шире раскинуть сеть социалистической пропаганды, члены организации действовали почти открыто, не соблюдая осторожности, и результаты этого должны были очень скоро сказаться. В самом конце 1874 г. они приступили к работе, а уже в марте следующего года к жандармам стали поступать от администрации различных московских фабрик сообщения, что среди их рабочих распространяются и обнаружены нелегальные книжки (фабрики Лазаревых, Носовых, Гюбнер, бр. Тюляевых, Емельянова и Рошфор, Соколова и др.), при чем представлялись и захваченные брошюры. Лидии Фигнер даже пришлось бросить на фабрике свои вещи и паспорт и перейти на другую, чтобы не попасться; то же случилось и с Бардиной. Жандармы насторожились и стали следить. Наконец, в конце марта удалось установить распространителей литературы: попались рабочие Ив. Баринов и Васильев; через пару дней жена Васильева, желая выгородить мужа, сообщила жандармам адрес квартиры, где жили люди, сбившие ее мужа с пути. Пропагандисты тем временем заметили слежку за собой и собирались скрыться, но не успели: 4 апреля жандармы нагрянули в Лефортово, в указанную квартиру, и захватили там 9 человек — С. Бардину, Б. Каминскую, Чикоидзе, Джабадари, Лукашевича, Георгиевского и рабочих П. Алексеева, Николаева и Агапова. Вслед затем последовали аресты других членов организации. Был взят Цицианов, оказавший вооруженное сопротивление, и некоторые другие.

Уцелевшие от погрома члены старались продолжать дело и наладить работу в других городах. Часть из них направилась в Иваново-Вознесенске. Но и там им при-

шлось проработать очень недолго: приехали они туда в конце мая, а были арестованы уже в начале августа. Все происходило, как и в Москве. Освобожденные после первого ареста Агапов и Баринов поступили на фабрику в Иванове и стали знакомиться с рабочими, приглашая их к себе на квартиру, где вместе с ними жили Л. Фигнер, Варвара Александрова, Туманова, Топоркова. Они старались своим образом жизни не обращать на себя внимание, живя как все фабричные: женщины ходили босяком, в платочках, в простых платьях, сами носили себе воду... Познакомившись с несколькими рабочими, несколько раз угостив их чаем и побеседовав с ними, пропагандисты приступили к распространению через них брошюр. Но скоро один рабочий с фабрики Зубкова попался с «Сказкой о четырех братьях». Жандармы прижали его к стене, и он признался, что получил ее от «московских» ткачей, и указал их квартиру. Сейчас же их всех арестовали, а главное — нашли у них разные документы, адреса, переписку и пр. Последовали новые аресты в Москве, Туле, Киеве, Одессе, организация была разгромлена начисто.

При обысках было найдено достаточно обличительного материала, чтобы привлечь к суду 50 человек (в том числе нескольких рабочих) и сурово покарать их.

Кто же были обвиняемые? Ядро мужчин составляли кавказцы—князь Цицианов, Чикоидзе, Джабадари, Зданович, Гамкрелидзе. Из женщин выделялись С. Бардина, являвшаяся одной из главных основательниц организации, сестры Субботины, сестры Вера и Ольга Любатович, Каминская, Лидия Фигнер, Варвара Александрова, Батюшкова. Судилась, кроме того, Геся Гельфман, которой предстояло еще участвовать в деятельности «Народной Воли»... Из рабочих самой яркой фигурой был Петр Алексеев.

С. Бардиной во время ареста было 22 года; родилась она в Моршанске, Тамбовской губ., отец ее был приставом и отличался деспотическим характером. Училась она в институте и по окончании его поехала в Москву, где скоро свела знакомство с социалистическими кружками; здесь же она познакомилась с сестрами Любатович и вместе с ними отправилась в Швей-

царию, чтобы изучать медицину. Она явилась инициаторшей и центром того женского кружка, который потом целиком вошел в московскую организацию. Насколько сильно было влияние ее на других учащихся в Цюрихе сверстниц, видно из рассказа Веры Фигнер, которая сама представляла собою крупную и яркую личность, с самостоятельным характером и большой силой воли. Фигнер долго сопротивлялась нахлынувшим на нее за границей впечатлениям, не могла сразу воспринять учение социализма, выдвигая против него все новые и новые доводы, не хотела отказаться от мирной культурной деятельности врача в народе, к которой готовилась. Решительный удар нанесла Бардина — она сумела опрокинуть все доводы и отговорки сомневающейся Фигнер. Ее победила спокойная уверенность и убежденность Бардиной, которая сумела внушить ей, что «индивидуальные старания ничего не могут сделать против могущественного влияния общих условий социального строя... Все стремления и усилия должны быть направлены не на облегчение судьбы отдельных лиц, не на врачевание отдельных случаев, а на ниспровержение тех социальных учреждений, от которых происходит зло: надо бороться против эксплуатации человека человеком, против частной собственности, против права наследства. Надо уничтожить их!»...

На суде Бардина произнесла сильную речь, из обвиняемой превратившись в обвинителя. Не отрицая того, что она вела пропаганду среди рабочих, она, в ответ на обвинение в стремлении уничтожить собственность, семью, религию и государство, указала, что все это делает современное общество

«Собственности я никогда не отрицала, напротив, я осмеливалась даже думать, что защищаю собственность, ибо я признаю, что каждый человек должен быть полным хозяином своего труда и его продукта. И, скажите после этого, я ли, имея такие взгляды, подрываю основы собственности, или тот фабрикант, который, платя рабочему за одну треть его рабочего дня, две трети берет даром? Или тот спекулянт, который, играя на бирже, разоряет тысячи семейств, обогащаясь на их счет и сам не производя ничего?.. Мы выставляем на

первый план право рабочего на полный продукт его труда...

«Относительно семьи я также не знаю: подрывает ли ее тот общественный строй, который заставляет женщину бросать семью и итти для скудного заработка на фабрику, где неминуемо развращаются и она и ее дети; тот строй который вынуждает женщину, вледствие нищеты, бросаться в проституцию, и который даже признает эту проституцию, как явление законное и необходимое во всяком благоустроенном государстве; или подрываем семью мы, которые стремимся искоренить эту нищету, служащую главнейшей причиной всех общественных бедствий, в том числе и разрушения семьи?

...«В подрывании государства я столь же мало виновата. Я вообще думаю, что усилия единичных личностей подорвать государство не могут. Если государства разрушаются, то это обыкновенно происходит от того, что они сами в себе носят зародыши разрушения... Конечно, если какое-нибудь государство держит народ в политическом, экономическом и умственном рабстве, если оно массой неоплатных податей, капиталистической эксплуатацией рабочего и другими ненормальными экономическими и политическими отношениями доводит его до нищеты, болезней, преступлений, — то, конечно, говорю я, такое государство само ведет себя к гибели»...

Речь свою Бардина закончила следующими словами: «Какова бы ни была моя участь, я, господа судьи, не прошу у вас милосердия и не желаю его. Преследуйте нас, как хотите, но я глубоко убеждена, что такое широкое движение, вызванное, очевидно, самим духом времени, не может быть остановлено никакими мерами подавления. Оно, может быть, пожалуй, подавлено на некоторое время, но тем с большей силой оно возродится снова, и так будет продолжаться до тех пор, пока наши идеи не восторжествуют... Преследуйте нас — за вами пока материальная сила, господа. Но за нами сила нравственная, сила исторического прогресса, сила идеи, а идеи — увы! — на штыки не улавливаются!»...

Бардина, как и значительная часть других обвиняемых, была осуждена на каторгу, но женщинам — и ей

в том числе — каторга была заменена ссылкой на поселение. Она попала в Ишим, где ей пришлось жить в тяжелых условиях, без друзей, в обывательской среде. При первой возможности она постаралась бежать из ссылки и в начале 1881 г. была уже в Казани. Надломленная тюрьмой и ссылкой, она вернулась в Россию, когда совершенно изменились условия революционной борьбы, мирная пропаганда отошла на задний план, все силы и энергия революционеров были направлены на террор, — то было время наивысшего напряжения деятельности «Народной Воли». Бардина чувствовала себя чужой, не могла вновь войти в движение и уехала за границу. Здесь тоже ей не находилось никакого дела, она тосковала, не имея около себя ни одного близкого человека, а расстроенное здоровье заставляло ее терзаться мыслью о том, что она вообще уже непригодна для революционной деятельности. Когда она приехала за границу, она была так слаба, что, по словам Кравчинского-Степняка, «не могла уже ничего почти читать, потому что засыпала от усталости на первых страницах... Ничем невозможно было разогнать ее мрачного, безнадежного отчаяния. Она окончательно решила, что она человек погибший для дела... Иногда она старалась бодриться, шутила, смеялась, но вдруг, среди разговора, глаза ее наполнялись слезами. Не раз заставали ее рыдающей, уткнув лицо в подушку».

Наступила неминуемая развязка — 26 апреля 1883 г. Бардина застрелилась. Сделала она это вполне сознательно и проявила удивительную твердость и решительность: револьвер два раза дал осечку, она в третий раз нажала курок, направив пулю прямо в сердце. Но пуля застряла в сердечной сумке и смерть не была мгновенной. Упав на кровать, Бардина, несмотря на сильнейшую боль, в течение двух часов не издала ни одного стона, не позвала на помощь. И в последние минуты перед смертью она была совершенно спокойна, только произнесла «поскорей бы все это кончилось»...

Так кончила свою жизнь героиня процесса 50-ти. Не менее трагична была участь ее сопроцессницы Бети Каминской, не выдержавшей долгого тюремного заключения и лишившейся рассудка. После усиленных хло-

пот отца, ее выпустили на поруки. На свободе она стала быстро поправляться, ожила и даже стала собираться итти «в народ»; чтобы выучиться ремеслу, она поступила в сапожную мастерскую. Между тем, приближалось время суда, и Бети ознакомилась с обвинительным актом. То, что она прочла в нем, убедило ее в неминуемости чрезвычайно суровых кар для ее товарищей по делу, горячо ею любимых. Это потрясло ее, и ее душевное равновесие снова нарушилось. Друзья постарались уговорить ее уехать на юг к отцу, надеясь, что среди родных она несколько успокоится. Но здесь Бети ждал новый удар: получилось сообщение, что в виду ее психического расстройства дело о ней прекращено и она не подлежит суду. Каминская была вне себя — как, неужели ее товарищи по делу пойдут на каторгу и в ссылку, а она будет гулять на свободе? Нет, она немедленно поедет в Петербург, к прокурору, докажет ему, что она совсем здорова, потребует себе места на общей скамье подсудимых... Родные, конечно, не пускали ее, установили надзор за нею. Бети не выдержала; улучив удобный момент, она отравилась и умерла после трехдневных мучений (1877 г.).

Из других участниц процесса упомянем еще о трех сестрах Субботиных, вышедших из богатой помещичьей семьи и отдавших свое состояние на дело революции. Еще до начала деятельности организации в Москве и Иваново-Вознесенске они пробовали вести пропаганду среди крестьян. В своем имении в Орловской губернии они давали приют пропагандистам и обеспечивали им возможность заводить знакомство с крестьянами. Так, они устроили у себя учительницей В. Батюшкову, которая потом судилась вместе с ними. Вместе с другими, Субботины были сосланы, одна из них — Мария, по отзыву знавших ее «необыкновенная девушка», — скоро умерла в ссылке, всего только через год после суда (в 1878 г.). Их мать судилась по процессу 193-ех за пропаганду среди крестьян и оскорбление царя и была приговорена к 8 месяцам тюрьмы.

Ольга Любатович, очень энергичная и смелая, работала в Одессе и Туле. Из ссылки она скоро бежала, чтобы вновь принять участие в революционном

движении. В Петербург она попала спустя короткое время после убийства начальника жандармов Мезенцова, когда намечался уже переход к систематическому террору. Здесь она познакомилась с ныне здравствующим Морозовым, женою которого стала. Между тем, шли аресты членов организации; Любатович попалась в засаду, устроенную на конспиративной квартире арестованных Евгении Фигнер и Квятковского. Благодаря своей находчивости ей удалось провести жандармов: явившись, по ее указанию, на квартиру, занимаемую ею и Морозовым, они, не найдя при обыске ничего преступного, оставили их под домашним арестом; для Любатович и Морозова не составило труда скрыться от сторожившего их городового. После этого товарищи настояли на том, чтобы Любатович (а также Морозов) на время уехали за границу, чтобы замести следы. Вернулась она в Россию в начале 1881 г. при известии об аресте Морозова, чтобы попытаться устроить ему побег. Это, конечно, не удалось, ибо он был заключен в Петропавловскую крепость, а сама Любатович вскоре была тоже арестована и попала в Сибирь, где впоследствии вышла замуж за своего сопроцессника Джабадари. Она дожила до первой революции и в 1906 г. поместила в журнале «Былое» свои воспоминания. Любатович была членом Исполнительного Комитета «Народной Воли», но в его деятельности почти никакого участия не принимала. По возвращении после ареста Морозова в Россию, она хотела организовать свою собственную террористическую группу, отмежевавшись от «Народной Воли». Вера Фигнер характеризует ее, как очень живого, энергичного и способного человека, но отличающегося горячностью и резкой нетерпимостью.

* * *

Незаметной фигурой на процессе казалась Геся Гельфман, которая, однако, показала в дальнейшем, что, при всей своей скромности, она обладает качествами настоящего революционного деятеля. Арестована она была в Киеве благодаря тому, что при арестах в Иваново-Вознесенске и Москве было найдено адресованное на ее имя письмо; ее адрес служил для переписки

членов организации, а квартира служила явкой для приезжающих в Киев. Арестованная в 1875 г. осенью, Гельфман после полуторагодичного предварительного заключения была приговорена к двухлетнему заключению в рабочем доме.

Интересна биография этой еврейской девушки. Родилась Гельфман в 1852 г. в местечке Мозырь, Минской губернии, и все детство провела в некультурной среде тогдашнего еврейства, замкнутого в самом себе и пропитанного религиозными предрассудками. С самого раннего детства маленькая Геся обнаруживала большие способности, любознательность и вдумчивость, уже на девятом году она самостоятельно выучилась читать по-еврейски и по-польски — русский язык в ту пору был совершенно чужд еврейской массе. Девочка читала всё, что только могла достать. На 16-ом году в ее жизни произошла крутая перемена: родители отвезли ее к родственникам в Бердичев. Сюда уже проникли первые лучи культуры. Еврейская молодежь изучала русский язык, знакомилась с русской литературой. Геся быстро свела знакомство с этой молодежью, принялась за изучение русского языка и уже через несколько месяцев могла свободно читать. Она с жадностью набросилась на русские книги, читала, что попадало, но вот попались ей в руки сочинения Белинского — и они произвели в ней полный переворот... Тут же в Бердичеве она впервые увидела газету — то была первая газета, издававшаяся на разговорном еврейском языке. Геся заинтересовалась ею, стала постоянной ее читательницей и даже начала сотрудничать в ней.

Не долго пришлось Гесе прожить в Бердичеве — родители потребовали возвращения ее домой, а когда она, после всевозможных оттягиваний, вернулась, они объявили ей о предстоящей свадьбе: отец, как это водилось в то время, приискал ей жениха и окончательно договорился с его родителями. Геся понимала, что протестовать и отговаривать родителей бесполезно — они не поймут ее нежелания связывать себя на всю жизнь с незнакомым ей человеком. Она сделала вид, что согласна, спокойно смотрела на приготовления к свадьбе, а в ночь перед этим торжественным днем бежала с помощью со-

седки — русской девушки — из родительского дома и направилась в Киев, где началась ее самостоятельная жизнь.

Она поступила на акушерские курсы и скоро завела знакомства с студентами, а через них попала в кружки самообразования. Знавший ее в то время, будущий народоволец, В. Иохельсон дает яркий портрет Геси, переживавшей тогда свою весну жизни. «Это была некрасивая смуглянка, с неправильными и даже несколько грубоватыми чертами лица; роскошь черных густых волос придавала оригинальность ее оживленной и подвижной физиономии. В черных, как смоль, глазах светился восприимчивый ум и доброта. Во всяком новом, хотя бы случайном, знакомом ее глубоко заинтересовывал живой человек. Без всякой предвзятой мысли, по неудержимому природному влечению, она сживалась с его радостями, а еще более — с его печалями, возбуждавшими в ней страстное и деятельное желание помочь. Горя и нужды кругом было много; нередко случалось, что Геся лезла из кожи вон, чтобы выручить из беды какую-нибудь знакомую ей швею, и при этом забывала, что она сама не обедала накануне. Но эта редкая кротость и доброта не доходили в ней до принижения собственной личности. Склонная забывать о себе при виде чужой нужды, она умела вспомнить, что и она живой человек, чуть только кто-нибудь задумывал покичиться перед ней или кольнуть ее превосходством своего умственного развития.

«В Киеве Гельфман жадно пользовалась всякой возможностью расширить свой умственный горизонт и приобрести недостающие ей сведения. Но курсовые занятия, при необходимости существовать плохо оплачиваемой работой и при ее склонности всегда уделять каждому нуждающемуся последние крупицы недостающих ей самой средств и времени, не позволяли ей читать много. Зато она обладала замечательной способностью усваивать себе то, что ей удалось прочитать, и то, о чем говорили с ней или при ней более развитые ее знакомые...

....«Знанием жизни, так называемой практичностью она значительно превосходила большую часть своих

образованных знакомых. И поэтому, чуть только затевалось какое-нибудь коллективное предприятие, она всегда являлась хозяйкой и распорядительницей. При этом, кроме умелости, в ней обнаруживалась редкая доза радушия и заразительной задушевной веселости, доходившей порой до дурачества»...

Жить Гесе было нелегко, она не только училась на курсах—надо было зарабатывать, и она за гроши работала у портнихи. Нередко приходилось ей голодать, но это не лишало ее бодрости. Еще не выработав себе мировоззрения, она хватается за доступное общественное дело — организует на артельных началах швейные мастерские, чтобы улучшить положение работниц-портних, с тяжелой участью которых она была знакома по собственному опыту. За это дело она взялась с той неутомимостью и той преданностью, какие вносила во все свои начинания.

Так прошел не один год. Весною 1875 г. Геся познакомилась с некоторыми из своих будущих сопроцессниц, приехавших в Киев, — Хоржевской, Тумановой и др. «Они раскрыли перед нею возможность иной, более широкой деятельности, т.-е. пропаганды социалистических идей среди рабочих, распространения революционных изданий». Под влиянием особенно Хоржевской, Гельфман примкнула к организации, стала заводить знакомства среди фабричных, изучать условия их быта, посещая рабочие артели. Вместе с тем, она предоставила в распоряжение организации свой адрес и квартиру, что и привело к ее аресту.

О. Любатович в таких словах вспоминает о ней: «Не забуду я нашу встречу в Киеве. Когда я летом 1875 г. проездом зашла к ней, ее не было дома. Пришлось долго ждать, а я была очень утомлена с дороги и, хотя с нею еще совсем не была знакома, прилегла к ней на постель и заснула. Проснулась я от поцелуя. Я открыла глаза. Надо мною наклонилась кудрявая женская головка, приветливая и улыбающаяся, сияющая неимоверной добротой ... — Вы Гельфман? — спросила я. — Да, я долго смотрела на вас, на ваше спокойное, спокойное лицо, и я полюбила вас сразу и не удержалась — поцеловала».

Эпизод этот как нельзя лучше показывает всю нежность и задушевность в натуре Гельфман. Та же Любатович замечает, что она «всегда была готова на жертву. Вся ее жизнь — сплошная жертва».

После суда Гельфман очутилась в Литовском замке, где ее, как непривилегированную, посадили в общую камеру с уголовными, от которых ей пришлось перенести много издевательств и страданий. Да и тюремное начальство относилось к ней сурово и придирчиво. Потом ее поместили в одну камеру с осужденной вместе с нею А. Топорковой, близко сдружившейся с нею, и тогда ее жизнь стала более сносной.

Е. Брешковская, вместе с другими женщинами, осужденными по процессу 193-ех, попавшая в Литовский замок перед отправкой в Сибирь, сохранила очень теплое воспоминание о Гесе Гельфман:

«Среди нас она явилась живым, ярким цветком... Ее яркий румянец, блестящие глаза и особенно звонкий, искренний смех очень приятно оживлял наше общество... Молодая, еще недостаточно искушенная жестокими ударами, Геся была счастлива, вполне счастлива в новой среде. Здесь ее любили и, главное, ценили те ее качества, те свойства ее души, за которые она вынесла столько борьбы и гонений в своей родной среде, где прошла ее юность... В просторной камере, за большим столом сидят и осужденные и жены вольные, получившие милость сопровождать своих мужей на каторгу, и все они заняты ручными работами. Но вот входит Геся, за ней тихая Анна Топоркова, и сразу в камере говор и смех, и все лица устремлены на румяные щеки черноволосой Геси, совсем забывшей, что она просидела только-что за огромными пяльцами, согнувшись, часов пять-шесть, за которыми она выполняла обязательную работу»...

В конце марта 1879 г. кончился срок заключения Гельфман и ее немедленно отправили по этапу в Старую Руссу, назначенную ей для жительства под надзором полиции. Здесь никакого заработка она найти не могла, и ей пришлось существовать на казенное пособие — 6 р. в месяц. Гельфман решила бежать. Заручившись содействием одной местной жительницы, с которой она

свела знакомство и которую легко расположила к себе, Геся уже в сентябре того же 1879 года скрылась из Старой Руссы и направилась прямо в Петербург. Тюрьма и суровые условия жизни в Старой Руссе оставили тяжелые следы... «Она сильно похудела. Исчез румянец, игравший прежде на ее смуглом лице, которое имело теперь по большей части утомленное выражение. Исчезла и неистощимая веселость, не покидавшая ее в прежние годы в самые тяжелые минуты ее жизни. Знавшие Гесю только в Петербурге, привыкли видеть ее обыкновенно серьезною, и только припадками, изредка, возвращалось к ней прежнее беззаботное настроение, под влиянием которого она и здесь порою была не прочь похохотать, пошуметь, наигрывая какую-нибудь своеобразную мелодию на особого рода музыкальном инструменте, очень искусно устраиваемом ею из гребня».

По словам Любатович, Гельфман говорила ей, что чувствует себя крайне утомленной, что ей хотелось бы отдохнуть... Но то было горячее время — только-что возник Исполнительный Комитет, народовольцам нужны были надежные люди, ни от чего не отступающие, готовые на смерть. Вполне понятно, что за нее ухватились, и Геся, конечно, ни на минуту не колебалась и взялась за предложенную ей работу. Судя по всему, с народовольцами свел ее Колоткевич, знавший ее еще по Киеву и ставший скоро ее мужем.

В деятельности партии «Народная Воля» Гельфман не играла заметной роли, она не была даже членом Исполнительного Комитета, но это не мешало ей оказывать неоценимые услуги и выполнять крайне важную работу. Как верно замечает Кравчинский, «без таких лиц, как Гельфман, партия не могла бы существовать и всякая борьба стала бы немыслимой». Она показала себя незаменимой «хозяйкой» конспиративных квартир. «Никто не умел лучше ее ладить с домохозяевами и дворниками, заговаривать зубы непрошенным посетителям... Под видом самой непринужденной простоты, даже болтливости, в ней скрывалось замечательное присутствие духа и находчивость».

Попав в Петербург в октябре, Гельфман уже через два месяца становится хозяйкой конспиративной квар-

тиры, в которой вместе с нею жил В. Иохельсон. Эта квартира служила для собраний и встреч. Весною 1880 г. ей было поручено заведывать квартирой рабочей группы народовольцев, ведшей работу среди рабочих. Потом она переехала на другую квартиру, где была устроена динамитная мастерская. Тут жил Михаил Грачевский; в изготовлении динамита участвовал А. Корба, Т. Лебедева; Исаев работал здесь над усовершенствованием разрывных снарядов. Через несколько месяцев Исполнительный Комитет приступает к изданию «Рабочей Газеты» и поручает Гельфман вместе с рабочим Теркой быть хозяйкой квартиры, где в сентябре 1880 г. устраивается типография. Гельфман не только хозяйка, она и наборщица, она также распространяет набираемую и печатаемую ею «Рабочую Газету». Здесь были напечатаны № 1 этой газеты и программа рабочих партии «Народная Воля». Зимой спешные приготовления к убийству Александра II заставляют Исполнительный Комитет мобилизовать для этого дела все силы: типография ликвидируется, квартира опять превращается в динамитную мастерскую. В феврале 1881 г. Гельфман, на этот раз вместе с Саблиным, переезжает на Тележную улицу, где собираются участники последнего нападения на царя и куда утром 1 марта приносятся четыре разрывных снаряда, из которых два в тот же день пускаются в дело и поражают всероссийского самодержца.

Уже в ночь с 2 на 3 марта — благодаря предательству Рысакова, указавшего на роль квартиры Гельфман и Саблина и ее адрес, — полиция явилась на Тележную улицу. В ответ на ее звонки и стук раздались выстрелы — то убил себя Саблин, не желавший отдаться живым в руки царских палачей. Гельфман открыла дверь и прежде всего потребовала вызвать врача, а потом предупредила полицейских, что в квартире взрывчатые вещества, которые могут взорваться.

Как и после первого ареста, так и теперь Геся Гельфман не сказала ни одного лишнего слова. На первом же допросе, всего через несколько часов после ареста, она заявила: «Ни на какие вопросы, касающиеся меня лично, а также лица, застрелившегося сегодня в той квартире,

где я арестована, и вещей, оказавшихся в той квартире (то были два снаряда, вполне готовые и неиспользованные), я отвечать не желаю».

Через два дня, на новом допросе, Гельфман показала: «Признаю, что принадлежу к русской социально-революционной партии программы «Народной Воли», о своей же революционной деятельности и вообще о своей жизни и занятиях в Петербурге я никаких ответов давать не желаю...».

Это на допросах у жандармов. Но и с судебным следователем она была не более разговорчивой. Она признавала относительно себя то, что не могла отрицать, но не признавала знакомства ни с кем, не давала ни малейших указаний относительно деятельности товарищей, работавших вместе с нею. Она призналась, что была хозяйкой нескольких конспиративных квартир, что печатала «Рабочую Газету» и сама распространяла ее среди рабочих — «но где именно, т.-е. на каких фабриках, заводах или в квартирах, где бывали рабочие, я сказать не желаю, а также не желаю назвать фамилию тех рабочих, коим давала газету...».

На суде Гельфман держалась мужественно и с достоинством. В ответ на обычные вопросы председателя она заявила, что «занималась революционными делами» (вопрос о профессии), и признала себя виновной в том, что по своим убеждениям принадлежит к партии «Народная Воля», была хозяйкой конспиративной квартиры, в которой происходили собрания. Тут же старается она выгородить рабочего Тимофея Михайлова, которого предал Рысаков, и прибавляет, что он к ней на квартиру не ходил. Когда ее защитник старается добиться смягчения приговора указанием на выпавшие на ее долю гонения, суровое наказание по первому делу, тяжелые условия жизни в ссылке, она в последнем слове поправляет его и говорит, что это не так: бежала она из ссылки не из-за преследований полиции, а потому, что после освобождения из тюрьмы «задалась целью служить тому делу, которому служила». Характерны также слова, какие она предпослала этому заявлению. Просто и спокойно она сказала: «В защиту себя я ничего не желаю говорить».

Судьи оценили деятельность Геси Гельфман — вместе с Перовской, Желябовым и Кибальчичем они осудили ее на смерть, признав ее не менее виновной.

В ожидании казни, Гельфман добивалась свидания с своим мужем Колоткевичем, арестованным еще в январе. Но в этом ей было отказано. Ее не казнили вместе с ее товарищами — в виду ее беременности смертная казнь была заменена бессрочной каторгой. Но царское правительство совсем не намерено было сохранить жизнь Гельфман — эта замена была объявлена исключительно для того, чтобы успокоить европейское общественное мнение, возмущавшееся предполагаемой казнью не только «преступницы», но и не родившегося еще ребенка. Только недавно обнаружены документы, с несомненностью устанавливающие, что Гельфман сознательно умертвили, и не возводя ее на эшафот: нашелся палач-профессор, готовый оказать правительству эту услугу. При родах Гельфман, от которых был устранен тюремный врачебный персонал, этот профессор допустил разрыв промежности, а потом не дал ей зарубцеваться и искусственно вызвал воспаление брюшины, от которого Гельфман и умерла через три с половиной месяца после родов.

Палачи сделали всё, что возможно, чтобы увеличить ее мучения в последние дни жизни: за неделю до ее смерти у больной, лихорадящей матери отняли ее ребенка, чтобы никогда уже не возвратить ей (девочку отдали в воспитательный дом, где она скоро умерла). Это было последним ударом — Геся Гельфман не выдержала и умерла 13 февраля 1882 г.

Так погибла эта скромная, незаметная женщина, с такой преданностью, мужеством и самоотверженностью служившая революционному делу. Своим примером она показала, что в революционной борьбе нет великих и малых дел: все необходимо, все требует всего человека и всех его способностей...

* * *

Рассказ о жизни и деятельности Геси Гельфман отвлек нас от процесса 50-ти. Как уже отмечено выше, он произвел громадное впечатление как на молодежь, так

и на широкие круги общества. Что касается молодежи, то можно привести хотя бы свидетельство Н. М. Саловой, тогда юной гимназистки, а впоследствии члена «Народной Воли» (по Лопатинскому процессу приговорена к 20-летней каторге). Салова в своей автобиографии пишет: «Процесс 50-ти. Краткий отчет этого процесса, речи подсудимых, их карточки. На скамье подсудимых рядом с рабочими — студенты, молодые девушки, отказавшиеся от привилегий своей среды и ушедшие на фабрики с искрой света в темное царство. Впечатление сильное, глубокое, имевшее для некоторых из нас серьезные последствия. Мы задумываемся над нашим будущим: близко окончание гимназии, — куда итти, что делать? Некоторые юноши, бросив гимназию, учатся ремеслам. Хотя они молчат, но для всей нашей компании ясно, с какой целью это делается. Я решаю итти вслед за девушками из процесса 50-ти той же дорогой. Буду работать в деревне» ...

Вера Фигнер говорит почти то же самое: «Процесс возбудил общую симпатию. Самоотверженность женщин, бросивших привилегированное положение для тяжелого труда на фабриках, чистота их убеждений, их стойкость возбуждали восхищение ... Некоторые смотрели на их деятельность, как на святой подвиг. Партия, разбитая в своих начинаниях, приобретала нравственный авторитет и ореол мученичества за свои убеждения».

Вызвал процесс сочувственные отклики и в литературе. Тургенев был поражен готовностью на жертвы и силой характера этих юных девушек, это отразилось и на его произведениях. Сенатор Боровиковский посвятил обвиняемым стихотворение, в котором выражал мнение широких общественных кругов, вкладывая в уста обвиняемой следующие слова:

Но знаешь, как я ни преступна,
А предо мной бессилен ты, судья,
Нет, я суровой каре недоступна,
И победишь не ты, а я...

Этим же процессом вызвано известное стихотворение Я. П. Полонского «Узница» («Что мне она...»),

а умирающий Некрасов провожал осужденных такими сильными стихами:

Смолкли честные, доблестно павшие,
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие...
Но разнузданы страсти жестокие,
Вихорь злобы и бешенства носится
Над тобою, страна безответная,
Всё живое, всё честное косится..
Только слышно, о, ночь беспросветная,
Среди мрака, тобою разлитого,
Как на грудь великана убитого
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются...

* * *

Прежде чем говорить о судившихся по процессу 193-ех, нам надо вернуться на несколько лет назад, к тому кружку «чайковцев», о котором уже шла речь в первой главе.

Еще в декабре 1871 года некоторые члены кружка перешли к пропаганде среди рабочих. Первыми вступили на этот путь живущий еще среди нас Н. А. Чарушин и С. Синегуб. По словам Чарушина, «опыт работы среди рабочих удался. В ней постепенно стали принимать участие и другие члены кружка. Успех был настолько значительный, что уже через 5—6 месяцев почти во всех рабочих районах имелись связи и велась систематическая работа при содействии привлеченной к делу студенческой молодежи». Эта пропаганда среди рабочих развернулась очень широко. На Выборгской стороне, за Нарвской и Невской заставах снимались квартиры, в них под видом рабочих и работниц поселялись пропагандисты и здесь происходили занятия с рабочими, отсюда шло распространение литературы по фабрикам и заводам. Пропагандой были затронуты сотни рабочих, свое социалистическое крещение и воспитание в это время получили П. Алексеев, В. Обнорский, Крылов, Виноградов и многие другие выдающиеся рабочие. Из женщин наиболее активно и с наибольшим успехом вели пропаганду Александра Корнилова, Софья Перовская и Анна Кувшинская. Познакомимся подробнее с их биографиями.

Александра Ивановна Корнилова, по мужу Мороз, была дочерью крупного фабриканта фарфоровых изделий (фирма бр. Корниловых). Отец ее не получил никакого образования, но был умным и отзывчивым человеком. Детей своих он не стеснял и постарался дать им хорошее образование: девочки учились в институте, единственный сын после гимназии поступил в университет. Этот брат и оказал влияние на умственное развитие Александры Корниловой и трех ее старших сестер. Он приучил их к чтению журналов, познакомил с сочинениями Писарева, Добролюбова и др. Старшая сестра Вера по окончании института поступила на педагогические курсы, у нее на квартире стали собираться ее новые знакомые по курсам, благо отец отличался радушием и любил молодежь; среди этих знакомых была и Ольга Шлейснер, впоследствии игравшая большую роль в организации «Земля и Воля». В 1869 г. все четыре сестры поступили на упоминавшиеся уже Аларчинские курсы. Здесь «на лекциях алгебры выдавалась своими способностями небольшого роста, с мелкими чертами лица и большим лбом, гладко причесанная слушательница, которая в своем скромном коричневом платье с белым воротником казалась совсем девочкой-гимназисткой... Эта скромная и молчаливая девочка была 16-летняя Софья Львовна Перовская». Она сразу же обратила на себя внимание своими выдающимися способностями по математике, а затем еще больше — по физике и химии. Корнилова скоро сошлась с нею, и эта дружба стала еще более близкой, когда вместе с двумя другими курсистками они поселились на лето в Лесном, чтобы заниматься химией в лаборатории профессора лесного института Энгельгардта. К ним присоединились потом подруга Перовской Вильберг и тридцатилетняя Софья Александровна Лешерн фон-Герцфельд, тоже слушательница Аларчинских курсов.

В первой главе уже рассказано, как из слияния этого женского кружка с кружком Натансона возникла организация «чайковцев». В общих чертах там же описана ее деятельность. Здесь следует отметить, что А. И. Корнилова, незадолго до того побывавшая за границей (она училась акушерству в Вене), пользовалась боль-

шим успехом у рабочих. Она не читала им лекций, а делилась с ними своими впечатлениями о жизни заграничных рабочих—рассказывала о рабочих собраниях, рабочих союзах, о рабочей печати, об ораторах из рабочих, знакомила с деятельностью Интернационала. Эти живые рассказы производили гораздо более сильное впечатление, чем какие бы то ни было рассуждения. Рабочие сравнивали свою жизнь с жизнью своих братьев за границей, и выводы напрашивались сами собою.

В январе 1874 г. А. Корнилова была арестована вместе с сестрой Любовью (потом Сердюкова) и Перовской, которая осталась в этот вечер ночевать у нее. Ей пришлось просидеть в крепости и в доме предварительного заключения более двух лет, когда ее освободили под залог до суда (март 1876 г.). Уже летом Корнилова принимала участие в известном побеге из военного госпителя Кропоткина: к ней на квартиру д-р Веймар привел увезенного им Кропоткина, чтобы замести следы и изменить его наружность.

Одновременно с этим Корнилова приняла участие в работе по обслуживанию сидящих в тюрьмах, которою занималась ее сестра Л. Сердюкова. Заботясь о своем арестованном муже, Сердюкова увидела, что многие заключенные совершенно заброшены, не имея в Петербурге родственников или близких знакомых. С помощью Ларисы Чемодановой-Синегуб, а затем и сестры своей, Сердюкова собирала нужные денежные средства, вносила деньги на имя нуждающихся, входила в сношения с тюремной администрацией, чтобы быть в курсе положения заключенных и узнавать о вновь арестованных; в дни свиданий Сердюкова с своими помощниками приносила «передачи» для заключенных, притаскивала целые связки книг. Так возник политический Красный Крест, в течение пятидесяти лет, при самых тяжелых условиях, поддерживавший материально и духовно политических заключенных и ссыльных. В этом деле приняла участие и недавно вернувшаяся из-за границы Вера Фигнер, заботившаяся о своей сестре Лидии и других арестованных по делу 50-ти, а также М. Решко и О. Трубникова.

А. Корнилова не только лично участвовала в революционной работе — она оказала своими средствами значительную денежную поддержку организации «чайковцев».

На суде — процесс 193-ех — А. И. Корнилова была в числе так называемых протестантов, не желавших участвовать в суде, отвечать на вопросы и т. п. Она очутилась в ссылке, в Пермской губернии, а потом вместе с сестрой Л. И. Сердюковой была переведена в Ишим. В 1885 г. ее привлекали по делу Лопатина, но дело кончилось для нее без последствий. В дальнейшем она уже не возвращалась к революционной деятельности, но когда В. Фигнер, освобожденная после 20-летного заключения в Шлиссельбурге, была сослана в Архангельскую губернию, А. И. Корнилова бросила Москву и семью и поехала к ней, чтобы облегчить ей жизнь в ее одиночестве.

Другая участница пропаганды среди рабочих — Анна Дмитриевна Кувшинская, впоследствии Чарушина, совсем молодой девушкой подверглась влиянию одного административно-ссыльного в ее родном городе Вятке. Поступив классной дамой в епархиальное училище, она много делала для умственного развития учениц и пробуждения в них революционных интересов. Ей обязана своим освобождением от семейного деспотизма Л. Чемоданова; А. В. Якимова, виднейшая деятельница из эпохи «Народной Воли», тоже очень многим обязана Кувшинской; как рассказывает она в своей автобиографии: «толчком в направлении умственного развития и выработки мировоззрения я обязана нашей классной даме, А. Д. Кувшинской, которая переходила с нами из класса в класс и пробыла с нами в течение 4 лет, после чего ее уволили по доносу за то, что она сеет семена нигилизма». «Анна Дмитриевна старалась пробуждать наше сознание. С первого же года она приучила нас к чтению, устраивала общие чтения во время занятий рукоделием. Доставала и снабжала нас книгами ... Была выработана программа чтения, которой и руководствовались в подборе книг».

Переселившись в Петербург, Кувшинская через своего земляка Чарушина сошлась с «чайковцами» и при-

няла участие в их деятельности, проявив себя хорошей пропагандисткой. При общих арестах попала в тюрьму и она, но скоро была освобождена, а потом и оправдана судом. Но она последовала в Сибирь за своим мужем Чарушиным, осужденным на каторгу, и в течение 20 с лишним лет делила с ним все невзгоды жизни политического ссыльного. Общественная закваска у этих «семидесятников» была настолько сильна, что, вернувшись на свою родину — в Вятку, они здесь принимали участие во всех прогрессивных начинаниях, а когда вспыхнула революция 1905 г., явились инициаторами радикальной крестьянской газеты «Вятская Жизнь», которая подвергалась всяческим преследованиям местной администрации. Пострадала и А. Д. Кувшинская-Чарушина: будучи издательницей газеты, она в 1906 г. подверглась административной высылке. Умерла она в 1909 году.

* * *

Но наиболее деятельной пропагандисткой явилась Перовская. Она сперва поселилась на Выборгской стороне у Синегуба, где шли занятия с рабочими, потом на специальной квартире там же с Шишко (на Саратовской улице), а потом Синегуб перетащил ее за Невскую заставу, где по соседству с ним она сняла квартиру вместе с Рогачевым.

«В повязанной платком мещанке, в ситцевом платье, в мужских сапогах, таскавшей воду из Невы, никто не узнал бы барышни — дочери генерала», — пишет Кропоткин о Перовской. «Она была общей любимицей. Каждый из нас, входя в дом, который она пыталась держать в чистоте, улыбался ей особенно дружески; мы улыбались даже тогда, когда она донимала нас за грязь, которую мы натаскивали нашими мужицкими сапогами и полушубками: мы долго месили грязь предместья, пока добирались до домика... Перовская пыталась тогда придать своему очень умному личику самое ворчливое выражение, какое только могла, за что мы и прозвали ее «Захаром».

При всей своей молодости — в самый разгар деятельности «чайковцев» ей было всего 19—20 лет, — Перовская в ту пору представляла собою человека с вполне

сложившимся уже характером, с непреклонной волей, знающим, чего он хочет. В организации она пользовалась большим уважением и влиянием. Знавший ее в это время Кравчинский отмечает ее поразительную строгость к самой себе, ее неутомимую энергию и ее обширный ум. «Ясный и проницательный, он обладал столь редкой у женщин философской складкой, проявлявшейся в умении не только прекрасно понять данный вопрос, но и разобрать его всегда в связи со всеми от него проистекающими вопросами». Отличала ее и «редкая твердость убеждений, которых не могли поколебать ни софизмы ни преходящие впечатления дня (почему ее упрекали даже в некотором консерватизме) и необыкновенное искусство в спорах как теоретических, так и практических». Другой отличительной чертой Перовской была «чрезвычайная трезвость ее ума. Она видела все вещи в настоящем свете и в настоящую величину, и своей логикой без пощады разбивала иллюзии своих более восторженных товарищей. Черпая в чувстве долга ту твердость и постоянство, которые людям более слабым даются фиктивными надеждами, она никогда не преувеличивала ничего и не придавала деятельности своей или своих товарищей большего значения, чем она имела на самом деле». Поэтому она всегда стремилась расширить ее, отыскивая новые пути и способы действия, вследствие чего бывала всегда одним из наиболее деятельных инициаторов во всех организациях, в которых состояла членом. Переход к пропаганде среди рабочих, например, был совершен чайковцами в значительной мере благодаря настойчивым требованиям Перовской. Одна из первых она также подняла вопрос о необходимости следующего шага — перехода к пропаганде в деревне. Она полагала, что «в России может иметь будущность только такая партия, которая сумеет сблизиться с крестьянством».

«Это вечное недовольство, — поясняет Кравчинский, — это вечное искание чего-нибудь нового, лучшего было в ней исключительно результатом сильной критической мысли, а не чересчур пламенного воображения, делающего человека неспособным удовлетворяться какой бы то ни было реальностью, как это бы-

вает у романтических натур... Этого романтизма у Перовской не было и следа. Она была человек слишком положительный, чтобы жить в мире химер, и слишком энергичный, чтобы стоять скрестивши руки. Она брала жизнь такою, какова она есть, стараясь сделать наибольшее возможное в данный момент. Бездеятельность была для нее величайшим мучением».

Такова была юная Перовская, пользовавшаяся среди товарищей громадным авторитетом и доверием: недаром она была избрана в состав комиссии, ведавшей всеми особо важными и конспиративными делами, и ей же были поручены сношения с заключенными.

Как же выработался такой характер, в каких условиях сложилась эта замечательная крупная личность? Условия детства Перовской были крайне тяжелые. Отец ее, генерал николаевской школы, был типичным образцом мелочного, своекорыстного и бессердечного самодура, закоренелого крепостника. Мать ее — женщина умная и честная, но совершенно подавленная деспотизмом мужа, который всячески тиранил ее и не только сам бил, но и принуждал к этому малолетнего сына. Перовский был петербургским губернатором, когда раздался выстрел Каракозова в Александра II; он подвергся опале, был уволен в отставку и окончательно разорился. Его жена воспользовалась этим, чтобы покинуть Петербург и, вместе с тем, мужа, и уехала с детьми в уцелевшее имение в Крыму. Софья Перовская училась дома, несистематически, самостоятельно. Решающее влияние на ее развитие оказал брат-студент, приезжавший на каникулы и привозивший книги. Они читали вместе и обсуждали сочинения Писарева, Добролюбова, Чернышевского, Сеченова, Бокля, Милля. Чтения эти будили мысль, порождали стремление жить и работать на пользу народа и всех угнетенных. Когда в 1869 г. семья вернулась в Петербург, Перовская с сестрой поступили на курсы.

Семейный деспотизм внушил ей с малых лет ненависть ко всякому насилию. Необходимость отстаивать себя выработала в ней силу характера и непреклонную волю. Одиночество сделало ее чрезвычайно сдержанной. Лицо, близко знавшее Перовскую, так отзывается

о ней: «Это была натура замечательно сдержанная, скрытая в самой себе и как будто недоверчивая. Я знаю много, очень много случаев, когда она поддерживала других людей, но сама она не встречала людей, от которых требовала бы нравственной поддержки себе: сильный не ищет поддержки у слабого, а Соня по силе характера превосходила огромное большинство людей, с которыми сталкивала ее судьба»...

На курсах она скоро заинтересовалась общественными вопросами, чему много содействовало сближение с Корниловыми. Зимой 1870 г. старик Перовский потребовал от дочери прекращения ее знакомства с Корниловыми и ухода с курсов. Перовская ушла из дома, скрываясь сперва у Веры Корниловой, а потом, когда отец стал разыскивать ее через полицию, уехала в Киев, где прожила 2 месяца и откуда вернулась в Петербург только после того, как отца убедили выдать ей паспорт.

Раньше многих других делала Перовская попытки к сближению с «народом». В 1870 г. она поехала в Тверскую губернию к инициатору артельных сыроварень Верещагину, где занималась в школе с детьми, а в 1872 г. сдала экзамен на оспопрививательницу и взяла место в Ставрополе, чтобы познакомиться с бытом крестьян. «Она была в то время в своем периоде рахметовщины: питалась молоком и кашей, спала, где придется».

О пропаганде Перовской среди рабочих в 1872—73 годах уже рассказывалось. Когда начались аресты, очередь скоро дошла и до нее. Но долго ей не пришлось сидеть под замком — серьезных улик против нее не было, помогли и связи отца, и скоро ее освободили под его поручительство. С весны 1874 г. до конца 1877 г. руки у нее были связаны: ей пришлось жить в семье, а уйти она не могла, не подводя родителей. Но она постаралась использовать это время для того, чтобы подготовить себя к деятельности в народе; она поступила в Симферополе в фельдшерскую школу, которую и кончила, получив надлежащее свидетельство.

Так прошло время до суда, и осенью 1877 г. Перовская направилась в Петербург, где в октябре начался

процесс 193-ех. Значительная часть подсудимых находилась в тюрьме, где они провели 3—4 года. Перовская постаралась облегчить положение товарищей. Она добилась свиданий с Чарушиным и Тихомировым, впоследствии членом Исполнительного Комитета, а затем ренегатом и сотрудником «Московских Ведомостей». В это время, по словам последнего (в записках, найденных недавно, после его смерти), между ними произошло сближение — они открыто объявили себя женихом и невестой. Однако, прямая и честная по натуре Перовская, повидимому, очень скоро раскусила Тихомирова и поняла, из какого ненадежного материала он сделан; когда он вместе со многими другими был освобожден еще во время процесса, она встретила его холодно и «сразу поставила на благородную дистанцию».

Суд закончился для Перовской оправданием, но она имела все основания ожидать, как и остальные оправданные, административной ссылки. И она поспешила перейти на нелегальное положение, всецело отдаться революционной деятельности. Когда через несколько месяцев она поехала в Крым повидаться с матерью, ее немедленно арестовали — имелось предписание отправить ее в ссылку в Олонецкую губернию. Но Перовская не смутилась, она решила при первой возможности бежать. И, действительно, бежала с дороги от сопровождавших ее двух жандармов. В Чудове, в ожидании поезда, жандармы поместили ее в комнате для пассажиров, при чем ночью легли спать тут же: один у окна, другой — у двери. Когда они заснули, Перовская, заметив, что дверь отворяется не внутрь, а наружу, тихо отворила ее и спокойно перешагнула через жандарма, а потом потихоньку выбралась из вокзала. Прождав немного в лесу, она, не беря билета, села в первый проходивший поезд, чтобы жандармы не могли справиться о ней у кассира. Так она благополучно добралась до Петербурга, где ее ждала новая работа.

Здесь, впрочем, мы прервем наш рассказ о жизни и деятельности Софьи Перовской. 1878 год, к которому мы подошли, был переломным в революционном движении, намечались новые пути, новые способы действия, подготовлялся период террористической борьбы.

А между тем мы еще не закончили ознакомления с деятельницами завершившегося периода «хождения в народ».

* * *

О Софье Лешерн фон-Герцфельд мы уже упоминали. Происходила она из аристократической семьи, получила тщательное воспитание; самостоятельным чтением и размышлением пришла она к социалистическим взглядам. Уже вполне сложившимся человеком, тридцати лет, приехала она в Петербург, где поступила на курсы. Желая быть самостоятельной от родных, она работала на магазины, сидя за швейной машиной над тонким бельем; заработок был очень мал и едва хватал на существование. Хотя и производившая впечатление чрезвычайно скромной, застенчивой и замкнутой в себе женщины, Лешерн свела обширные знакомства среди революционной молодежи и одна из первых приступила к деятельности в народе.

Еще в 1871 г. она организовала среди крестьян в деревне рядом с имением ее матери ссудо-сберегательное товарищество (Новгородская г., Боровичский у.), сделавшись заведующим его делами. Губернские власти скоро вмешались и отстранили ее от этого дела. Тогда, в 1872 г., в имении матери она устроила школу, обучала детей и повела пропаганду среди крестьян — школу скоро закрыли, а ей запретили педагогическую деятельность. Она вернулась в Петербург и примкнула к одному из революционных кружков, а именно к кружку Лермантова, принадлежавшему к бунтарскому направлению. Как рассказывает Е. Брешковская, то было как раз время, «когда все кружки и революционные организации, имея главной своей целью хождение в народ, заботились об объединении всех сил и потому пользовались старыми знакомствами и заводили новые для поддержания связей, для устройства справочных бюро из лиц установившейся репутации, известных исполнительностью, аккуратностью. Софья Александровна (Лешерн) несомненно отвечала этим требованиям, и наши организаторы просили ее остаться в Петербурге и сосредоточить в своих руках сношения всех провинциальных ор-

ганизаций между собою и со своими руководителями. Надо было знать все шифры, все адреса, запоминать множество имен и кличек, одним словом, являть в своем лице целое справочное бюро для тысячи слишком лиц, разбредшихся во все стороны». Хотя Лешерн не боялась трудностей и ответственности предлагаемого ей дела, но она нехотя согласилась работать в бюро, ибо стремилась из Петербурга в деревню. Уже через несколько месяцев она не выдержала, передала секретарские обязанности другому товарищу, а сама в крестьянском наряде, с котомкой за плечами, отправилась в Поволжье. Но дни ее на свободе были сочтены. Приехав в Саратов, она направилась в сапожную мастерскую Пельконена, которая служила явочной квартирой и центром для приезжавших пропагандистов; ей не было известно, что незадолго до этого полиция арестовала самого Пельконена и всех бывших у него лиц и устроила в мастерской засаду. Лешерн была арестована в июне 1874 г., отправлена через некоторое время в Петербург, где и провела в заключении три с половиной года до суда.

На суде Лешерн примкнула к протестующим товарищам, заявив: «Не желаю отвечать суду, основанному на произволе и насилии». Она была приговорена к ссылке на поселение, но благодаря хлопотам влиятельных родственников получила неожиданно царское помилование. Однако, она настолько чувствовала себя порвавшей все связи с миром привилегированных и господствующих, что из тюрьмы она ночью отправилась не к родным, а постаралась отыскать товарищей, у которых могла бы найти приют. Желая окончательно порвать с родными, она перешла на нелегальное положение и через некоторое время уехала в Киев вместе с Валерианом Осинским, с которым очень сблизилась. Здесь спустя несколько месяцев она была и арестована вместе с ним, при чем они оба оказали вооруженное сопротивление. Это было в 1879 г., когда революционеры вступили уже на путь террора, одним из первых проповедников и деятелей которого был Осинский. Преданные военному суду, они оба были приговорены к смертной казни. Для Лешерн казнь была заменена бессрочной каторгой. Ей

пришлось пережить бесконечно долгие часы ожидания казни самого близкого ей человека, сидевшего в одной с нею тюрьме, через несколько камер. Всю ночь перед казнью Осинского они перекликались через окна между собою.

В 1880 г. Лешерн прибыла на каторгу, на Кару. Здесь она пробыла до 1890 г., проведя таким образом за тюремными стенами почти 14 лет; выпущенная в «вольную команду», она вышла на поселение в 1894 г., а уже через четыре года, в 1898 г., умерла, 58 лет.

Близко знавшая ее Брешковская, не один год проведшая с нею в тюрьме, отмечает ее сдержанность, уравновешенность ее характера, авторитетность ее слов и поступков. «Она много читала, но вообще была более практиком, чем теоретиком. Она охотно бралась за выполнение самых серьезных дел и никогда не проваливала их. Ее ум и характер имели склад делового человека, и она умело определяла границы своих сил и способностей. Отсюда ее сравнительное спокойствие и уверенность в себе. Как товарищ, она была неоценима, для горячих натур особенно». На каторге «своим бодрым, мужественным отношением к жизни и своим всегдашним остроумием она внесла оживление в нашу семью и была любимым ее членом... Не только не было слышно от нее никаких жалоб, не только сожаления о прошлом, напротив, ее ум и чувство всегда были заняты возможностью послужить когда-либо тому делу, в которое она вложила душу».

Когда на Кару явился присланный из Петербурга чиновник, чтобы предложить Лешерн полное освобождение, если она выразит раскаяние, Лешерн спокойно и презрительно отвергла это предложение, предпочтя долгие годы каторги и смерть в Сибири измене своим убеждениям.

А вот и еще одна обвиняемая по процессу 193-ех — Надежда Александровна Юргенсон, дочь мелкого придворного служащего в Царском Селе. Семнадцати лет она поступает учительницей в одну буржуазную семью, и здесь ей в руки впервые попалась нелегальная литература — программа заграничного журнала «Вперед». Этого было достаточно, чтобы совершенно

изменить жизнь Юргенсон; она бросила консерваторию, поступила в медицинскую академию (с 1871 г. она была ненадолго открыта для женщин), с головой ушла в жизнь радикальных кружков. Проходит еще год, и она уже ярая последовательница Бакунина. Войдя в кружок бакунистов-анархистов и поселившись в «коммуне», Юргенсон весной 1874 г. переходит к делу — идет в «народ», поступает работницей на тюлевую, а потом на прядильную фабрику. Но тяжелые условия работы, а еще больше — невосприимчивость работниц к пропаганде заставляют ее бросить фабрику и направиться в деревню. Она уезжает в Москву, где переодевается в крестьянскую одежду и едет дальше в Пензенскую губернию, где в с. Степановке Войнаральский, один из организаторов движения в народ, открыл лавочку со всяким крестьянским товаром; хозяйкой лавки была Евг. К. Судзиловская, тоже привлеченная к делу 193-ех. Недолго здесь пробыла Юргенсон: Судзиловская была сторонницей основательной и осторожной пропаганды, а Юргенсон стояла «за более решительный и быстрый подход», т.-е. за проповедывание восстания. Поэтому она решила уехать, а тут как раз оказалось необходимым отыскать Войнаральского и предупредить его о провале в Саратове мастерской Пельконена, тоже устроенной им. Юргенсон поехала в Самару, встретилась с Войнаральским и скоро вместе с ним была арестована. Произошло это очень просто и быстро: направились они в Ставропольский уезд в село, где Войнаральскому указали на «сочувствующего» учителя. Прибыв в село, Войнаральский созывает крестьян в школу и начинает говорить им о тяжелых условиях их жизни и о средствах изменить их к лучшему. Юргенсон пошла в соседнюю деревню и там проделала то же самое. Неудивительно, что сельские власти донесли, и их немедленно арестовали. Правда, им удалось убежать из холодной, но в Самаре, куда они явились, их через несколько дней поймали.

Приблизительно такова была та «летучая пропаганда», какая раскинулась по 37 губерниям. Революционеры думали, что народ «готов», что достаточно появления сознательных личностей, зовущих на борьбу,

чтобы вспыхнул пожар, как сухой костер от спички. Неудивительно, что все это движение оказалось очень скоро ликвидированным — все делалось слишком открыто, местные власти немедленно узнавали о появлении в их районе пропагандистов и быстро упрятывали их за решетку. А впечатление, какое производили их речи на крестьян, не могло быть глубоким и длительным. Крестьяне охотно слушали их, но когда начальство приказывало хватать «смутьянов», с усердием прикручивали им руки к лопаткам и запирали их в холодную.

Сомнения поэтому очень скоро стали закрадываться в сознание пропагандистов, у многих возникал вопрос о целесообразности избранного ими способа действий. Юргенсон, например, сама признает, что арест не особенно огорчил ее, потом что она уже стала сомневаться в правильности такого способа революционной деятельности: «Что и как делать дальше, у меня еще не оформилось, и поэтому арест казался самым лучшим выходом из положения».

Юргенсон судом было зачтено предварительное заключение — три с половиной года — и от наказания она была освобождена. От административной ссылки в Вологодскую губернию ее спас отъезд в Пермскую губернию, где она служила на строящейся железной дороге. Долгие годы Юргенсон стоит в стороне от революционного движения, но с подъемом его в девятисотых годах начинает оказывать услуги — как социал-демократам, так и социалистам-революционерам, за что в 1905 г. снова попадает в тюрьму, откуда ее выпускают в виду серьезной болезни. В 1906 г. она начала работать в профессиональном союзе портных, поддерживая вместе с тем связи с максималистами. В 1917 г. она «по старой памяти» вступает в партию с.-р.

Обнаружение упоминавшейся сапожной мастерской Пельконена в Саратове повело к целому ряду дальнейших обысков и арестов. Уже через неделю жандармам попалась богатая добыча: они захватили на полном ходу типографию Мышкина в Москве. Ипполит Мышкин арендовал легальную типографию и, познакомившись с Войнаральским, предоставил ее в распоряжение организации для печатания революционной литературы. Был

подобран штат надежных работников — все больше молодых девушек, которые в особом отделении типографии набирали и печатали нелегальные книги и брошюры. Здесь работали две сестры Прушакевич, Е. Супинская, С. А. Иванова, О. Фетисова, Е. Ермакова. На отдельную квартиру Зарудневой отпечатанные листы относились для брошюровки. Потом для большей безопасности брошюровку решено было производить в другом городе (сперва в Пензе, а потом в Саратове), и в этом деле приняла участие Кл. Блавдзевич. Надо отметить, что это была первая типография, устроенная для печатания в больших количествах в самой России нелегальной литературы.

Из названных работниц типографии только С. А. Иванова, дожившая до наших дней, принимала участие в дальнейшем революционном движении. Родилась она в 1856 г., была дочерью офицера; систематического образования она не получила, но рано проявила интерес к чтению и стремление учиться. Шестнадцати лей ей с трудом удалось вырваться из семьи и уехать к одному из братьев в Москву; но скоро он заболел, уехал на юг, и молодой девушке пришлось самой подумать о себе: она осталась без всяких средств и без заработка. За 8 рублей в месяц работала она по 12 часов в день у портнихи, но не выдержала, стала искать другой работы, решила поступить ученицей в типографию. Случай направил ее в типографию Мышкина (помещалась на Тверском бульваре, потом переведена на Арбат), где она и принялась за работу. Сперва ее несколько испугали ее товарки по работе: «То были типичные нигилистки того времени, небрежно одетые, с подстриженными волосами и суровые на вид. Наборщицы сперва отнеслись ко мне сурово, потому что я имела вид барышни, но так как они по существу были очень добрыми созданиями, то мы скоро сделались хорошими товарищами». Мышкин, конечно, счел нужным объяснить неопытной, наивной девушке, в каком опасном деле она принимает участие и что ей грозит за это, но Иванова ответила, что она понимает, в чем дело, и не боится... Наборщицы поселились в том же особняке, где находилась типография, и зажили артелью. «Самая старшая

из нас и самая опытная, Супинская, учила нас: „Не забывайте, что попадете в руки врагов. Будьте готовы ко всему и держите язык за зубами". Было жутко и радостно».

Когда типография была обнаружена, всех участвовавших в ее работе арестовали, но они мужественно держались на допросах, хотя жандармы особенно усердно и настойчиво допрашивали их, ибо сам хозяин типографии — Мышкин — благодаря счастливой случайности, сумел скрыться и был арестован много позже в результате неудавшейся попытки устроить побег Чернышевского из Якутской области.

Иванова была освобождена через несколько месяцев на поруки, но уже в декабре 1876 года снова подверглась аресту за участие в известной демонстрации у Казанского собора, когда в России впервые взвился на улицах красный флаг. За это преступление Иванова была осуждена на ссылку на поселение, но была оставлена в тюрьме, так как должна была еще судиться за работу в типографии. По совокупности преступлений Иванова получила ссылку и вместе с Супинской оказалась в Архангельской губернии. Супинская вскоре умерла в Коле, где она была поселена, а Иванова уже через несколько месяцев, с помощью своих квартирных хозяев-староверок, бежала из г. Кеми. Попала она в Петербург к началу террористических действий. После неудачного покушения Соловьева на царя начались повальные обыски и аресты, и нелегальная Иванова сильно рисковала попасться в руки жандармов. Товарищи убедили ее уехать на время, обещая вызвать обратно, как только представится подходящее для нее дело. Уехав в Воронеж, Иванова была там случайно арестована на чужой квартире, но была отпущена жандармами благодаря тому, что ловко прикинулась ничего непонимающей наивной девицей. В тот же вечер она поторопилась уехать в Петербург. Это было в 1879 году, когда происходил раскол в организации «Земля и Воля» и из нее выделилась «Народная Воля». Иванова поселилась с казненным впоследствии А. А. Квятковским в Лесном, где их квартира служила для собраний организации. Когда народовольцы решили устроить нелегальную

типографию, Исполнительный Комитет поручил это С. А. Ивановой, состоявшей его членом.

Типография эта была устроена на Саперном переулке и просуществовала всего несколько месяцев (с сентября 1879 г. по январь 1880 г.) — благодаря случайности полиция натолкнулась на нее. Типография успела выпустить три первых номера газеты «Народная Воля» и несколько воззваний. Хозяевами квартиры были живущие, еще ныне Бух и Иванова, в качестве прислуги числилась Грязнова, ранее работавшая в типографии «Земли и Воли», главными наборщиками были Цукерман и Лубкин, которые жили без прописки и никому не показывались на глаза. «Соблюдалась строгая конспирация, работали не позднее 10—11 ч. вечера и ходили в мягких туфлях, чтобы не производить шума».

При аресте типографии ее работники оказали вооруженное сопротивление, а Лубкин застрелился. Военный суд приговорил Буха к 15 годам каторги, Цукермана — к 8-ми годам (в 1887 г. утопился в Якутской обл., где был на поселении после каторги), Иванову к 4 годам, Грязнову — к ссылке на поселение.

Заболев в тюрьме, Иванова задержалась в пути и потому пробыла на каторге всего 2 года, после чего была водворена на поселение в Иркутской губ. Провела она в Сибири 18 лет, вернувшись в Европейскую Россию незадолго до революции 1905 г. Не принимая уже активного участия в революционной деятельности, она вела культурно-просветительную работу, участвовала в политическом Красном Кресте и опубликовала ряд статей, посвященных движению 70-х годов и его выдающимся деятельницам (в настоящее время С. А. Ивановой 70 л.).

Наконец, из числа женщин, судившихся по процессу 193-ех, следует упомянуть Екатерину Константиновну Брешковскую, впоследствии приобревшую весьма широкую известность в России и за границей.

Брешковская родилась в 1845 г., происходила из помещичьей семьи. Получив очень хорошее образование, она рано проявила интерес к общественной деятельности и, выйдя замуж, пыталась принять участие в деятельности земства своего уезда (Мглинский у. Черниговской губернии). Но скоро она разочаровалась в воз-

можности полезной для народа работы земства, в виду тех ограничений и препятствий, какие ставились правительством. Став социалисткой, она задумала устроить образцовую земледельческую колонию, которая должна была наглядно показать крестьянам все преимущества совместного хозяйничанья на коммунистических началах. Из этого проекта, однако, ничего не вышло, потому что не удалось достать денег, необходимых для осуществления его. Тогда, покинув мужа и ребенка, Брешковская направляется в Киев, сближается с тамошним «бунтарским» кружком, в который входили такие видные впоследствии революционные деятели, как Стефанович, Л. Дейч, В. Дебагорий-Мокриевич, П. Аксельрод, М. Каленкина, М. Ковалевская. Вместе с Стефановичем и Каленкиной она в 1874 г. отправляется в народ поднимать его на восстание, но благодаря произведенным перед тем арестам, во время которых попались письма и адреса, жандармы гонятся за нею по пятам. В конце сентября 1874 г. она в одежде крестьянки и с паспортом на имя Феклы Косой была задержана около г. Тульчина; при ней были найдены прокламации, призывающие к восстанию. Потянулось продолжительное тюремное заключение. Правительство придало Брешковской очень большое значение в революционном движении, высоко ценили ее и товарищи. Единственная из подсудимых женщин она получила каторгу — 4 года.

На каторге Брешковская провела всего один год, в 1879 г. она была уже выпущена на поселение в Баргузин, Забайкальской области, откуда в 1881 г. бежала вместе с Н. Тютчевым; после ряда мытарств и тяжелых испытаний они оба были пойманы, Брешковская судилась за побег, получила опять каторгу, где пробыла два с лишним года. В 1898 г. она получила возможность вернуться в Европейскую Россию, где очень скоро возобновляет революционную деятельность.

Оставшись народницей и выдвигая, как одну из главнейших задач, возрождение политического террора по образцу «Народной Воли», Брешковская оказывает громадное влияние на Гр. Гершуни, явившегося одним из основателей партии социалистов-революционеров и создателем ее «боевой организации». Разъезжая по

России, заводя всюду знакомство с еще неустановившейся молодежью, Брешковская заражает ее своим энтузиазмом; своими горячими речами о страдающем народе, о преступлениях царизма она пробуждает революционное стремление у вчера еще мало думавших об общественных вопросах юношей и девушек. В этом отношении агитационная деятельность Брешковской сослужила большую службу социалистам-революционерам, дав им сотни сторонников и активных деятелей, не говоря уже о том, что она привлекла к партии и к террору Ст. Балмашева, убившего Сипягина, Б. Савинкова, игравшего такую большую роль в делах боевой организации.

Вместе с проповедью террора Брешковская страстно проповедует широкую работу в крестьянстве, которое считат вполне восприимчивым к социализму. Под ее влиянием во многих местах широко ставится пропаганда в деревне. Она содействует также созданию специально крестьянской литературы.

Разъезжая из одного конца России в другой, Брешковская проявляет удивительную энергию, решительность и находчивость, выходя невредимой из очень трудных положений. Она то разыгрывает из себя простую деревенскую бабу, то укрывается под видом нянюшки или кухарки. Когда она задерживается в каком-нибудь городе на более продолжительный срок, там закипает партийная работа, в которую она умеет запрячь и старых и молодых, пуская в ход то свой авторитет, то добродушие и мягкость.

Так прошло несколько лет. В 1903 г. почва начинает гореть под ногами; арестован Гершуни, петля суживается, и Брешковская через Одессу пробирается за границу. Здесь она принимает деятельное участие в работе Центрального Комитета партии, членом которого была избрана, и особенно много пишет, как отдельных брошюр, так и в органе ЦК «Революционная Россия».

В 1907 г. дела партии требуют присутствия Брешковской в России. 62-летняя старуха нелегально переходит границу, но очень скоро попадает в руки жандармов — ее предал Азеф. Брешковская снова попадает

в Сибирь, где ей приходится пробыть до февральской революции 1917 г.

Брешковская опять в первых рядах социалистов-революционеров. Дряхлая уже, с трудом двигающаяся, она сохранила свою прежнюю бодрость духа. Но она никогда не была политиком, действовала больше под влиянием чувства и непотухающего порыва, и теперь она тоже находится всецело под влиянием встревоженного патриотизма: она ярая «оборонка», сторонница войны до победного конца, готова во имя обороны объединяться с кем угодно. В последние годы она черным пятном покрыла свое славное прошлое, поддерживая чуть ли не всех контр-революционных генералов — Деникина, Колчака и др.

Брешковская еще жива, живет за границей, в Чехо-Словакии.

* * *

Всего по делу 193-ех привлечено было к суду 38 женщин, т.-е. женщины составляли пятую часть обвиняемых. Большинство их мужественно держалось на суде, многие и в дальнейшем продолжали революционную деятельность. С некоторыми из них, как, например, Т. Лебедевой, А. Якимовой, нам придется еще встретиться.

Разумеется, в движении начала семидесятых годов принимало участие много других женщин, которые благодаря различным обстоятельствам «уцелели» и не были притянуты к суду. Достаточно назвать В. Засулич, В. Фигнер, Н. Армфельд, М. Ковалевскую, М. Каленкину и др. — они уцелели для того, чтобы действовать и работать в последующие годы.

ГЛАВА III.

«ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ». ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ.

Итоги хождения в народ. — Необходимость централизованной организации. — Образование общества «Земля и Воля». — Ольга Шлейснер.—Натансон.—Выстрел В. И. Засулич.—Жизнь В. И. Засулич. — Отголоски покушения на Трепова. — Рост террористических настроений. — М. Каленкина. — М. Ковалевская. — Н. Армфельд. — Л. Волькенштейн. — А. Макаревич.

«Хождение в народ» революционной интеллигенции, массовый характер принявшее весной 1874 г., уже к концу 1875 г. кончилось полным крахом. Дело в том, что большинство пропагандистов очень скоро попало за решетку, а уцелевшие должны были покидать деревню и скрываться от преследовавших их жандармов. Хуже был крах идейный, которым завершалось это движение. Вера Фигнер, вернувшаяся из-за границы, как раз в это время, ярко рисует то «нравственное потрясение, которое принесла с собою неудача пропагандистского движения; у многих надежды рухнули; программа, казавшаяся столь осуществимой, не привела к ожидавшемуся результату. Вера в правильность постановки дела и в свои собственные силы поколебалась; чем сильнее был энтузиазм лиц, шедших в народ для пропаганды, тем более горько было разочарование. Старое разбито, на новое взгляды еще не выработались».

Наступило похмелье. Участники движения стали подводить итоги своей непродолжительной деятельности, обсуждать причины ее безуспешности, намечать,

на основании своего опыта, новые программы. Общение с крестьянством показало пропагандистам, что оно, во-первых, совсем не восприимчиво к социалистическим идеями, а, во-вторых, что оно отнюдь не настроено революционно, не готово по первому призыву подняться, как на это рассчитывали Бакунин и его последователи. Оказалось, что крестьянин охотно слушает и понимает пропагандиста, когда тот говорит ему о притеснениях, чинимых становым или урядником, об обирательствах со стороны помещика, попа или местного кулака, о малоземелье, о тяжести налогов и податей, но остается глух к его речам о социализме, о всеобщем равенстве и т. п. Отсюда революционеры делали тот вывод, что надо от социалистической пропаганды перейти на путь агитации на почве насущных злободневных вопросов крестьянской жизни. Такая агитация будет содействовать сплочению крестьян, будет разбивать их пассивность, приучать — в столкновениях с властями — к революционным выступлениям. При такой агитации «летучая» пропаганда прежнего периода должна смениться оседлой — революционеры должны селиться среди крестьян в качестве учителей, фельдшеров, писарей, ближе сходиться с ними, приобретать их доверие, как люди сведующие, могущие быть им полезными, знающие условия их повседневной жизни и нужды. «Опираясь на созданные данной местностью условия, приспособляясь к ним в своих приемах, — писал видный революционный деятель того времени Я. Стефанович, — мы станем на твердую почву, как организаторы крестьянства».

Для плодотворности такой работы, для объединения ее необходима организация, вносящая в нее единство, направляющая ее, снабжающая поселившихся в деревне пропагандистов средствами и литературой, распределяющая людей, одним словом, обслуживающая движение всем необходимым. И попытки создать такую организацию предпринимаются уже с начала 1876 г.

Приобретенный революционерами опыт сказался и в другом отношении: разгром 1873—74 гг., когда арест одного пропагандиста вел часто к аресту многих других, с которыми он состоял в открытой переписке, ад-

реса которых держал у себя, которые ходили к нему на квартиру и т. п., показал, что для ограждения себя от жандармов и полиции революционеры должны выработать и усвоить строгую конспиративную технику, т.-е. такие приемы работы, такой образ жизни, такой способ сношений между собою, при которых им обеспечивалась бы наибольшая безопасность... Это тоже могло быть достигнуто только при создании централизованной организации, со строгой дисциплиной, при разделении обязанностей между участниками.

Инициатором создания такой организации явился известный уже нам Натансон, к этому времени вернувшийся из ссылки, и его жена Ольга Шлейснер. Весь 1876 год в различных группах шло обсуждение новой программы и предпринимались подготовительные организационные шаги. К началу 1877 г. уже вполне оформилась «Северная революционно-народническая группа», в 1878 г. превратившаяся в организацию «Земля и Воля».

В эту организацию вошло большинство уцелевших участников движения предыдущего периода, исключая некоторых чайковцев и других, пытавшихся создать свою организацию. Хотя среди них был ряд очень видных деятелей (Юр. Богданович, Иванчин-Писарев, В. Фигнер и др.), этой группе не удалось приобрести влияние и расшириться, и большинство ее членов примкнуло постепенно к «Земле и Воле».

Благодаря скорому аресту Натансон, во главе организации стала его жена — Ольга Натансон (Шлейснер) и вместе с нею Ал. Михайлов и Оболешев. Ольга Натансон была выдающейся женщиной. Вместе с Перовской и А. Корниловой она вошла в организацию «чайковцев», а потом последовала за мужем в ссылку. Вернувшись в 1876 г., она ревностно взялась за построение новой организации. Все знавшие ее отмечают громадное нравственное влияние ее на товарищей и уважение, каким она пользовалась среди них. Такой крупный революционер, как Михайлов, в своей автобиографии говорит, что величайшим счастием его жизни было знакомство, дружба и совместная работа с таким человеком, как Ольга Натансон.

В своих письмах из крепости, незадолго до смерти, он писал товарищам: «Это была самопожертвованная натура. Она постоянно забывала себя для других и отдала все для дела. У нее было двое прелестных детей, она их обожала, но они ее связывали, мешали ее политической деятельности, и она решилась расстаться с ними, отдать их отцу... Немногим известно, чего стоило ей это решение. Она никогда не могла привыкнуть к разлуке с ними... В начале 1878 г. Ольга лишилась обоих своих детей. Они умерли почти разом. Ее материнское сердце было окончательно растерзано этим ударом. Это горе сильно пошатнуло ее здоровье... Разлука с мужем, разлука с детьми не мешала ей с удивительной энергией служить делу». По словам Михайлова, убийство Мезенцева было совершено по ее инициативе. Он говорит, что «в организации народников она пользовалась всеобщей нежной любовью, ее шутя называли „наша генеральша“ и старались доставлять ей всякие удобства и любезности... Ольга, правда, не была агнцем, но натура ее отличалась уживчивостью и умением ладить с людьми... Побеждала она отчасти своей симпатичной натурой, отчасти гибким и развитым умом, отчасти настойчивостью».

Даже Тихомиров, открещивающийся от своего прошлого и от своих прежних товарищей, признает, что она руководила организацией и что члены последней «почитали ее чрезвычайно и ставили высоко». Умерший недавно старый землеволец О. Аптекман посвящает Ольге Натансон задушевные строки. Указав, что «свою революционную закалку, свою административную выучку, революционную выдержку и такт она получила в кружке чайковцев», он говорит, что «эти золотые для организации способности сочетались у нее с удивительной душевной красотой и сердечностью, неотразимо притягивающими к ней окружающих»... Ее внешность он же описывает так: «Неправильные черты лица, большой открытый лоб с зачесанными назад остриженными каштановыми волосами, два чудных искрящихся глаза. На щеках два ярких пятна» (печать чахотки).

Не долго пришлось Ольге Натансон оставаться на свободе: в октябре 1878 г., благодаря доносу, произошли очень чувствительные для «Земли и Воли» аресты — в числе захваченных оказалась и она. Свыше полутора года проводит она в крепости, в мае 1880 г. военно-окружной суд выносит приговор: 6 лет каторги, замененной ссылкой на поселение. Но тюрьма сделала свое дело: жизнерадостная молодая женщина, какою она была, безнадежно больна — чахотка разрушила организм, и даже тюремщики должны признать, что она не выдержит путешествия в Сибирь. Начинаются усиленные хлопоты родных об освобождении тяжело больной; только через несколько месяцев, когда ее состояние было уже совсем безнадежно, ее выпускают на поруки. Через три недели после освобождения она умерла совсем молодой.

Деятельность «Земли и Воли» шла в различных направлениях. Главной ее отраслью программа признавала «поселения в народе», и они, действительно, устраивались в ряде губерний, главным образом в Поволжьи. За этим шла работа в городах: с одной стороны, пропаганда, агитация и организация среди учащейся молодежи для пополнения своих рядов, с другой—пропаганда среди рабочих. Эта последняя велась в широких размерах (особенно в Петербурге), подробно рассказывает о ней в своих воспоминаниях Г. В. Плеханов («Русский рабочий в революционном движении»). Отдельно существовала «дезорганизаторская группа», в задачи которой входило ослабление и расстраивание правительственного механизма, а также освобождение товарищей из тюрем, уничтожение шпионов, самозащита от насилий правительственных агентов. Наконец, во главе организации стояла так называемая «администрация», выбираемая членами, которая ведала всеми конспиративными делами, заботилась о снабжении членов, живущих нелегально, паспортами (для чего имелась особая «паспортная канцелярия»), организовывала издательскую деятельность, устроив типографию. Редактирование органа организации — газеты «Земля и Воля» было поручено особой выборной редакции.

За 1877—78 гг. организация «Земля и Воля» развила широкую и разнообразную деятельность, при чем совершенно естественно получился отбор членов: наиболее активные, боевым образом настроенные, постепенно стягивались в города, где было больше оживления, где была более благоприятная и сочувственная обстановка для революционной деятельности, чем в деревне, где происходили студенческие волнения, демонстрации, рабочие стачки... Постепенно к «Земле и Воле» примкнуло громадное большинство видных революционеров. Самостоятельные группы сохранились только на юге, где революционеры отрицательно относились к деятельности, рассчитанной на долгие годы, и стремились немедленно поднять народ, вызывая, где только возможно, бунты, в надежде путем упражнения его революционных чувств и способностей подготовить его к общему восстанию. Здесь работало много крупных деятелей, из которых не один погиб в борьбе с правительством; в их числе было не мало выдающихся женщин — В. Засулич, М. Каленкина, М. Ковалевская, Анна Макаревич и др. От этих южных революционеров исходил, как мы еще увидим ниже, почин к переходу на путь политической борьбы, которую тогда представляли себе, главным образом, в виде систематического террора.

Организация «Земля и Воля» складывалась в то время, когда тянулось следствие и готовились процессы 50-ти и 193-ех, когда чрезвычайно усилились правительственные репрессии, жертвами которых стало много участников революционного движения; достаточно указать, что из привлекавшихся по делу 193-ех во время продолжительного предварительного заключения умерло 43 человека, 12 покончили самоубийством и 33 сошло с ума. Все это создавало боевое настроение, стремление мстить за жестокое обращение и погубленные жизни товарищей. Это сказалось очень ярко после того, как петербургский градоначальник Трепов надругался над осужденным уже по делу о Казанской демонстрации Боголюбовым, приказав тюремной администрации высечь его за непочтительное к нему отношение (не снял шапки). Известие об этом сразу об-

летело революционные круги, и у многих революционеров немедленно созрело решение наказать Трепова. Для этой цели приезжали с юга Попко, Фроленко и другие, готовила покушение и «Земля и Воля». Но их предупредил раздавшийся 24 января[1] 1878 г. выстрел, тяжело ранивший Трепова.

Стреляла Вера Ивановна Засулич, имя которой прогремело тогда по России и за границей, как имя смелой девушки, мужественно и самоотверженно взявшей на себя отомщение за поругание человеческой личности.

Сохранились отрывки воспоминаний В. И. Засулич о ее покушении. Ее безыскусный рассказ лучше всего передает, как все произошло и что переживала она накануне, в момент и после покушения.

Обсуждая подробности покушения с своим ближайшим другом — М. Каленкиной, которая одна была посвящена в задуманное ею (имеются даже сведения, что они решили по жребию, кто из них пойдет на Трепова), В. Засулич остановилась на таком простом плане: под видом просительницы она пойдет на прием к градоначальнику и выстрелит в него, когда он окажется поближе к ней.

«Мне казалось, что я спокойна и только страшно на душе, — не от разлуки с жизнью на свободе, — с ней я давно покончила, — была уже не жизнь, а какое-то переходное состояние, с которым хотелось поскорее покончить. Страшной тяжестью легло на душу завтрашнее утро: этот час у градоначальника, когда он вдруг приблизится там вплотную... В удаче я была уверена, — все пройдет без малейшей зацепинки, совсем не трудно и ничуть не страшно, а все-таки смертельно тяжело... Это ощущение было для меня неожиданным. При этом — не возбуждение, а усталость, даже спать хотелось. Но как только я заснула, начался кошмар...».

Утро. Подруги отправляются на вокзал, где Засулич переодевается: надевает новую тальму и шляпу. «Целуюсь с Машей и еду... У градоначальника уже

[1] 5 февраля.

собралось около десятка просителей. Какая-то женщина, плохо одетая, с заплаканными глазами, подсаживается ко мне и просит взглянуть на ее прошение, так ли там написано? В прошении какая-то несообразность. Я подхожу с ней к офицеру и обращаю его внимание на просительницу. Голос обыкновенный, — ни в чем не проявляется волнение. Я довольна. Кошмарной тяжести, давившей меня со вчерашнего вечера, нет и следа. Ничего на душе, кроме заботы, чтобы все сошло, как задумано . . .».

Адъютант поставил В. Засулич первой в ряду просителей, а вслед затем появился и Трепов со свитой.

«— О чем прошение?

«— О выдаче свидетельства о поведении.

«Черкнул что-то карандашом и обратился к соседке.

«Револьвер уже в руке, нажала собачку . . . Осечка.

«Екнуло сердце, опять нажала, выстрел, крик . . .

«Теперь должны бить — значилось в моей столько раз пережитой картине будущего.

«Но произошла пауза. Она, вероятно, длилась всего несколько секунд, но я ее почувствовала.

«Револьвер я бросила . . . Стояла и ждала.

«Вдруг все задвигалось; просители разбежались, чины полиции бросились ко мне, схватили с двух сторон.

«— Где револьвер?

«— Бросила, он на полу.

«— Револьвер! Револьвер отдайте! — продолжали кричать, дергая в разные стороны.

«Передо мною очутилось существо: глаза совершенно круглые, из широко раскрытого рта раздается не крик, а рычание, и две огромные руки с скрюченными пальцами направляются мне прямо в глаза. Я их зажмурила изо всех сил, и он ободрал мне только щеку. Послышались удары, — меня повалили и продолжали бить.

«Все шло так, как я ожидала, излишним было только покушение на мои глаза, но теперь я лежала лицом вниз, и они были в безопасности. Но что было совершенно неожиданно, так это то, что я не чувствовала ни малейшей боли; чувствовала удары, но боли не было.

Я почувствовала боль только ночью, когда меня заперли, наконец, в камере...».

Через два месяца состоялся суд — присяжные оправдали Засулич. Это оправдание было вместе с тем обвинением правительства и системы произвола и насилия. Так оно и было понято широкими кругами.

На суде Засулич в нескольких искренних словах объяснила, что побудило ее взяться за револьвер: «Мне казалось, что такое дело (истязание Боголюбова) не может, не должно пройти бесследно. Я ждала, не отзовется ли оно хоть чем-нибудь, но все молчало, и ничто не мешало Трепову или кому другому, столь же сильному, опять и опять производить такие же расправы... Тогда я решилась, хоть ценой собственной гибели, доказать, что нельзя быть уверенным в безнаказанности, так ругаясь над человеческой личностью; я не нашла, не могла найти другого способа обратить внимание на это происшествие ... Я не видела другого способа... Страшно поднять руку на человека, но я находила, что должна это сделать...».

* * *

В это время В. И. Засулич было 29 лет, пережить, однако, она успела уже очень много. Родилась она 10 августа 1849 г. в Гжатском уезде Смоленской губернии; отец ее — офицер, мать — мелкая помещица. Детство провела она не у родителей, а у теток, росла довольно заброшенной и одинокой. «Никто никогда не ласкал меня, не целовал, не сажал на колени, не называл ласковым именем», — вспоминает В. И. в старости. Зато нередко бранили и наказывали, вплоть до розог. Это заставляло ребенка замыкаться в себе, но тем богаче становилась его внутренняя жизнь и переживания. В пятнадцатилетнем возрасте девочку отвезли в Москву и поместили в пансион. Учили здесь немногому, но В. И. много читала вне обязательных занятий, в особенности журналы, которые тогда, в середине 60-х годов, будили мысль и давали ей здоровую пищу. Отличаясь большими способностями, усидчивостью и жаждой знания, Засулич рано приобрела довольно значительные познания, благодаря присущей ей

серьезности и вдумчивости хорошо переработала усвоенное и потому, вступая в жизнь, по своему развитию и взглядам стояла выше среднего уровня молодежи того времени.

Отдавая дань духу времени, Засулич по окончании пансиона решила жить собственным трудом, самостоятельно. Она уехала в Петербург, стала работать брошюровщицей в артельной переплетной; это давало ей средства к жизни, а «для души» служило обучение грамоте рабочих в бесплатной вечерней школе. Занятия здесь познакомили ее с Нечаевым: на одном из собеседований учителей и учительниц Засулич, увидев, что большинство из них очень мало знает, стряхнула с себя обычную свою застенчивость и начала говорить; она возражала против организации совместных занятий по педагогике, доказывая, что учителя нуждаются в общем развитии, что им нужно разбираться в вопросах жизни. Она предложила читать «Исторические письма» Лаврова или политическую экономию Милля с примечаниями Чернышевского. Нечаев, умевший сразу определить человека и подбиравший нужных ему для его революционных целей людей, тут же обратил внимание на Засулич, познакомился с нею и пригласил приходить к нему в училище.

В одном Нечаев ошибся: хотя Засулич и была готова отдаться революционному делу, в умственном отношении и по характеру уже тогда она была настолько самостоятельна, что ему не удалось сделать из нее свое слепое орудие. Молодая девушка сумела дать ему отпор. С присущим ей здравым смыслом она скептически отнеслась к его туманным планам о революции, устраиваемой им чуть ли не завтра... Нечаев, однако, не оставлял попыток подчинить Засулич своему влиянию: он видел, какого ценного помощника может приобрести в ее лице; когда она не поддалась на его уговоры поехать с ним за границу, он прикинулся даже влюбленным в нее, звал разделить с ним жизнь. В. И. ответила на это лишь недоумением. Все это, впрочем, не помешало ей согласиться оказать ему услугу, о которой он просил перед отъездом, — получать на свой адрес его письма из-за границы для передачи его друзьям.

Эта услуга и повела к первому аресту Засулич: в апреле 1869 г. она была арестована, провела почти два года в Литовском замке и Петропавловской крепости, а затем в административном порядке сослана сперва в Крестцы, потом в Тверь, потом в Солигалич, откуда только к началу 1874 г. она смогла выбраться в Харьков, где продолжала до конца 1875 г. состоять под надзором полиции. Жить все эти годы В. И. приходилось среди всевозможных лишений и неприятностей (ее не один раз обыскивали, арестовывали, возили в Петербург на допросы). Но это не только не сломило ее, а еще более закалило, раз навсегда определив ее дальнейший путь.

В Харькове В. И. училась на фельдшерских курсах. Здесь же она сошлась с местными революционерами и скоро уже, к осени 1875 г., решила «пойти в народ»; она перешла на нелегальное положение, уехала в Киев и примкнула там к «кружку бунтарей», в который входили ряд выдающихся людей: Вл. Дебагорий-Мокриевич, Я. Стефанович, Л. Дейч, М. Фроленко, Чубаров, М. Ковалевская, Анна Макаревич, М. Каленкина. Как рассказывает Л. Дейч, «несмотря на присущие В. И. скромность, застенчивость и нелюбовь выдвигаться вперед, — почти все мы с течением времени признали выдающиеся умственные и моральные ее качества и высоко оценили их». В другом месте тот же автор так рисует Засулич того времени:

«Относительно богатое тяжелыми испытаниями прошлое не наложило на В. И. печати мученичества, и выглядела она очень здоровой, хорошо сложенной, способной ко всякому физическому труду, деревенской девушкой. Манерами, — сильной жестикуляцией и громкими выкриками во время бесед, а также внешностью, она нисколько не напоминала «столбовую дворянку», являясь типичной «нигилисткой» 60-х годов.

«Мало привлекательного было в ней, как в женщине, и из черт ее лица только в глазах отражался большой природный ум. Вместе с тем чуть не из первых же бесед с нею для каждого вполне обнаруживалось, что она какая-то своеобразная, необычайная, недюжинная девушка. Во всем ее поведении, в обращении с другими,

особенно в речах ее бросались в глаза необычайная искренность и простота. Ей не только совершенно не присуще было стремление выдвинуться, обратить на себя внимание, но, наоборот, она как бы старалась стушеваться, остаться незамеченной, хотя по своему уму и развитию, в особенности, по начитанности, она стояла выше всех остальных членов кружка».

При пренебрежительном отношении «бунтарей» к чтению и науке, требовалась особенная любознательность и твердость характера, чтобы все-таки заниматься этим «ненужным» делом. А Вера Ивановна каждую свободную минуту, в любой обстановке, хваталась за книгу, «с одинаковым увлечением поглощая как серьезные произведения, так и журнальные статьи или интересные романы». И черта эта сохранилась у нее на всю жизнь.

В ту пору Вера Ивановна была жизнерадостной, всегда бодрой, веселой девушкой. М. Фроленко, во время поселения в деревне игравший роль мужа В. И. и проживший с нею несколько месяцев, отмечает, что «несмотря на довольно значительную начитанность и на то, что она имела свои вполне самостоятельные на всё мнения и убеждения, она редко, однако, выступала на собраниях... Когда поднимался какой-нибудь вопрос, она, высказав свое мнение, обычно, не вступая в полемику, умолкала».

Угроза ареста заставила кружок рассеяться. Вера Ивановна поехала в Петербург. Р. М. Плеханова, тогда еще совсем юная девушка, оказалась случайной спутницей Засулич. Вот в каких словах передает она произведенное ею впечатление:

«Когда я рассмотрела нашу новую спутницу, меня в ней все поразило... Во-первых, костюм — она носила серое платье неопределенной формы. Кажется, что описать последнее можно следующим образом: кусок полотна, в центре которого вырезана была дыра для головы, а по бокам находились две дыры для рукавов, бесформенных, неуклюжих. Этот кусок полотна поддерживался узким пояском, а края его висели, развиваясь во все стороны. На голове что-то похожее не на шляпу, а скорее на пирог из скомканной серой материи. На ногах — неуклюжая широкая обувь соб-

ственного изделия, как она нам позже объяснила. Все это дополнялось тем, что кармана в балахоне не было, и наша оригинальная спутница, чтобы достать носовой платок, подняв край балахона, начинала рыться в туго нибитом кармане нижней юбки».

«... Вся фигура Веры Ивановны была неуклюжа, громоздка, но это впечатление вызывал ее необыкновенный балахон. Лицо же ее, хотя и неправильное, с широким, точно приплюснутым носом, было чрезвычайно симпатично. Глаза ее искрились умом и добродушной легкой насмешкой. По мере того, как я вслушивалась в слова и рассказы нашей новой приятельницы, я всё больше и больше поддавалась обаянию и очарованию ее личности»...

В Петербурге Засулич прожила с перерывом около года (работая одно время наборщицей в нелегальной «Вольной типографии»), когда произошла история с Боголюбовым. Разделяя всеобщее возмущение, она особенно сильно переживала всё то, что должен был испытать Боголюбов, и уже осенью 1877 г. решила покарать Трепова.

Надо припомнить то время, чтобы представить себе всю силу того впечатления, какое произвели выстрел Засулич и последовавшее затем ее оправдание. Ведь совсем недавно закончились процессы Заславского и 50-ти, заканчивался процесс 193-ех, у всех в памяти была жестокая расправа правительства с своими врагами. Оправдание Засулич давало моральное удовлетворение всему честному и мыслящему в России.

На суде оправдательному приговору аплодировали важные сановники и представители высших кругов общества. За стенами суда, на улице, Засулич поджидала восторженно настроенная толпа, встретившая ее громкими приветствиями.

Но героине дня пришлось, не теряя минуты, скрыться: как только известие об оправдательном приговоре достигло дворца, последовал царский приказ о задержании Засулич впредь до распоряжения. Правительство не хотело так легко выпустить ее из своих рук. В. Засулич пришлось временно уехать за границу.

Приведем еще выдержку, дающую представление о том, какое впечатление производила в то время Засулич на людей, впервые ее видящих, а затем дадим извлечение из характеристики В. И., написанной вскоре после того Кравчинским, впоследствии близко сдружившимся с нею (Степняк: «Подпольная Россия»). Характеристика эта очень удачна и рисует Веру Засулич такой, какою она оставалась до последних дней своей жизни.

Известный адвокат Карабчевский пишет: «На возвышении скамьи подсудимых появилась смугловатая, бледная, тщедушная девушка. Одета она в черное люстриновое поношенное платье, темные ее волосы гладко расчесаны на голове и заплетены в две небольшие косы ... Ее некрасивое, но симпатичное, несколько удлиненное, с запавшими щеками и заострившимся от худобы носом и подбородком, лицо останавливает на себе взоры. Ничего отталкивающего, ничего вызывающего во всей ее маленькой фигурке, ни одного жеста, ни одного движения внешней рисовки ... По мере того, как вы начинаете пристальнее вглядываться в это молодое, но уже поблекшее лицо и, в особенности, в эти добрые, беспритязательно, лишь с какою-то страдальческою сосредоточенностью глядящие на вас глаза, — всё легче и легче становится у вас на душе» ...

Портрет В. Засулич, данный Степняком, рисует ее, как живую; вы точно видите ее перед своими глазами: «Это женщина сильная, крепкая и, хотя ростом она не выше среднего, на первый взгляд кажется высокою. Ее симпатичное, умное лицо нельзя назвать красивым. Хороши только большие, прекрасно очерченные серые глаза, обрамленные длинными ресницами, темнеющие, когда она воодушевлена, задумчивые и несколько грустные в обыкновенном состоянии; эти глаза зажигаются каким-то лучистым светом, когда она одушевляется, что бывает нередко, и мечут искры, когда она шутит, что случается очень часто. Малейшее движение души отражается в этих глазах. Остальные черты лица не представляют ничего необыкновенного: продолговатый нос, тонкие губы, большая голова, обрамленная почти черными волосами. Собою она решительно не зани-

мается. Она слишком рассеяна, слишком погружена в свои думы, чтобы заботиться об этих мелочах, вовсе ее не интересующих.

Вначале она говорит с вами, как и все люди, но это обыкновенно продолжается очень недолго. Лишь только разговор оживляется, она возвышает голос и говорит так громко, точно ее собеседник наполовину глух или стоит от нее по меньшей мере шагах в ста... В доме, на улице, лишь только речь коснется какого-нибудь интересного предмета, она тотчас же начинает кричать, сопровождая свои слова любимым, всегда неизменным жестом правой руки, которою она рассекает воздух, точно секирой...

«Однако, под этой простой, мало поэтической внешностью скрывается душа, полная высочайшей поэзии, глубокая и могучая, богатая любовью и негодованием. Это натура очень сдержанная и сосредоточенная, хотя на первый взгляд ее можно принять за человека открытого, потому что говорит она много и охотно. В свою интимность она допускает лишь немногих»... Строго относясь к самой себе, она много анализирует себя, и часто ею овладевают припадки тоски... «Тогда она становится рассеянной, избегает всякого общества и по целым часам ходит взад и вперед по комнатке, вся погруженная в свои думы, или убегает из дому, ища успокоения в единственном, что может дать его ей, — в природе, бесстрастной и величественной, которую она любит и понимает, как только могут любить и понимать люди с истинно поэтической душой».

На этот раз В. Засулич за границей пробыла недолго. Несмотря на громадный риск, она скоро (1879 г.) вернулась в Россию, чтобы вновь принять участие в движении. Между тем, за ее отсутствие в нем произошел значительный поворот: наметилось расхождение между действующими революционерами, организация «Земля и Воля» раскололась на две: в одну вошли сторонники непосредственной борьбы с правительством посредством систематического террора, образовавшие партию «Народная Воля»; другую составили чистые народники, попрежнему всю свою деятельность стремившиеся сосредоточить на социалистической пропа-

ганде в народе и на подготовке народного восстания. И как ни странно, Вера Засулич, своим выстрелом давшая толчок к переходу на путь террора, примкнула к второму течению, вместе со своими друзьями Дейчем и Стефановичем, осталась с Плехановым, который явился главным вдохновителем «Черного Передела», как называлась новая организация народников. Как справедливо замечает Л. Г. Дейч, «Вера Ивановна всегда была последовательна, искренна и решительна в своих взглядах: увидев вред для общего дела от принятых новых форм революционной борьбы, она без малейших колебаний открыто признала это. Так поступала она в течение всей своей полувековой революционной деятельности».

Но сочувствие широких революционных кругов было на стороне народовольцев, организация «Черный Передел» не только не развивалась, но, наоборот, погибала под ударами жандармов. Обострение полицейских преследований, вызванное террористическими покушениями, очень скоро чрезвычайно затруднило жизнь и деятельность нелегальных революционеров. Уже в январе 1880 г. В. Засулич вместе с ее ближайшими товарищами пришлось во избежание ареста вновь уехать за границу.

* * *

Потянулись долгие дни изгнания, продолжавшегося ровно 25 лет... Вера Ивановна очень тяжело переживала его с первых дней до последнего.

Продумав свой революционный опыт, ознакомившись с западно-европейскими условиями жизни, а главное — с произведениями Маркса и Энгельса, бывшие чернопередельцы из бакунистов превратились в марксистов и уже осенью 1883 г. основали первую русскую социал-демократическую группу «Освобождение Труда» — ее членами явились Г. Плеханов, В. Засулич, П. Аксельрод, Л. Дейч и умерший вскоре В. Игнатов. Долгие годы группе пришлось проповедывать свои взгляды, почти не встречая сочувственного отклика, подвергаясь нападкам и обвинениям в дезорганизации движения, в нереволюционности и пр. Из России не

получалось ни нравственной ни материальной поддержки, и членам группы приходилось очень тяжело. И тем не менее, они работали не покладая рук; положили начало переводной и оригинальной марксистской литературе, которую всеми путями старались доставлять в Россию. Буквально голодая, члены группы не бросали своей работы, собирая последние гроши и содержа типографию для печатания нужных брошюр.

В этой работе В. И. Засулич принадлежит значительная доля. Ознакомление с учением Маркса и Энгельса вызвало у нее сильнейший энтузиазм; страстно принялась она за расширение и углубление своих и до того значительных знаний. Желая участвовать в общей работе, она почти в сорокалетнем возрасте взялась за перо — и, как известно, скоро заняла среди марксистских писателей выдающееся место; ее статьи всегда отличались самостоятельностью и глубиной мысли, оригинальностью изложения и солидностью знаний. Правда, благодаря свойствам своего характера она не сделалась плодовитым писателем и оставила после себя гораздо меньшее литературное наследство, чем это следовало бы ожидать. Чрезвычайно требовательная к себе, до щепетильности добросовестно относящаяся ко всякому делу, за какое бралась, обладавшая строгим литературным вкусом, не любившая всё избитое и посредственное, Вера Ивановна над каждой заметкой и статьей, не говоря уже о более крупных произведениях, работала очень долго, переделывая, исправляя, дополняя. И в конце концов, ни одной почти своей статьей она не оставалась довольна, находя, что она могла бы быть лучше, более яркой и сильной. Поэтому для нее настоящей мукой была журнальная и газетная работа, требующая поспешности и срочности.

Кроме литературной работы, которой отдалась Засулич, она много внесла в общую деятельность группы «Освобождение Труда». Нам известно, что главный теоретик группы и основоположник русского марксизма Г. В. Плеханов чрезвычайно ценил мнение Засулич и не только давал ей на просмотр свои работы, но и

обсуждал с ней темы и план задуманных им произведений, всегда принимая во внимание ее указания и советы.

Когда Исполнительный Комитет «Народной Воли» задумал организовать за границей «Красный Крест помощи заключенным и ссыльным», он поручил это дело Засулич и Лаврову. В течение трех лет Засулич была занята собиранием денег, изданием вместе с Л. Г. Дейчем сборников «На родине», доход с которых шел в пользу «Красного Креста». Ни от какой работы В. И. не отказывалась — она даже работала наборщицей, набирая брошюры, предназначенные для России. С арестом и осуждением на каторгу Л. Г. Дейча, ведшего всю организаторскую и хозяйственную работу группы «Освобождение Труда», на В. И. Засулич в значительной мере легла переписка по делам организации, забота о денежных средствах.

Жить в эти годы было нелегко. Материальные лишения, чувство одиночества (в особенности с утратой такого близкого ее друга, как Л. Дейч), начинающее поддаваться здоровье, работа как бы в пустыне — не для сегодняшнего дня, а для будущего... Полное личное одиночество — много друзей и товарищей, но ни одного совсем близкого человека. В. И. Засулич очень сильно это одиночество чувствовала и переживала. Как она пишет в одном из своих писем Л. Дейчу, нет захватывающего дела, какое могло бы заполнить жизнь, дать пищу душе; нет семьи, нет близких. Остается замыкаться в себе.

Немногие посетители из России оставили нам описание обстановки, в какой в ту пору жила Засулич. «Ее обстановка была еще более убогая, чем у Плеханова: большой стол завален книгами, тетрадями и массами окурков, на подоконнике стояла спиртовка и кофейник, из которого через четверть часа В. И. поила нас горячим, черным кофе»... (Ц. Гурвич). То же самое рассказывают и другие. А сама Засулич так описывает Дейчу свой образ жизни: «У меня маленькая комната, точь-точь в том же роде, какие я обыкновенно занимала в Женеве. Железная печка, большой беспорядок и все прочее, как всегда. Встаю поздно, часов в 10, а то

и в 11. Поспешно варю кофе, очень крепкий, по возможности со сливками, выпиваю и бросаюсь писать, отрываясь время от времени (при каком-нибудь затруднении), чтобы сделать папироску и пройтись с ней по комнате. Так часов до 4, до 5. Тогда или иду поблизости за провизией или, если осталось от вчерашней, жарю бифштекс, съедаю и ложусь на час поваляться с книгой. Это,—если до крайности не увлечена писанием, а то — так продолжаю писать. Не то, чтобы уж сплошь писать, а обдумывать, передумывать, перепрaвлять, переписывать. Чай стоит на печке и время от времени прихлебывается. Часов в 9 опять кофе и работа часов до 2. Тогда ложусь с книгой. Если надо прочесть ту или иную книгу, тогда также спешно и не отрываясь читаю, и коли читаю, то в те дни уже не пишу... В этом и только в этом отношении я очень переменилась. Прежде, как и всякий порядочный русский интеллигент, я, как ты знаешь, могла великолепно бездельничать без конца... По целым месяцам я не говорю (разве только шопотом сама с собою) ни слова, кроме как в лавочке: „дайте фунт того-то“... В Женеве я бываю раз в месяц, а то и реже. Бываю больше, если нужно. Там меня привлекает Жорж (Плеханов), — его я всегда рада видеть, с ним всегда есть о чем поговорить, он всегда, окажется, выдумал что-нибудь новое, выяснил себе какой-нибудь вопрос... Ну, вот мое житье: никого не видаю, газет не читаю, о себе не думаю»...

Так шли годы. Их однообразие нарушалось лишь болезнями сперва Г. В. Плеханова, потом самой В. И. Засулич. Во время болезни Плеханова В. И., можно сказать, выходила его: она поселилась вместе с ним в деревне, ухаживала за ним, готовила ему пищу, читала, писала под его диктовку. Вообще В. Засулич отличалась всегда сильным товарищеским чувством. Когда в Петербурге ей стало известным об аресте ее товарищей по киевскому кружку Стефановича, Дейча и Бохановского (по Чигиринскому делу) и о грозящей им каре, она приложила все усилия раздобыть деньги (вместе с Каленкиной) на устройство побега их из тюрьмы и уговорила взяться за это дело М. Фроленко,

который блестяще и выполнил эту задачу. Это чувство товарищества Засулич проявляла и за все время жизни в эмиграции. Сама нуждаясь, часто оказываясь в плену у своих квартирных хозяев и лавочников, ибо задолжала им несколько десятков рублей, она к своему трудному положению относится легко и даже подсмеивается по этому поводу, скрывая от других, даже близких, свои затруднения и лишения. Но стоит очутиться без денег Плеханову (а это бывало очень часто), и Засулич употребляет все усилия, чтобы добыть для него необходимое... И такую заботливость она проявляла по отношению ко всем товарищам, тогда как тщательно скрывала всегда свои материальные затруднения и лишения.

Наконец из России стали слышаться ответные голоса: появились первые социал-демократы, воспитавшиеся на работах и изданиях групы «Освобождение Труда», началось массовое рабочее движение, руководимое социал-демократами. Это оживило Засулич. Во время исторической стачки петербургских ткачей 1896 г. она, находясь в то время в Лондоне, усердно ознакомляла с ее ходом и с начавшимся в России рабочим движением английских рабочих, и благодаря ее деятельности в этом направлении съезд английских профессиональных союзов в особой резолюции высказал сочувствие русским рабочим, и были организованы денежные сборы в пользу стачечников.

Когда молодое еще движение стало сбиваться с пути и в нем начали преобладать так называемые «экономисты», урезывавшие задачи рабочего движения, Засулич вместе с Плехановым и Аксельродом решительно восстали против них, отстаивая позиции революционной социал-демократии. С этими «молодыми» происходили постоянные столкновения, и Засулич переживала их очень тяжело. При всей своей мягкости и терпимости, она не могла спокойно относиться к этим попыткам направить рабочий класс по ложному пути. «Хотя ты уже не раз сердился на меня, — пишет она Дейчу, — за стремление быть справедливой к врагам, хотя и потом я именно этим часто грешила и из-за этого не гожусь для борьбы, тем не менее и я не чужда

общечеловеческого свойства не чувствовать к своим врагам симпатии»...

Зато как обрадована была Засулич, когда за границей появились социал-демократы совсем другого типа: Ленин, Мартов, Потресов... Создавалась «Искра», и Засулич с радостью и энергией принялась за работу с новыми товарищами. Из членов группы «Освобождение Труда» она ближе всего сошлась с ними, переехала в Мюнхен, чтобы быть рядом с ними и принимать участие в повседневной редакционной работе. Н. К. Крупская рассказывает про это время: «Вера Ивановна жила жизнью редакции „Искры", ее радостями и горестями, жила вестями из России... — А „Искра"-то важная становится, — шутила она по мере того, как росло и ширилось влияние „Искры"... По России Вера Ивановна тосковала страшно. И вот, когда стала выходить „Искра", она почувствовала, что это кусок русской работы, она судорожно за нее держалась»... Она жадно хваталась за каждого приезжающего из России товарища, слушая его рассказы. «С непереставшей дымиться папироской, с блестящими от радости глазами, слушая сообщения, отпускала меткие характеристики людей и положений. Она, можно сказать, искрилась. В такие моменты, она бывала прекрасна своим одухотворенным лицом и умными выразительными глазами, тогда совершенно забывались и неаккуратность ее прически, и юбка, одетая задом наперед, и кофта, выбивавшаяся из кушака».

Эта тоска по России, на которую указывает Н. К. Крупская, побудила Засулич, еще до появления «Искры», в 1899 г., нелегально поехать на несколько месяцев в Россию, чтобы хотя со стороны, но на месте, ознакомиться с настроениями. При помощи А. М. Калмыковой эта поездка благополучно сошла.

При расколе партии В. Засулич примкнула к меньшинству. Для нее это был очень трудный шаг: в первый раз она разошлась по серьезному вопросу с Плехановым, которого высоко ценила. Но раз придя к определенному убеждению и сделав из него все выводы, В. Засулич неуклонно шла по избранному пути.

В 1905 г. Засулич вернулась в Россию при первых известиях об октябрьских событиях уже в первые дни ноября она была в Петербурге. Активного участия в революционных событиях она не принимала. При ее застенчивости и скромности, выступать на собраниях она не могла. Ее даже смущали те восторженные овации, какие вызывало появление ее на рабочих собраниях. (Совет рабочих депутатов, за Невской заставой). Когда догорели огни революции и началась реакция, Засулич осталась в России. Жила она довольно одиноко, но не переставала интересоваться ходом рабочего движения. Изредка писала она в рабочих журналах и газетах. Жила она попрежнему чрезвычайно просто, в обрез, почти всегда нуждаясь в самом необходимом — для заработка ей приходилось заниматься переводной работой. Жила она почти до самой смерти в доме литераторов, попрежнему одинокая.

Война была тяжелым ударом для В. Засулич. Став на сторону сторонников «национальной обороны» и защиты «европейской демократии против германского империализма», она вновь оказалась в одном лагере с Плехановым, но должна была порвать с многими своими близкими товарищами. Далось ей это нелегко.

Вере Ивановне суждено было дожить до полной ликвидации самодержавия и победы рабочего класса. Но уже через два года после февральской революции она скончалась. Ей в последние годы пришлось пережить особенно тяжелые лишения, не один раз она болела воспалением легких, и эта болезнь свела ее в могилу — она скончалась 70 лет, 8 мая 1919 года.

* * *

Выстрел Веры Ивановны Засулич как бы послужил сигналом: в январе же 1878 г. Ковальский и его друзья оказали вооруженное сопротивление при аресте, в феврале — в Ростове-на-Дону убит шпион Никонов, а в Киеве произведено покушение на прокурора Котляревского, в мае в Киеве убит жандармский офицер Гейкинг, в июле — произведено вооруженное нападение на конвой с целью освобождения увозимого в тюрьму Войнаральского, осужденного по процессу 193-ех, в ав-

густе — убит Кравчинским в Петербурге начальник жандармов Мезенцев, в октябре — вооруженное сопротивление оказывает при аресте на квартире Малиновской приятельница В. Засулич — М. Каленкина, в декабре — в различных пунктах сопротивляются аресту с оружием в руках офицер Дубровин, Сентянин, Бобохов, в феврале 1879 г. — в Харькове убит губернатор Кропоткин, в том же феврале в Киеве при захвате группы «бунтарей» (на Жилянской ул.) они открывают стрельбу — происходит настоящее сражение; в перестрелке убиты братья Ивичевичи.

Еще не создав теории о систематическом терроре, как средстве политической борьбы, революционеры фактически применяют его, видя в нем вынужденную самооборону, ответ на репрессии правительства и его особенно усердных агентов. Настроения эти особенно ярко проявились на юге России, среди тамошних «бунтарей». Только постепенно новые взгляды приобрели влияние и на севере. Здесь следует упомянуть несколько выдающихся женщин, принимавших участие в деятельности южных кружков.

Начнем с Марии Александровны Каленкиной, не раз уже упоминавшейся. К движению она примкнула в 1873 г., войдя в анархистскую Киевскую коммуну, членом которой были Дебогорий-Мокриевич, П. Аксельрод, Е. Брешковская, Я. Стефанович и др. Вместе с двумя последними она, под видом крестьянки, ходила для пропаганды в деревню, случайно спаслась от ареста и должна была перейти на нелегальное положение. Это не помешало ей остаться в Киеве, где она продолжала вести революционную работу. В 1877 г. она переехала в Петербург, где примкнула к землевольцам. Как уже указывалось, она содействовала В. Засулич в осуществлении ее замысла — покушении на Трепова.

Молчаливая и сосредоточенная, Каленкина обладала сильным характером и твердой волей, отличалась природным умом и самостоятельностью суждений, готовностью на самопожертвование. Не получив систематического образования, Каленкина пришла к революционному народничеству через Некрасова: его стихо-

творения пробудили в ней сознание несправедливости существующего строя, научили любить всех обездоленных и вызывали стремление служить делу их освобождения. Долго участвовать в работе землевольцев ей не пришлось: в октябре 1878 г. полиция, по доносу, направленному непосредственно самому Александру II, явилась к А. Малиновской, квартира которой служила своего рода штабом землевольческой организации. Находившаяся здесь Каленкина встретила пришедших выстрелами из револьвера. Этого было достаточно, чтобы ее осудили на 10 лет каторги. В 1886 году она вышла на поселение, жила в Иркутске, где занималась учительством, дожив до нашего времени.

Гораздо более яркой фигурой в составе киевского кружка была Мария Павловна Ковалевская, судьба которой гораздо трагичнее. Родилась она в 1849 г. в дворянской помещичьей семье. Совсем молодой она бросила мужа и маленькую дочь, чтобы всецело отдаться революционной деятельности. Она примкнула к кружку Дебогория-Мокриевича и приняла активное участие в его работе. Будучи типичной «бунтаркой», она стремилась какими бы то ни было путями поднять народ на восстание... Предвосхищая попытку Стефановича (явившегося к черниговским крестьянам под видом царского посланца для организации борьбы с «панами»), Ковалевская предлагала товарищам напечатать манифест о переделе земли и распространить его по деревням. «Это наверно вызовет волнения, и тогда мы увидим, как поступать дальше»...

Боевой темперамент побудил Ковалевскую присоединиться к кружку В. Осинского, Попко и их друзей, переходивших на путь политической борьбы. «Небольшого роста, с очень смуглым, даже цыганским цветом лица, большими темно-карими глазами и черными, как смоль, волосами, Ковалевская на всех производила обаятельное впечатление своим бурным темпераментом и изумительной живостью. Кровь в ней всегда клокотала, минуты она не могла сидеть молча, без дела». Она склонялась всегда к самым крайним и решительным приемам борьбы. Умная, обладавшая сильной

логикой и хорошо говорившая, она была искусной спорщицей.

Будучи арестована в феврале 1879 г. в Киеве, Ковалевская вместе с другими судилась за вооруженное сопротивление жандармам и получила 14 лет 10 месяцев каторги. С этого времени начинается ее упорная борьба со всякого рода тюремным и иным начальством. Борьбу в защиту чести и человеческого достоинства заключенных она считала обязанностью революционера, не менее важной, чем его деятельность на свободе. Она всегда настаивала на необходимости давать решительный отпор в ответ на малейшие посягательства со стороны администрации, к чему бы это ни привело. При этом она защищала всегда самые крайние и активные приемы: нападение на должностных лиц, разбивание в камерах дверей, битье стекол и пр. Ей пришлось в течение ряд многих лет пережить много столкновений с администрацией, выдержать несколько голодовок, иногда чрезвычайно продолжительных. За одну из тюремных историй она была увезена с Кары в иркутскую тюрьму, где ее и увидел Л. Г. Дейч, ее товарищ по Киеву, не видевший ее 8 лет. Он нашел ее такой же решительной и непреклонной, какою знал раньше, но сильно изменившейся физически: здоровье ее было надорвано, она была крайне слаба и изнурена. Но борьбу она не прекращала, оставаясь такой же неукротимой, как прежде. Она была главным действующим лицом в так называемой Карийской трагедии, разыгравшейся в 1889 г. и закончившейся самоубийством шести человек: Н. Сигиды, М. Калюжной, Н. Смирницкой, М. Ковалевской, С. Бобохова и Ив. Калюжного. Подробно об этом событии будет рассказано в дальнейшем; здесь укажем лишь, что М. Ковалевская явилась инициаторшей протеста, поведшего к ужасной развязке. Вместе со своими подругами по заключению она отравилась и умерла сорока лет 18 ноября 1889 г., проведя в тюрьме и каторге десять лет.

На Каре же умерла осужденная по тому же процессу, что и Ковалевская, Наталия Александровна Армфельд, получившая 14 лет и 10 месяцев каторги. Родилась она в Москве в 1850 г., получила хорошее об-

разование, уехала за границу для продолжения его в университете. Но начавшееся революционное движение захватило и ее; она вернулась в Москву, и здесь в начале 70-х годов квартира ее родителей, у которых она жила, сделалась центром, притягивавшим к себе революционную молодежь. Скоро Армфельд примкнула к «чайковцам», являясь одним из самых деятельных представителей их организации в Москве. Жандармы скоро обратили внимание на нее: в 1874 г. она была арестована в Орловской губернии за пропаганду в народе, но вскоре освобождена на поруки; в 1875 г. последовал новый арест и ссылка в г. Буй, Костромской губернии. По окончании ссылки в 1877 г. она вернулась к матери в Москву, но за ней продолжали тщательно следить, и она вскоре решила перейти на нелегальное положение, чтобы беспрепятственно продолжать революционную работу. Она уехала в Киев, вошла в кружок, группировавшийся вокруг Осинского, и была захвачена на Жилянской улице во время вооруженного сопротивления. На суде она заявила, что в жандарма, убитого во время перестрелки, стреляла она — этим заявлением она хотела спасти от виселицы арестованного вместе с нею Брандтнера, которого обвиняли в убийстве. Ее самоотверженность, однако, не достигла цели — Брандтнер был казнен.

На каторге Армфельд проявила все прекрасные качества своего характера. Выросшая в довольстве и избытке, она сводила здесь свои потребности до минимума, отказываясь в пользу подруг по заключению от молока, белого хлеба и пр. Все, что присылала ей мать, она раздавала товарищам, ничего себе не оставляя. Здоровая духом и бодрая, она внимательно следила за настроением подруг, и, если замечала, что та или другая из них начинает поддаваться, старалась окружить ее заботами, освободить от тяжелого труда, развеселить шуткой, занять разговорами. Она помогала товаркам пополнять свое образование, с готовностью выполняла все тяжелые и неприятные работы, стирала за слабых и больных.

В 1885 г. она была выпущена в вольную команду, т.-е. на поселение вне тюрьмы, на той же Каре с ее

гнилым климатом. Шестилетнее заключение тяжело отразилось на ее здоровье — у нее развилась чахотка, через два года сведшая ее в могилу.

При организации покушения на харьковского губернатора Кропоткина нужно было иметь квартиру, в которой могло бы укрыться лицо, произведшее покушение. Хозяйкой квартиры явилась Людмила Александровна Волькенштейн, которая заплатила за это 12-летним заключением в Шлиссельбургской крепости.

Родившаяся в 1857 г., Волькенштейн еще гимназисткой, всего 16 лет, вступает в один из киевских кружков, чтобы подготовиться к пропагандистской деятельности. Здесь она оказывает ряд услуг революционерам, так что через несколько лет ей приходится во избежание ареста скрыться; она переезжает в Харьков, где принимает участие в организации убийства губернатора. Проходит некоторое время, и становится известным, что Гольденберг, совершивший убийство, не выдержал, будучи арестован, и выдал жандармам всё, что знал, назвав также и Волькенштейн. Она спешно уезжает за границу, где живет три года, после чего нелегально возвращается в Россию, чтобы вновь принять участие в революционной работе. Но очень скоро, в 1883 г., ее арестовывают в Петербурге; она судится вместе с В. Фигнер и другими народовольцами и приговаривается к смертной казни, замененной пятнадцатилетней каторгой.

Вместе с Фигнер она была переведена в Шлиссельбург, где проявила удивительную твердость характера и мужество. Она всегда вступалась за товарищей по заключению, принимала самое деятельное участие во всех протестах, не останавливаясь ни перед какими лишениями. Когда после полуторагодичного заключения ей дали общую прогулку с В. Фигнер, она вскоре после того, убедившись, что эта «льгота» дана не всем заключенным, убедила Фигнер отказаться от нее, пока общей прогулки не получат все товарищи. Целых полтора года длилось это добровольное отречение от единственной радости, какую имели узницы.

«Человека, более гуманного по отношению к людям, трудно было встретить, — говорит о ней В. Фигнер. —

Она имела счастливую способность находить и никогда не терять из виду хорошие стороны человека.... Бесконечная снисходительность во всех личных отношениях была ее характерным свойством... „Все мы нуждаемся в снисхождении", — было ее любимой поговоркой». И эта террористка отличалась такой душевной мягкостью, такой любовью ко всему живому, что обходила насекомых, встречающихся ей на пути, лишь бы не раздавить их... И эта мягкость сочеталась в ней с непреклонностью и несгибаемостью, когда дело шло об убеждениях, когда надо было отстаивать свои права. Оставив на воле маленького ребенка и любимую мать, Волькенштейн провела 12 лет, не имея о них никаких известий.

В 1896 г. ей по манифесту был сбавлен срок, и в ноябре этого года она была увезена из Шлиссельбурга для водворения на поселение на острове Сахалине. Пока она находилась, в ожидании отправки, в Петропавловской крепости, к ней на свидание ходил ее сын, к тому времени уже студент. Сын этот принимал активное участие в студенческом движении, а потом примкнул к социал-демократии, в рядах которой энергично работал.

Л. Волькенштейн постаралась при первой возможности предать огласке те ужасные условия, в каких держали шлиссельбуржцев, поведать всему миру о тех мучениях и лишениях, каким подвергало их правительство по непосредственному указанию самого царя-миротворца. Написанное ею описание жизни в Шлиссельбурге с перечислением всех погибших в нем жертв было вскоре опубликовано в нелегальной печати и произвело потрясающее впечатление. Это была первая весть из Шлиссельбурга.

Еще в Шлиссельбурге, в ожидании предстоящей ссылки, Л. Волькенштейн усиленно занималась анатомией и приобретала другие необходимые знания, чтобы на свободе заняться фельдшерской работой. Очутившись на Сахалине, куда к ней скоро приехал ее муж, она, действительно, отдалась лечению поселенцев, скоро приобрела их любовь и уважение. Во время японской войны Волькенштейны переселились во Владивосток.

Здесь, в 1905 г., с началом революционных событий, она с головой окунулась в общественную работу, стараясь объединить все оппозиционные элементы. Когда в начале 1906 г. начались во Владивостоке волнения среди матросов, она шла в первых рядах демонстрации, устроенной ими. Тут, 23 января, ее настигла пуля «усмирителей» — она была убита на месте. Прекрасная смерть для революционера.

Нельзя не упомянуть еще одного члена южного кружка бунтарей — Анну Марковну Розенштейн-Макаревич. Она, правда, очень недолго действовала в России, но приняла деятельное участие в международном социалистическом движении, где скоро заняла выдающееся положение.

Родившаяся в 1855 г. в зажиточной семье, Анна Розенштейн получила прекрасное воспитание и по окончании гимназии поехала за границу, чтобы поступить в высшее учебное заведение, при чем в отличие от других девушек она избрала не медицинский факультет, а политехникум. Здесь она выделилась своими способностями. Но скоро она охладела к своим занятиям, будучи захвачена социалистическим учением, с которым познакомилась, сойдясь с русскими эмигрантами. Она сблизилась с кружком Жебуневых и вместе с ними вернулась в 1873 г. в Россию, незадолго до этого выйдя замуж за члена кружка Макаревича. В России кружку не пришлось долго поработать — благодаря предательству одного из его членов, кружок в 1874 г. был арестован почти полностью; случайно уцелела одна только Анна Макаревич; преследуемая полицией, она стала скитаться по южным городам, стараясь восстановить организацию. Через некоторое время она присоединилась к «бунтарям», участвовала в организованной Стефановичем подготовке восстания крестьян Чигиринского уезда, ездила в 1876 г. за границу с поручениями от кружка к Бакунину, вообще развила чрезвычайную энергичную деятельность. После ареста товарищей, оставшись без дела, она снова уехала за границу, чтобы уже не возвращаться на родину.

Пробыв некоторое время в Швейцарии, она поселилась во Франции, где была арестована вместе

с итальянским бакунистом Коста, а по освобождении из тюрьмы уехала в Италию, где за анархическую агитацию была приговорена к довольно продолжительному заключению. Приняв фамилию Кулешовой, Анна Макаревич поселилась в Италии и вошла в итальянское движение, в котором играла очень большую роль. Перейдя постепенно от анархизма к марксизму, она увлекла за собою Коста, который явился основателем итальянской социалистической партии, а потом сблизилась с Турати (женою которого является в настоящее время) и уже вместе с ним продолжала свою партийную работу. Пламенный агитатор, прекрасно научно-подготовленная писательница, она с конца 80-х годов занимает в итальянском рабочем движении выдающееся положение и пользуется громадным влиянием. Итальянское движение очень многим обязано ей, ее упорной борьбе с анархизмом и пропаганде марксизма. В девятисотых годах она склонилась к ревизионизму, повлияв в этом смысле и на Турати, — с тех пор они оба стоят на правом крыле итальянского социализма. Несмотря на свои 70 лет, Макаревич-Кулешова сохраняет бодрость и продолжает партийную работу.

ГЛАВА IV.

«НАРОДНАЯ ВОЛЯ».

Политическая борьба и террор. — Группа «Свобода или смерть».— Раскол среди землевольцев. — Возникновение партии «Народная Воля». — Женщины—члены Исполнительного Комитета. — С. Л. Перовская, В. Н. Фигнер, А. В. Якимова, А. П. Корба, М. Н. Ошанина. — Деятельность Исполнительного Комитета, участие в ней женщин. — 1 марта 1881 г. — После убийства Александра II. — Начало разгрома «Народной Воли». — Участь народоволок. — Деятельность В. Фигнер. — Конец «Исполнительного Комитета».

С двух сторон нарастали настроения, толкавшие к переходу на путь политической борьбы. Народники, поселявшиеся для пропаганды в деревне, скоро убеждались, что при существующем общем бесправии, полицейском сыске и забитости крестьян невозможна даже самая скромная работа — малейший разговор о притеснениях со стороны помещика, о незаконных действиях какого-нибудь мелкого полицейского чина, о нарушении крестьянских интересов мироедом сейчас же делал пропагандиста человеком подозрительным, вызывал слежку за ним и стремление выжить его из деревни. При таких условиях цель, поставленная программой революционных народников, — пропаганда среди крестьян на почве местных нужд и интересов в целях возбуждения и организации народных протестов, — оказывалась не выполнима. В лучшем случае, если пропагандисту и удавалось ничем не выделяться из окружающей среды и пустить корни в деревне, его роль сводилась к мирному обслуживанию культурных нужд деревни — лечению крестьян, обучению их грамоте и т. п. Конечно, не к этому стремились революционеры. И вполне естественно, что те из них, кто способен был

Сторонники работы в народе с тревогой видели нарастание террористических настроений, все больший уклон в сторону политической борьбы. Они видели, что наиболее энергичные и смелые товарищи бросают ради нее деревню, что на нее уходит все большая доля партийных средств. Разногласия между сторонниками старой народнической программы и защитниками нового способа борьбы все более обострялись. Все попытки столковаться, примирить оба направления — остаться верными прежней программе и вместе с тем, допустить применение новых приемов, — ни к чему не привели: раскол был неизбежен и он, действительно, произошел к концу лета 1879 года. «Земля и Воля» разделилась на две организации; чистые народники старого типа образовали организацию «Черный Передел», а сторонники политической борьбы создали партию «Народная Воля», во главе которой стоял Исполнительный Комитет.

Впрочем, еще до открытого разрыва представители нового направления сплотились внутри единой еще организации в особую группу. Это произошло в мае 1879 г. после неудавшегося покушения на Александра II, произведенного А. К. Соловьевым. Дело в том, что это покушение впервые остро вскрыло имевшиеся разногласия. Когда Соловьев приехал из деревни, где занимался пропагандой, в Петербург и заявил знакомым землевольцам о твердом решении стрелять в царя, прося у них содействия, они резко разделились на два лагеря: одни одобряли его намерение, другие, напротив, возмущались и объявляли такой шаг полной изменой землевольческой программе. После горячих споров вынесли половинчатое решение: организация, как таковая, в покушении участия не принимает, но отдельным ее членам разрешается на свой страх и риск помогать Соловьеву. Решение это, конечно, не могло удовлетворить «политиков» и уже в мае они втайне от своих товарищей сплотились в особую группу «Свобода или Смерть», поставившую себе задачей организацию систематического террора.

В состав этой группы вошло пятнадцать человек, в их числе Н. Морозов, Л. Тихомиров, А. Квятковский, Баранников, Ширяев, жена Тихомирова — Е. Сергеева,

С. Иванова и А. Якимова (из них дожили до наших дней Н. Морозов, А. Якимова-Диковская и С. Иванова). Уже тогда инициаторы террористической борьбы решили от револьвера и кинжала перейти к более грозному средству, и Якимова вместе со Степаном Ширяевым, еще до возникновения «Исполнительного Комитета», сняли квартиру, где учились домашним способом приготовлять нитроглицерин и из него динамит, так что к моменту раскола новая организация сразу получила в свое распоряжение значительный запас этого орудия борьбы.

Сформировалась новая организация в начале августа 1879 г., ее руководящую верхушку решили назвать «Исполнительным Комитетом», заимствовав это обозначение, приобревшее уже популярность, у южан (Осинский и др.), которые свои террористические выступления совершали от имени «Исполнительного Комитета Социально-Революционной партии». Этому Исполнительному Комитету суждено было приобрести громкую известность не только в России, но и за границей. В течение двух с лишним лет его смелые удары приводили в трепет царское правительство, вызывали удивление и сочувствие всех оппозиционно настроенных элементов; его деятели, выступавшие перед судом и бесстрашно шедшие на смерть, заставляли перклоняться перед собою...

* * *

В состав Исполнительного Комитета вошли испытанные революционеры, прошедшие продолжительную школу нелегальной деятельности. Первоначально он состоял из 29 человек, из них женщин было десять, т.-е. целая треть. Это были С. Перовская, М. Ошанина, В. Фигнер, А. Корба, А. Якимова, Т. Лебедева, С. Иванова, О. Любатович, Н. Оловенникова, Е. Сергеева (Тихомирова). Из этих десяти членов Исполнительного Комитета остались в живых до наших дней, пройдя через многолетнюю каторгу, В. Фигнер, А. Корба, А. Якимова, С. Иванова. С. Перовская погибла на эшафоте, Т. Лебедева — умерла на каторге, О. Любатович умерла несколько лет тому назад; умерла и Е. Тихомирова, вместе со своим мужем

Л. Тихомировым, покаявшаяся в своих «заблуждениях» и в конце 80-ых годов вернувшаяся в Россию. В эмиграции умерла М. Н. Ошанина (в 1898 г.). Ее сестра Н. Оловенникова еще в 80-ых годах заболела психически и умерла в 1924 году.

Кроме женщин, состоявших членами «Исполнительного Комитета», в деятельности партии «Народная Воля» принимали участие и другие женщины, при чем на долю некоторых из них выпадали очень ответственные поручения, как, например, на долю Геси Гельфман, знакомой уже читателю. В дальнейшем рассказе о кратковременной блестящей деятельности «Народной Воли» будет упомянуто и об этих членах партии и будут сообщены краткие сведения о них. Теперь же займемся участницами «Исполнительного Комитета» и, в первую очередь, С. Перовской, рассказ о которой был прерван нами на процессе 193-ех в конце 1877 и в начале 1878 года.

Когда еще шел суд и многие из обвиняемых были освобождены на поруки, те из них, которые раньше входили в кружок чайковцев, группировались вокруг Перовской, выступавшей против «бунтарства» и рассчитывавшей восстановить старую организацию. В дешевых номерах, где она жила, в течение нескольких недель толпились ее товарищи, шли беседы и совещания... Кончился суд, объявлен приговор, но неизвестно было, будет ли он утвержден. Распространились слухи, что оправданные будут сосланы в административном порядке (это, действительно, произошло). Многие стали разъезжаться, кто, чтобы отдохнуть после продолжительного тюремного заключения, а кто, чтобы скрыться от полиции. Так из намерения Перовской ничего не вышло. Впрочем, ее помыслы были уже заняты другим. В числе получивших наиболее суровый приговор был Ипполит Мышкин, явившийся героем процесса из-за произнесенной им речи и вообще выделившийся ярким революционным темпераментом и сильным характером. Перовская задумала во что бы то ни стало устроить ему побег. Имелись сведения, что его и некоторых других осужденных увезут в Харьковскую центральную тюрьму, и она решила отбить его по дороге туда. Ей удалось

убедить Тихомирова поехать в Харьков на разведки — выяснить на месте условия и подыскать готовых участвовать в этом деле товарищей. Выяснилось, что дело трудное, требует тщательной подготовки, а прежде всего денег. Тихомиров поехал с этим в Петербург, но в это время Мышкина уже провезли, почти без остановок, в Печенежскую тюрьму (Харьковская губерния). Узнав об этом, Перовская была вне себя, набросилась на Тихомирова, по его словам, «точно бешеная», осыпая упреками в том, что он «проворонил» и даром ездил. В ней говорило сильное товарищеское чувство, вообще отличавшее ее, и она долго не могла простить себе и другим неудачу. Но деятельная натура ее не могла примириться с этим; если не Мышкина, надо освобождать других, и Перовская решает вступить в «Землю и Волю», ибо понимает, что только сильная организация, обладающая средствами и людьми, может с успехом выполнить это дело. Ей удается убедить новых товарищей взяться за него, и летом в Харьков отправляется целая экспедиция. Ал. Михайлов с Ошаниной изображают помещичью супружескую пару, Перовская у них горничной, Медведев — кучером. Отдельно поселяются Баранников и Квятковский. Предполагалось напасть на жандармов, везущих осужденных (Рогачева, Ковалика, Войнаральского или Муравского), по дороге между Харьковым и Ново-Белгородом, куда их должны были отвезти. В последний момент узнали, что их повезли в разное время и разными дорогами. Оставалась надежда перехватить Войнаральского, но попытка оказалась безуспешной: лошади, раненые, но не убитые выстрелами, понесли, и нападавшие Баранников, Квятковский и Медведев не могли нагнать повозку. Пришлось спешно возвращаться в Харьков и поскорее скрыться из города. Все беспрепятственно в тот же день уехали из Харькова (только Медведев был арестован на вокзале), но Перовская упорствовала в своем намерении и осталась, не обращая внимания на усиленные розыски полиции, чтобы продолжать начатое дело.

Вскоре Перовская на время должна была уехать, была арестована у матери и отправлена в ссылку, бежала с дороги (об этом уже рассказано выше), благо-

получно добралась до Петербурга, а оттуда опять отправляется в Харьков. Теперь она замышляет уже устройство массового побега из центральной тюрьмы. Преодолев чрезвычайные трудности, она успевает подыскать людей и завести правильные сношения с заключенными. Вместе с тем, она взяла на себя обслуживание их книгами, платьем, продовольствием, выполняя эту задачу с обычной для нее старательностью. И при всем этом она находила время для пропаганды среди молодежи, которую вела с большим успехом. Время шло, а непосредственная ее задача была далека от разрешения—из Петербурга Перовская не получала той помощи, какая была необходима. Организация благодаря арестам теряла людей и не могла выделить никого для харьковского предприятия. Это удручало Перовскую, но, со свойственным ей упорством при достижении поставленной себе цели, она не складывала оружия, и только после целого года подготовительной работы, убедившись, что помощи нечего ждать, она складывает оружие и с болью в душе уезжает из Харькова. Близко знавшее ее лицо рассказывает, что «на вид спокойная и даже не особенно грустная, она по ночам рыдала, уткнувшись головой в подушки».

Вернувшись после продолжительного отсутствия в Петербург, она застала новые настроения, уже описанные нами. Ей трудно было примириться с ними, ибо в ней глубоко сидели народнические взгляды; переход к политической борьбе казался ей изменой социализму. Она с головой бросилась в работу, главным образом, занимаясь пропагандой среди рабочих, к которой ее влекли всегдашние ее симпатии и убеждения. Много времени она отдавала и студенческим кружкам. Когда дело дошло до раскола, Перовская долго колебалась, прежде чем примкнуть к «Народной Воле». По словам Аптекмана, Аксельрода и других, она отрицательно относилась к бунтарству, говорила чернопередельцам, что присоединится к ним, если им удастся в широких размерах восстановить работу среди крестьянства. Этого не случилось, и Перовская вступила в партию «Народная Воля», будучи немедленно включена в состав Исполнительного Комитета. Раз решив для себя тяжелый во-

прос, с кем и куда итти, Перовская не знает колебаний и сомнений, и во всех террористических предприятиях Исполнительного Комитета принимает деятельное участие.

Во время расцвета «Народной Воли» в составе Исполнительного Комитета выделяются три женщины: С. Перовская, В. Фигнер и А. Корба; четвертая — М. Ошанина (Оловенникова) — живет в Москве и не принимает регулярного участия в его деятельности; она выдвигается уже после разгромов, когда сходят со сцены Михайлов, Желябов, Перовская и ряд других видных членов Комитета.

О Вере Фигнер нам уже приходилось говорить. Родилась она 6 июля 1852 г. в достаточной дворянской семье, довольно культурной. Родители отличались сильной волей и передали это свойство своим детям, особенно — Вере Фигнер. Воспитывали они детей в строгости, поддерживая строгую дисциплину, прибегая, в крайности, к телесным наказаниям. Как и большинство дворянских дочерей того времени, В. Фигнер 11 лет была отдана в институт. Здесь благодаря своим блестящим способностям она занимала первое место, но школьное учение ничего не дало для ее умственного развития. Только по окончании института, в деревне у родителей, она, по совету матери, стала читать лучшие передовые журналы того времени: «Отечественные Записки», «Современник», «Русское Слово». Кроме того, большое влияние оказали на нее частые встречи с двумя родственниками и их женами, являвшимися для своего времени и среды передовыми людьми. Они были последователями Писарева и настроены радикально. Они говорили ей о необходимости каждому, кто бы он ни был, жить своим трудом, высказывались за всеобщее народное образование, за равноправие женщин. Они были против роскоши и ненужных расходов на себя; от дяди юной Фигнер приходилось слышать такие вопросы, как, например, «сколько пудов ржи висит на ее ушах в виде серег» — выходило, что около 50 пудов.

Неудивительно, что такая обстановка и отсутствие определенного дела дома вызвали у молодой девушки желание найти себе какое-нибудь дело. Прочитанное

в журнале сообщение о первой русской женщине, получившей за границей докторский диплом, дало определенное направление ее мыслям: возникло желание стать врачом, чтобы лечить крестьян. Приняв это решение, В. Фигнер стала изучать немецкий язык и математику, чтобы потом поехать учиться за границу. Замужество не изменило ее планов, — весной 1872 г. вместе с мужем и сестрой Лидией она направилась в Цюрих, где поступила в университет.

Как и большинство русских девушек, попавших тогда в Швейцарию, В. Фигнер не могла остаться не восприимчивой к впечатлениям заграничной жизни и литературы. Не без внутренней борьбы и не сразу она из мирной прогрессистки-культурницы превратилась в социалистку, а затем и сделала следующий шаг — примкнула к кружку Бардиной и других, ставившему себе задачей социалистическую пропаганду в народе. Фигнер, однако, хотела сперва кончить курс, и когда члены кружка вернулись в Россию, она осталась за границей. Но чувство долга и сознание принятых на себя обязательств были всегда очень сильны в ней, и поэтому, после разгрома кружка, она отозвалась на призыв уцелевших товарищей и, не достигнув поставленной себе цели — не получив докторского диплома, — осенью 1876 года уехала в Россию. Здесь, в Москве, она некоторое время тщетно пробовала восстановить разрушенную организацию, а затем переехала в Петербург, где обслуживала товарищей, сидевших в тюрьме в ожидании суда. В это время она сдала экзамен на акушерку, чтобы иметь подходящую профессию в деревне, где думала поселиться для пропаганды. Фигнер сначала не примкнула к «Земле и Воле», а составила свою группу, члены которой и расселились в Самарской губернии весной 1877 г. Отправившись туда, Фигнер поступила земской фельдшерицей в большом селе Студенцы. Проработала она здесь три месяца, при чем работа была тяжелая, постоянные разъезды, время все было занято. «Эти три месяца, — говорит Фигнер, — были для меня тяжелым испытанием по тем ужасным впечатлениям, которые я вынесла из знакомства с материальной стороной народного быта; в душу же народа мне не уда-

лось заглянуть, — для пропаганды я рта не раскрывала».

Благодаря аресту по дороге из Петербурга в Самару одного товарища, у которого нашли письма и адреса к самарским пропагандистам, им пришлось поспешно сняться с места. Неудачно попробовав основаться в Тамбовской губернии, Фигнер направилась в Саратовскую, где уже работала группа «землевольцев» и некоторые члены ее кружка. С сестрой Евгенией она поселилась в с. Вязьмино, Петровского у., куда она была назначена фельдшерицей. Евгения Фигнер занялась обучением крестьянских детей.

В чем же выражалась деятельность наших пропагандисток, кроме лечения крестьян и обучения их ребят грамоте? Вот, что читаем мы об этом в воспоминаниях В. Фигнер: «Покончив занятия в аптеке и школе, мы брали работу, книгу и шли „на деревню" к кому-нибудь из крестьян. В том доме в тот вечер был праздник; хозяин бежал к шабрам (соседям) и родственникам оповестить их, чтобы и они пришли послушать. Начиналось чтение; в 10—11 часов хозева все еще просили почитать еще. То были: Некрасов, некоторые вещи Лермонтова, Щедрина, иногда статьи толстого журнала, рассказы Наумова, Левитова, Голицинского, некоторые вещи по истории... Каждый раз приходилось говорить об условиях крестьянской жизни, о земле, об отношениях к помещику, к властям, входить в крестьянские нужды, выслушивать их сетования, надежды. Иногда просили оставить книгу, чтобы еще раз прочесть понравившееся место или даже заучить его; приглашали прийти на сход, чтобы обличить кляузы писаря, его взяточничество, мошенничество старшины, чтобы защитить мир. Евгению все прочили в сельские писаря... Просили приходить на волостной суд, и вообще почаще заглядывать в волостное правление, чтобы не давать писарю возможности ругаться, гнать мужиков в шею. „Он вас стыдится", — говорили крестьяне...».

Защита крестьянских интересов сестрами вызвала против них раздражение и неудовольство всех власть имущих в деревне и богатеев; пошли сплетни, посыпались доносы; их стали выживать. Шло время. 2 апреля

1879 г. раздался выстрел в Александра II А. К. Соловьева, перед тем работавшего в деревне в соседнем Вольском уезде и, незадолго до отъезда в Петербург, заезжавшего к Фигнер, чтобы сообщить ей о своем намерении. Расследование, после покушения, деятельности Соловьева в Саратовской губернии и неминуемый арест всех, соприкасавшихся с ним, заставили В. и Е. Фигнер поторопиться с отъездом. И они хорошо сделали — промедли В. Фигнер, задержавшаяся несколько после отъезда сестры, хотя бы на один день, и ее арестовали бы: она уехала в воскресенье, а в понедельник в Вязьмино явилась полиция.

В. Фигнер вскоре после этого приняла участие в Воронежском съезде землевольцев, где разногласия между сторонниками сохранения центра тяжести деятельности в деревне и проповедниками политической борьбы и террора, несмотря на всю их остроту, были временно ликвидированы попыткой дать удовлетворение обеим сторонам. Из всех участников съезда один только Плеханов был достаточно дальновиден, чтобы понять всю невозможность примирения обеих точек зрения: в допущении политической борьбы и террора он видел измену социализму, отказ от работы в народных массах, и тут же на съезде заявил о своем выходе из организации.

Перешедшая только с этого времени на нелегальное положение В. Фигнер уехала со съезда в Петербург, где сторонники нового направления скоро перетянули ее на свою сторону; она была человеком действия, опыт пропаганды в народе убедил ее в почти полной бесплодности такой работы, а террористы смогли доказать ей, что у них все готово, чтобы немедленно приступить к делу и, в первую очередь, совершить одобренное и на съезде убийство царя; у них заготовлен динамит, разработан план ряда покушений, есть нужные для этого люди.

В это время В. Фигнер было уже 27 лет. Лев Тихомиров, в своих воспоминаниях довольно пристрастно характеризующий своих прежних товарищей и о большинстве из них находящий сказать что-нибудь злое и нехорошее, так отзывается о ней: «Блестящая агита-

торша, увлекавшая всех, с кем сталкивалась, она была плохой организаторшей, органически неспособной к осмотрительности, не умела различать людей и вечно рвалась к блестящим и трескучим делам; фантазия в ней чрезмерно преобладала над разумом, так что она была настолько же полезна, насколько опасна».

В этом отзыве правильно то, что Фигнер, действительно, производила сильное впечатление на людей и умела воздействовать на них, а также и то, что она легко ошибалась в людях, а благодаря значительной уверенности в себе — не скоро признавалась в своей ошибке. Что касается остального, то это надо отнести на счет указанного недоброжелательства Тихомирова. Нам известно, что Фигнер продержалась очень долго, несмотря на полный развал организации, что она в разное время с успехом вышла из ряда весьма затруднительных и опасных положений. Мы знаем также, что после разгрома Исполнительного Комитета, когда последние уцелевшие его члены — Тихомиров, его жена и Ошанина — скрылись за границу, Фигнер упорно оставалась на посту, проявила чрезвычайную энергию в попытках восстановить организацию, хотя товарищи из тюрьмы (напр., А. Корба) и из-за границы настойчиво уговаривали ее тоже уехать за рубеж. И до последней минуты она не складывала оружия, несмотря на окружавшую ее со всех сторон безнадежность.

Третья крупная женская фигура в составе Исполнительного Комитета, — это Анна Васильевна Якимова — та таинственная Кобозева, владелица сырной лавки на Садовой улице, о которой после 1 марта 1881 г. говорила вся Россия. В настоящее время ей 70 лет. Дочь сельского священника, Якимова родилась и годы детства провела в глуши Уржумского уезда, Вятской губернии, среди крестьян-черемисов, с нуждами и повседневной жизнью которых хорошо ознакомилась. С 11 лет ее отдали в епархиальное училище, где толчок ее умственному развитию дала Кувшинская-Чарушина. Кончив училище, Якимова поступила на педагогические курсы при женской гимназии, чтобы потом пойти в народные учительницы. За этот год, проведенный в Вятке, Якимова с несколькими своими товарками

участвовала в существовавших там кружках самообразования. С осени 1873 г. она была назначена учительницей в с. Камешницкое (Орловского у.), где и пробыла полтора года до своего ареста в мае 1875 г. Якимова быстро сошлась с крестьянами: «Почти не было времени в течение дня с утра до вечера, чтобы я могла остаться одна. С раннего утра ребята уже собирались в школу... Зимою, когда не было усиленных сельскохозяйственных работ, ученики были довольно великовозрастные, лет до 16 и больше. После уроков толпились у меня: то просто беседовали, рассматривали картинки в книгах, а то я читала вслух. В то же время заходили и взрослые: прочитать или написать письмо или просто потолковать о том, о сем, а молодежь — за книжками. ... В беседах крестьяне были вполне откровенны, в критике существующего не стеснялись». Но и только — никакой готовности к борьбе они не проявляли, и Якимова, приписывая это своей неумелости, как пропагандистки, собиралась поехать в Петербург поучиться. Однако, поехать ей самой не пришлось — повезли ее туда жандармы. Один из ее учеников, живший в Вятке, передал своему знакомому для переписки сборник революционных стихотворений, полученный от Якимовой, а тот снес его в жандармское управление. За этот сборник Якимова провела в тюрьмах — в Вятке, потом в Петербурге, — почти 3 года. По процессу 193-ех она была оправдана. Побыв на родине у родителей, Якимова с двумя приятельницами отправилась, под видом богомолок, бродить по Тверской, Ярославской, Костромской и Нижегородской губерниям — не для пропаганды, а для ознакомления с крестьянами промышленного района не по книжкам, а по собственным впечатлениям. Добралась до Нижнего. Спутницы Якимовой, более ее слабые, разъехались по домам, а она решила поступить на Сормовский завод, чтобы поближе познакомиться с заводскими рабочими.

Проработав некоторое время чернорабочей на заводе, Якимова решила взять расчет, а затем связаться с товарищами, чтобы приступить к революционной деятельности. Предварительно, однако, она поехала на родину проститься навсегда с родителями, зная, что

больше видеться с ними не придется. А на родине ее ждала уже бумажка — о назначении над ней полицейского надзора и о невыезде с места родины. Благодаря этому ей пришлось пробыть у родителей несколько месяцев, пока, наконец, в феврале 1879 г. ей не удалось скрыться, запасшись фальшивым паспортом.

Добравшись до Петербурга, Якимова примкнула к террористам и уже в мае вошла в группу «Свобода или Смерть», по поручению которой занялась изготовлением динамита, ежеминутно рискуя взлететь на воздух. Она явилась ценным приобретением для народовольцев: «Изумительная по своей смелости, находчивая в опасности и беззаветно преданная своему делу», — говорит о ней В. Н. Фигнер, а другой видный революционер, знавший многих выдающихся деятелей, указывает, что она «отличалась стойкостью убеждений, непреклонной решимостью и безграничной готовностью к самопожертвованию».

Совсем из иной среды, чем Якимова, вышла Анна Павловна К о р б а (Прибылева). Отец ее был видный инженер-путеец, выделявшийся среди чиновников того времени своим добросовестным отношением к делу и честностью — из-за этого ему и приходилось постоянно переходить с одного места на другое. Мать ее, получившая институтское образование, отличалась самостоятельным характером и твердой волей — чертами, перешедшими и к ее дочери. Родилась А. П. Корба в 1849 году. Как и у многих ее сверстниц, сознательное отношение к жизни и интерес к общественным вопросам появились у нее под влиянием брата — студента: когда ей было 14 лет, он привез с собою домой много книг и журналов. Особенно сильное впечатление на подростка произвели Некрасов и Добролюбов. Пробужденная любознательность требовала все новой пищи, и за несколько лет А. Корба основательно ознакомилась с русской и иностранной литературой. Совсем молодой девушкой — 19 лет — А. П. вышла замуж и переехала с мужем, тогда много зарабатывавшим, в Петербург. Здесь через свою родственницу С. А. Лешерн она свела знакомство с кружком Корниловых и Перовской, стала посещать лекции, а потом и жен-

ские курсы, устраивала у себя на квартире лекции по математике проф. Страннолюбского, вообще была всецело поглощена самообразованием. Когда случайно она познакомилась с революционерами и Н. Чайковский развил перед ней и перед кружком ее близких друзей программу революционной деятельности, очень умеренную, Корба осталась глуха к его проповеди: вместе с Лешерн и Перовской она была еще очень далека от революционных стремлений. Но прошло совсем немного времени, и настроение их резко переменилось. Для Корбы решающее значение имело чтение появившихся в то время «Исторических писем» Лаврова, «Положения рабочего класса в России» Флеровского и сочинений Лассаля. «Чтение этих книг произвело на меня потрясающее впечатление, — сообщает она в своей автобиографии, — и заставило проявиться всем социалистическим стремлениям, дремавшим во мне. С тех пор я стала убежденной социалисткой».

Дела мужа заставили ее переехать сперва в Москву, затем в Минск. В Минске Корба занялась легальной культурной деятельностью, но не находила в этом удовлетворения. Когда на Балканах вспыхнуло восстание славян против турок, Корба вместе с очень многими представителями передовой интеллигенции того времени была увлечена этой борьбой за свободу. Ее охватило желание чем-нибудь помочь этой борьбе. Она принялась за собирание пожертвований деньгами и одеждой в пользу повстанцев. Когда вспыхнула русско-турецкая война, Корба вступила в Красный Крест, поступила на курсы сестер милосердия и скоро отправилась на театр военных действий. Проработав здесь и насмотревшись на злоупотребления, царившие в армии и в врачебном ведомстве, она весной 1878 г. вернулась в Петербург, где заболела тифом, схваченным еще на фронте.

В пути и во время болезни А. Корба предавалась размышлениям о своей дальнейшей деятельности и жизни. События этого времени — процессы 50-ти и 193-ех, выстрел Засулич, а потом убийство Мезенцева — толкнули ее на революционный путь. Оправившись от болезни, она принимает окончательное решение и де-

лает первый шаг — рвет семейные путы, навсегда расходится с мужем. Уже весной 1879 г. она сближается с Морозовым, Квятковским, С. Ивановой, Гельфман, в августе становится агентом Исполнительного Комитета «Народной Воли», а в январе 1880 г. избирается его членом.

Мария Николаевна Оловенникова, больше известная под фамилией Ошаниной, в первый период деятельности Исполнительного Комитета почти не принимала непосредственного участия в ней, ибо была командирована Комитетом вместе с Теллаловым в Москву для организации там местной группы и руководства ее работой. Только после 1 марта 1881 г., когда центр благодаря арестам большинства членов Комитета переносится в Москву, она начинает играть руководящую роль в делах партии, а потом, вынужденная в виду общего положения и своего болезненного состояния уехать за границу, продолжает и там играть эту роль, являясь вместе с Л. Тихомировым официальной представительницей и выразительницей «Народной Воли».

К народовольчеству Ошанина пришла иными путями, чем большинство ее товарищей. На ее развитие оказал большое влияние старый революционер начала 60-х годов Зайчневский, явившийся сторонником так называемого «якобинизма», т.-е. заговорщического типа организации в целях захвата власти силами революционеров. Таким образом, в то время как большинство русских революционеров были анархистами-антигосударственниками, отвергавшими борьбу за политическую власть, «якобинцы» государственной власти придавали громадное значение и ставили себе задачей свершение переворота путем захвата власти. Вместе с тем они являлись сторонниками строго централизованной организации, руководящий орган которой должен обладать диктаторскими полномочиями, готовы были в целях достижения практических успехов действовать в духе принципа: «цель оправдывает средства». М. Н. Ошанина, воспринявшая свое революционное мировоззрение от Зайчневского, прочно утвердилась в этих взглядах и потом уже от них не отступала. Поэтому

во время возникновения организации «Земля и Воля» она сразу не примкнула к ней, хотя и была близка со многими ее членами, которые очень ценили ее за большой ум и сильный характер. Понятно, что Ошанина была одной из первых, примкнувших к террористическому направлению, и сразу вступила в «Народную Волю». Михайлов, Квятковский и другие считали ее ценным приобретением для партии. Отличаясь большой выдержкой, быстро схватывая и легко соображая, обладая умением подходить к людям и подмечать их слабые места, пользуясь которыми, можно было бы влиять на них, Ошанина не свободна была от известной узости: раз восприняв определенные взгляды, она уже не допускала никаких сомнений, не слушала никаких возражений и доводов. Не без ее влияния народовольцами была усвоена идея захвата власти и организации заговора.

В период агонии и разложения «Народной Воли», когда в ее центр проник предатель, ставший агентом правительства, С. Дегаев, взгляды Ошаниной не раз толкали ее на скользкий путь. Она не стеснялась прибегать к обману своих же товарищей, чтобы заглушить их сомнения, прибегала и к другим сомнительным приемам в духе Нечаева. Достаточно хотя бы указать на тот факт, что когда известный революционер Герман Лопатин принял предложение Тихомирова и Ошаниной поехать, несмотря на чрезвычайный риск, в Россию для восстановления совершенно разбитого после ареста В. Фигнер Исполнительного Комитета, они оба скрыли от него, что ему придется иметь дело с тем самым Дегаевым, который незадолго перед тем приезжал за границу и рассказал им о своем предательстве. Лопатин только в Петербурге узнал об этом от самого Дегаева. И на вопрос вернувшегося за границу Лопатина, почему от него скрыли это, Ошанина ответила, что опасалась оттолкнуть его от партии: если бы он узнал о том политическом разврате, какой проник в самые верхи партии, он не захотел бы иметь с ней дело ...

Тихомиров считал Ошанину по уму стоящей выше Перовской, а В. Фигнер отзывается о ней, как о «женщине тонкого ума, ловкой, настойчивой и энергичной,

что обеспечивало ей влияние — она имела вес как среди своих, так и среди чужих».

* * *

Новая организация должна была прежде всего заняться своим оформлением и созданием аппарата, необходимого для ее деятельности. Это и было сделано в последние недели лета и в начале осени 1879 г. На квартире, специально снятой для собраний Исполнительного Комитета и хозяевами которой были Фигнер и Квятковский (Лештуков переулок), были приняты программа и устав партии. Была распределена работа между членами. Еще раньше, 7 сентября, на даче С. Ивановой и Квятковского в Лесном было принято постановление об убийстве Александра II, и теперь Исполнительный Комитет решил воспользоваться поездкой на юг царя, чтобы в разных местах на его пути произвести на него нападение — взорвать царский поезд. Намечены были три пункта: под Одессой, под Александровском, Екатеринославской губ., и в Москве.

В Одессу были направлены М. Фроленко, Т. Лебедева, скоро ставшая его женой, Кибальчич, Колодкевич, а затем и В. Фигнер, которую хотели оставить в Петербурге для работы среди интеллигенции, но которая запротестовала против этого, настаивая на своем праве делить опасности с товарищами. Ей уступили, поручили отвезти в Одессу динамит, который ей и пришлось хранить у себя на квартире. Кроме того, она вообще оказалась нужной при организации задуманного предприятия. Имелось в виду провести подкоп и заложить мину под полотно железной дороги; для этого одному из участников надо было поступить железнодорожным путевым сторожем — это и устроила Фигнер. Нарядившись и изобразив из себя даму-благотворительницу, она явилась к одному из железнодорожных тузов и попросила его устроить на работу своего бывшего дворника, пользующегося ее покровительством. Красивым, разодетым барынькам не бывает отказа со стороны начальствующих, и Фигнер легко добилась своего: сторожем на 11-ую версту под Одессой был назначен Фроленко, уже не первый раз выступающий в щекотливой

и опасной роли: не так давно перед этим он поступил на службу надзирателем в Киевскую тюрьму, своим усердием быстро заслужил доверие начальства, а потом в одну прекрасную ночь вывел из тюрьмы Стефановича, Дейча и Богдановского и скрылся вместе с ними.

Поселившись с своей женой — ею явилась для этого случая Т. Лебедева — в отведенной ему железнодорожной будке, Фроленко с товарищами приступил к подкопу. На квартире Фигнер и Кибальчича приготовлялись запалы, сушился пироксилин, здесь же встречались участники покушения. Динамит уже был отвезен на 11-ую версту, когда из Москвы приехал Гольденберг с требованием дать для московского подкопа часть его, ибо там динамита не хватило; получив динамит, он уехал, но в пути благодаря неосторожности был арестован, а скоро и выдал всё, что знал, дав таким образом правительству указания на главных деятелей «Народной Воли» (не выдержав угрызений совести, он потом повесился в Петропавловской крепости). Вскоре после его отъезда получилось известие, что царь через Одессу не проедет, и потому участники готовившегося покушения разъехались. В Одессе осталась только Фигнер, которая должна была создать местную группу «Народной Воли», и занялась пропагандой среди интеллигенции.

Второе покушение — у Александровска — тоже оказалось неудачным. Главными его действующими лицами были Желябов и Якимова; помогали им рабочие Тихонов, Тетерка и Окладский (приговоренный к смертной казни, он сделался злостным предателем, был освобожден и до самой революции 1917 г. состоял на службе департамента полиции. Сведения, сообщенные им жандармам, дали возможность нанести народовольцам такие удары, от которых они уже не могли оправиться). Желябов явился с Якимовой в Александровск под видом купца, желающего устроить здесь кожевенный завод. Он арендовал у города на окраине участок земли для предполагаемого завода. Ведя всякие деловые переговоры, Желябов одновременно с этим работал с товарищами над закладкой мины под полотном в 4-х верстах от города. Все было готово, Пресня-

ков был отправлен в Севастополь, чтобы там точно установить день отъезда царя и своевременно дать знать об этом. Получив нужные сведения, Пресняков вернулся; к моменту прохода царского поезда ток был сомкнут, но взрыва не последовало, механизм оказался плохо налаженным.

Удачнее кончилось дело в Москве. Здесь Гартман с Перовской поселились в специально купленном на окраине доме. Очистив дом от жильцов под предлогом ремонта, новые хозяева принялись за подкоп. В этой работе участвовали, кроме них, Михайлов, Исаев, Морозов, Ширяев, Баранников, Гольденберг и Арончик. Когда подкоп был готов и мина под железнодорожным полотном заложена, все разъехались, кроме Перовской и Ст. Ширяева; первая должна была следить за появлением царского поезда, а второй, по данному ею сигналу, замкнуть ток. 1 декабря шедший поезд был взорван — но то оказался поезд, везший царскую свиту и прислугу, царь проехал раньше. Перовская и Гартман благополучно скрылись, а самый взрыв произвел сильнейшее впечатление как на Александра II, так и на всю страну. Стало ясно, что революционеры решили во что бы то ни стало достичь своей цели и что они ни перед чем не остановятся.

Вскоре организации был нанесен тяжелый удар: благодаря случайной неосторожности была арестована Евгения Фигнер, заменившая свою сестру, уехавшую в Одессу, в качестве хозяйки квартиры Исполнительного Комитета. Вместе с нею был арестован и Квятковский. Благодаря аресту последнего чуть не были раскрыты приготовления к взрыву Зимнего дворца: у него был найден план дворца с отметкой на нем крестиком столовой. Это заставило засуетиться полицию, все служащие в дворце, и в том числе работавший там столяром Халтурин, были подвергнуты тщательному надзору. Всё же Халтурин дело свое довел до конца — 17 февраля 1880 г. произошел взрыв, но царь уцелел; было убито и переранено несколько десятков солдат из караула. Взрыв в дворце произвел, конечно, еще большее впечатление, чем покушение под Москвой, и заставил говорить о всемогуществе Исполнительного

Комитета. Динамит для взрыва был изготовлен на квартире, хозяевами которой являлись Якимова и Исаев. Сюда, на Большую Подьяческую улицу, А. П. Корба носила четвертные бутыли с серной и азотной кислотами, необходимыми при изготовлении динамита. Здесь же скрывался некоторое время после взрыва и сам Степан Халтурин.

Неудача с взрывом в Зимнем дворце не обескуражила народовольцев, они сейчас же взялись за новое предприятие. Уже в конце марта в Одессу съехались С. Перовская, Саблин, Якимова и Исаев. Первые двое открыли на Итальянской ул. бакалейную лавку, из которой был начат подкоп; вторые двое были хозяевами квартиры на Троицкой улице, где хранился ими же приготовленный и привезенный из Петербурга динамит, а также другие взрывчатые вещества и приспособления для мины. Как-то во время работы у Исаева в руках взорвалась металлическая трубка для запала. Только благодаря присутствию духа и находчивости Якимовой дело обошлось лишь увечьем Исаева. Вот как она описывает это происшествие: «Услышав из соседней комнаты взрыв, вбегаю и вижу Исаева бледного-пребледного, сидящего на диване с приподнятой над столом рукой, оканчивающейся большой кровавой кистью. Первые слова Исаева при моем появлении были: „Уходи скорее с квартиры! Я погиб“. Сейчас же перевела Исаева в другую комнату, в темную. Руку слегка забинтовала и опустила в таз с холодной водой. Кровь в комнате замыла, куски оторванных пальцев со стен и потолка подобрала и открыла окна на двор, чтобы видели, если кто слышал взрыв, что у нас снаружи все обстоит благополучно и спокойно»... Только приняв эти меры предосторожности, Якимова пошла к товарищам, чтобы добыть своего врача.

Работа продолжалась. Кроме названных четырех членов Исполнительного Комитета, в ней принимали также участие С. Златопольский и Меркулов, впоследствии ставший злостным предателем. Много значило и содействие В. Фигнер; именно она добыла деньги на все предприятие. Дело, однако, пришлось бросить неоконченным — получились сведения, что царь будет

в Одессе гораздо раньше, чем удастся закончить все приготовления. Дело было ликвидировано.

Деятельность народовольцев, конечно, не ограничивалась устройством покушений. Правда, они требовали чрезвычайного напряжения сил, поглощали внимание и время наиболее ценных и испытанных работников, и это чувствительно отражалось на других областях работы. Так, например, пропаганда среди рабочих хотя и велась, но не в столь широких размерах, как во время «Земли и Воли». А между тем народовольцы придавали ей большое значение; в Петербурге ею занимался целый ряд членов партии под руководством Желябова и Перовской; в Москве это дело организовал член Исполнительного Комитета Теллалов. В 1880 г. народовольцами была издана «Программа рабочих партии „Народная Воля“», в которой говорилось о борьбе за политическую свободу и за социализм. Затем, как уже упоминалось, с конца этого же года в типографии, устроенной Гесей Гельфман и рабочим Тетеркой специально для этой цели, был выпущен № 1 «Рабочей Газеты», за которым скоро последовало приложение к нему — рассказ из рабочего быта, а скоро, в конце января 1881 г.,— номер второй.

Кроме того, партия выпускала свой орган «Народная Воля» и «Листок Народной Воли». Когда в начале 1880 г. на Саперном переулке была захвачена полицией первая типография Исполнительного Комитета, было приступлено к устройству новой. На конспиративной квартире по Подольской улице, д. № 11, хозяевами которой были П. С. Ивановская и Н. Кибальчич и где жила также Л. А. Терентьева, и которая служила для встреч членов организации, была устроена небольшая типография, регулярно выпускавшая «Листок Н. В.» и прокламации. К октябрю 1880 г. квартира была ликвидирована, а ее хозяйка П. Ивановская переехала в д. № 41 по той же Подольской ул., где была устроена хорошо оборудованная типография для более крупных работ; здесь с нею жили и работали Л. Терентьева и Грачевский. Типография эта просуществовала до 2 мая 1881 г., выпустив два номера «Народной Воли», несколько прокламаций и листков. После убий-

ства Александра II 1 (13) марта 1881 г. здесь было напечатано в 10 000 экз. «Письмо Исполнительного Комитета Александру III». 1 мая на улице была случайно арестована Терентьева, и это заставило немедленно бросить квартиру со всем, что в ней находилось. Когда полиция обнаружила ее, там никого уже не было.

Из деятельности Исполнительного Комитета в том же 1880 г. следует упомянуть о попытке добыть крупные средства для пополнения его кассы путем захвата денег в Кишиневском казначействе. Такая попытка была уже сделана в 1879 году Юрковским и Ел. Россиковой. Удачно проведя подкоп из соседнего дома в казначейство в г. Херсоне, они захватили полтора миллиона рублей (почти вся эта сумма была обнаружена у арестованной через несколько дней Россиковой). Летом 1880 г. Исполнительный Комитет решил прибегнуть к такому же средству; это дело было поручено Фроленко и Т. Лебедевой, которые с этой целью направились в Кишинев. Подкоп был уже начат, когда усиленное внимание полиции к Фроленко и Лебедевой, поселившимся по соседству с казначейством, заставило их поспешно уехать, засыпав подкоп.

На вернувшуюся из Одессы В. Н. Фигнер были возложены, кроме пропаганды среди интеллигенции и студенчества, сношения с офицерами, связи с которыми были налажены еще раньше Желябовым, Перовской и Колодкевичем. Ей удалось положить начало многочисленной военной организации, во главе которой стали смелые и убежденные революционеры-офицеры Суханов, Рогачев и Штромберг. С артиллеристами свел Фигнер бывший артиллерийский офицер С. Дегаев; с тех пор он постепенно вошел в доверие руководителей партии, которым потом воспользовался для того, чтобы выдать всё, что только знал.

Организацией паспортного дела для снабжения членов организации документами ведала в то время А. П. Корба. Дело это было сложное, хлопотливое и ответственное: все члены Исполнительного Комитета были нелегальные, большинство его ближайших сотрудников — тоже; чтобы уцелеть от арестов, заметать свои следы, им постоянно приходилось менять квартиры,

каждый раз меняя вместе с тем паспорта и фамилии. Для примера укажем, что Якимова с лета 1879 г. до весны 1881 г. переменила семь квартир, каждый раз прописываясь под другой фамилией. А. П. Корба входила также в редакцию газеты «Народная Воля», являясь как бы секретарем ее; она собирала материал, составляла хронику...

1880 год подходил к концу. За короткий срок деятельность партии, хотя и не достигшая поставленной ею ближайшей цели—убийства Александра II,—привлекла к ней горячее сочувствие широких кругов интеллигенции. Но вместе с тем партия понесла за это время серьезные потери; самой серьезной был арест в октябре Ал. Михайлова, одного из главных деятелей Исполнительного Комитета. Это, однако, не остановило приготовлений Исполнительного Комитета к новому покушению, на этот раз посредством не только подкопа, но и нового орудия — метательных снарядов, изобретенных Кибальчичем и Исаевым. Уже в ноябре Перовская организует группу для наблюдения за выездом царя, чтобы точно установить, по каким улицам и в какое время он ездит. В эту группу входят А. Тырков, Е. Оловенникова, Сидоренко (оба последние живы и поныне), Гриневицкий, Тычинин, Рысаков. Члены группы собирались у Оловенниковой или Тычинина, и здесь Перовская (или заменявший ее Тихомиров) выслушивали данные их наблюдений и давали им расписание на несколько дней их дежурств в тех или иных пунктах города. За два-три месяца таких наблюдений удалось получить ясную и точную картину обычных передвижений Александра II. Одновременно с этим и совершенно независимо подготовлялось другое предприятие: 14 декабря Ю. Богданович, по поручению Исполнительного Комитета, снял на углу М. Садовой и Невского подвальное помещение для торговли сыром, и 19 января переселился сюда вместе с А. Якимовой, в качестве жены, под фамилией Кобозева. Сейчас же начались работы по подкопу, в которых участвовали почти все члены Исполнительного Комитета мужчины и специально привлеченные к этому делу члены партии. Работали только по ночам. Еще до того, на квартире

Якимовой и Кибальчича по Обводному каналу (угол Измайловского проспекта) шло усиленное изготовление динамита для подкопа и снарядов.

1881 год начался рядом тяжелых потерь: 26 января были арестованы члены Комитета Колодкевич и Баранников, а на квартире последнего задержан пришедший к нему Клеточников, специально поступивший в тайную полицию (III отделение, с 1880 г. департамент полиции), чтобы осведомлять Исполнительный Комитет о всех намерениях жандармов, узнавать о предстоящих обысках и арестах, о донесениях шпионов и агентов полиции и пр. Благодаря удивительной выдержке и работоспособности он скоро приобрел доверие своего начальства и мог оказывать революционерам неоценимые услуги. Его очень оберегали, сношения с ним поддерживались Н. Оловенниковой, которую с этой целью устранили от всякого иного дела. Его арест в самый важный момент был тяжелым ударом. А 27 февраля были арестованы Желябов и Тригони, оба работавшие в подкопе. Собирались тучи: в день ареста Желябова полиция с техническим надзором произвела осмотр лавки на М. Садовой — только благодаря случайности и присутствию духа и находчивости Богдановича подкоп не был обнаружен. Все было поставлено на карту. Надо было действовать.

На другой день, 28 февраля, было созвано экстренное собрание Исполнительного Комитета. На квартире В. Н. Фигнер и Исаева (у Вознесенского моста) собралось большинство наличных членов Комитета: Перовская, Корба, Суханов, Грачевский, Фроленко, Т. Лебедева, Тихомиров, Ланганс. Перовская, к которой с арестом Желябова перешло руководство покушением, предложила произвести его обязательно на следующий день, в воскресенье 1 марта (13 марта по новому стилю), при чем, если царь не поедет по Садовой, действовать одними разрывными снарядами. Это предложение было принято; решили немедленно зарядить мину в подкопе и зарядить снаряды. Все должно быть готово к завтрашнему утру. Времени оставалось очень немного — было 3 ч. дня. Исаев, не теряя минуты, отправился в магазин заряжать мину. Перовская

с помощью Суханова и других военных очистила квартиру, в которой жила с Желябовым (надо было ожидать, что полиция не сегодня-завтра обнаружит ее), и перешла на квартиру Фигнер. Оставалось приготовить бомбы, чтобы с утра раздать их метальщикам, с которыми еще раньше было условлено о встрече в воскресенье.

С пяти часов на квартире у Вознесенского моста началась лихорадочная работа: Суханов, Кибальчич и Грачевский работали над снарядами, им помогала Фигнер. Перовская рано легла, чтобы отдохнуть и набраться сил на завтра, когда ей предстояло выполнить ответственную задачу: руководить метальщиками и дать сигнал для бросания снарядов. В два часа ночи Фигнер легла спать, а мужчины продолжали работать всю ночь; когда она с Перовской встали в 7 ч. утра, два снаряда были уже готовы — Перовская унесла их на квартиру Гельфман и Саблина; к 8 часам были готовы другие два снаряда, и их доставил на ту же квартиру Кибальчич. Там, к 10 часам, собрались намеченные для бросания бомб Гриневицкий, Рысаков, Емельянов и Тим. Михайлов, которым Перовская дала точные указания и назначила места, где они должны находиться.

Известно, как происходили события 1 (13) марта. Когда стало известно, что царь проехал в манеж не по Садовой улице, приходилось оставить надежду на подкоп, ибо обычно обратно он ехал другим путем. Тут Перовская проявила свою находчивость и самообладание. Обозрев в уме те сведения, какие она получила от наблюдателей царских выездов, она быстро пришла к заключению, что он поедет через Екатерининский канал, при чем на этом пути его карета обыкновенно замедляла ход при повороте с Итальянской улицы на канал. Она поспешила обойти всех метальщиков, которые расхаживали в назначенном им районе — М. Садовая — Невский, и передвинула их в сторону Екатерининского канала, условившись, что даст сигнал носовым платком. Когда Перовская убедилась, что Александр II едет в сторону Екатерининского канала, она дала сигнал, а сама пошла по другую сторону набережной канала. Через несколько минут прогремели два взрыва; вторым снаря-

дом были убиты царь и бросивший его Гриневицкий. Между тем из магазина сыров на М. Садовой ушел М. Фроленко, который должен был взорвать мину с риском почти наверно быть убитым взрывом, а через день бросили магазин и его хозяева, когда выяснилось, что арестованный Рысаков смалодушествовал и выдает, и что подкоп может быть обнаружен. В тот же день Якимова и Богданович уехали из Петербурга.

В дни, последовавшие за 13 марта, Исполнительный Комитет лишился ряда своих ценных членов и сотрудников. Уже через день была открыта квартира Гельфман и Саблина, при чем последний застрелился; тут же был задержан пришедший Т. Михайлов. Через несколько дней на улице была схвачена Перовская, а вслед за ней Кибальчич, Фроленко и А. Арончик. За этим последовали многочисленные аресты второстепенных членов народовольческий организации. Жандармам помогали в этом предательские указания Рысакова и Окладского.

* * *

Давно и с столькими жертвами подготовлявшийся удар был, наконец, нанесен. Что же дальше? Как рассказывает В. Н. Фигнер в своих воспоминаниях, в середине февраля, в ожидании успешного выполнения подготовлявшегося покушения, Исполнительный Комитет созвал совещание с членами из провинциальных городов, где были народовольческие группы, чтобы обсудить вопрос о том, что делать в случае удачи. Предполагалось воспользоваться замешательством и колебаниями в правительстве, которые неизбежно должно было вызвать убийство революционерами царя и сильным возбуждением в широких кругах населения, какого ожидали в результате его, чтобы поднять восстание силами организаций партии. Однако, ознакомление с общим положением самой организации и с настроением в стране заставило совещание прийти к выводу о совершенной неосуществимости такого восстания. Мстили за себя и политическая отсталость России и пренебрежение со стороны народовольцев работой в массах. Исполнительный Комитет увидел себя висящим в воздухе, без опоры в массах, хотя и со всех сторон ему

выражали свое сочувствие либеральные и радикальные круги интеллигенции. Совещание определило дальнейшую тактику Исполнительного Комитета: через несколько дней после 1 (13) марта он выпустил в большом количестве «Письмо к Александру III» (кроме того, были изданы воззвания к обществу, к рабочим, к крестьянам), в котором предлагал ему—в целях предотвращения неизбежной в противном случае революции — «добровольно обратиться к народу; тогда Исполнительный Комитет сам прекратит свою деятельность». Обращаясь к новому царю, как «гражданину и честному человеку», народовольцы указывали ему, что обращение к народу должно выразиться в: 1) общей политической амнистии и 2) созыве народных представителей «для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни», при чем выборы должны быть всеобщие и равные и производиться при условии обеспечения полной свободы собраний, слова и печати. Но правительство было уже осведомлено о слабости народовольцев и совсем не думало вступать на путь уступок, а «гражданин и честный человек» Александр III внимательно следил за всеми мерами, какие предпринимались жандармами для изловления революционеров, и первые же дни своего царствования ознаменовал тем, что отправил на виселицу женщину — С. Перовскую, а другую женщину — Гельфман — обрек на медленную смерть в каземате, отняв у нее ребенка.

Да, С. Перовская погибла на эшафоте вместе с четырьмя другими участниками цареубийства. Последние ее дни на свободе были чрезвычайно тяжелы и могли бы сломить даже очень сильного человека. Арест любимого ею человека — Желябова не помешал ей, несмотря на тяжелые переживания, спокойно и решительно выполнить роль в день 13 марта. После этого, исполнив возложенную на нее задачу, она все помыслы сосредоточила на плане освобождения Желябова: думала устроить ему побег из тюрьмы или отбить от конвоя во время препровождения на казнь. Обычно столь рассудительная, она совсем утратила равновесие и не учитывала обстановки и полной неосуществимости своих замыслов. А когда суровая правда раскрылась

перед ее глазами, она как будто успокоилась: в ней, повидимому, созрело решение умереть вместе с Желябовым; она решительно отвергла все настояния товарищей уехать из Петербурга, поберечь себя, быть более осторожной. Арестованная на улице, Перовская немедленно была присоединена к обвиняемым по делу 13 марта. На допросе Перовская, признав свое участие в подготовке убийства царя, так объяснила переход социалистов к террористической борьбе.

«Стремясь к поднятию экономического благосостояния народа и уровня его нравственного и умственного развития, мы видели первый шаг к этому в пробуждении в среде народа общественной жизни и сознания своих гражданских прав, ради этого мы стали селиться в народе для пропаганды, для пробуждения его умственного сознания. На это правительство ответило репрессиями и рядом мер, делавших почти невозможной деятельность в народе. Таким образом, правительство само заставило партию обратить преимущественное внимание на наши политические формы, как на главное препятствие для народного развития. Партия, придерживаясь социалистического учения, долго колебалась перейти к политической борьбе, и первые шаги по этому пути встречали сильное порицание со стороны большинства партии, как отступление от социализма. Но ряд виселиц и других мер, показывавший необходимость сильного отпора правительству, заставил партию перейти решительно на путь борьбы с правительством, при которой террористические факты являлись одним из важных средств».

Перовская умерла спокойно и мужественно, как жила. Это была первая женщина в России, подвергнутая смертной казни. Николай II без колебаний пошел по следам своего отца — в его царствование женщины одна за другой всходили на эшафот.

Кравчинский-Степняк оставил портрет Перовской, прекрасно дополняющий впечатление, получаемое нами от ее фотографии: «Белокурая головка с парой голубых глаз, серьезных и проницательных, под широким, выпуклым лбом; мелкие, тонкие черты лица, розовые полные губы, обнаруживающие, когда она улыбалась,

два ряда прекрасных белых зубов; необыкновенно нежная и чистая линия подбородка... Было что-то резвое, бойкое и вместе с тем наивное в ее кругленьком личике. Это была олицетворенная юность. При всей удивительной моложавости, Соня в двадцать шесть лет выглядела восемнадцатилетней девушкой. Маленькая фигурка, стройная и грациозная, и свежий, звонкий, как колокольчик, голос увеличивали эту иллюзию, становившуюся почти непреодолимой, когда она начинала смеяться, что случалось очень часто. Она была очень смешлива и смеялась с таким увлечением, с такой беззаветной и неудержимой веселостью, что в эти минуты ее можно было принять за пятнадцатилетнюю девочку-хохотушку... Она не была дилетантом или артистом революции, а именно ее работником, дельцом. Вскормленная и вспоенная на „деле", она прониклась им вся, вполне, и потому всему прочему почти не отдавала ни мыслей, ни времени. Редкая минута пропадала у нее даром. Если она приходила к кому-нибудь, то не иначе, как по какому-нибудь делу или в виду будущего дела. Посидев, сколько нужно, она уходила, не тратя никогда часов и вечеров для одного только удовольствия быть в обществе приятных людей. Впрочем, деловитость никогда не переходила у Перовской в деревянность, в казенную сухость в ее отношениях к людям. Напротив, она очень любила и людей, и общество, но только „дело" она любила еще больше. Приятельская болтовня, после некоторой, весьма умеренной дозы, становилась ей скучной... и она уходила и мчалась куда-нибудь на другой конец города своей быстрой ровной походкой неутомимого скорохода, засунув руки в рукава пальто или маленькую муфточку, наклонив немного вперед свою гладко причесанную русую головку и не подымая глаз с земли, серьезная, сосредоточенная и слегка насупленная, точно и дорогою она продолжала думать о „делах", чтобы не тратить понапрасну времени...».

* * *

После 1 (13) марта 1881 г. началась, собственно, агония партии «Народная Воля». Агония эта, правда, затя-

нулась на несколько лет, но с каждым днем силы партии слабели, их подтачивали преследования извне, предательство внутри. А главное — исчезла обманчивая надежда, что убийство царя будет означать серьезный поворот в жизни страны. Ведь это определяло направление деятельности партии, все остальное являлось лишь придатком — пропаганда среди рабочих, среди интеллигенции и учащихся. Теперь из цепи выпало основное звено. Главное внимание уцелевших руководителей обратилось поэтому на чисто организационные задачи — восстановление расстроенных рядов, пополнение Исполнительного Комитета. С другой стороны, еще более, чем прежде, стала выдвигаться на первое место идея заговора, переворота и захвата власти силами примыкающего к партии офицерства. В эту сторону направились старания и усилия...,

13 апреля был на улице схвачен Исаев, а 15 мая — тоже на улице — арестована Л. Терентьева, работавшая и жившая в типографии на Подольской улице вместе с П. Ивановской и М. Грачевским; 3 мая в Киеве на квартире Ф. Морейнис была арестована А. Якимова (Морейнис была членом партии и незадолго до этого жила в Петербурге на квартире Якимовой и Кибальчича, где приготовлялся динамит). Арест Исаева, жившего вместе с В. Фигнер, заставил последнюю немедленно ликвидировать квартиру у Вознесенского моста и, уступая настояниям товарищей по Комитету, уехать из Петербурга в Одессу.

Уцелевшие члены Исполнительного Комитета перебрались в Москву, представителем его в Петербурге был оставлен Златопольский. В Москве же, еще в конце января, была устроена типография. Здесь в доме Шильбаха по Серебреническому переулку (Яузский бульвар) хозяйкой была Г. Чернявская (Бохановская), жившая со своей маленькой дочкой; мужем ее числился Суровцев, кухаркой была молодая девушка Маруся, кроме того работал наборщик Фомин. После петербургских арестов приехала П. Ивановская, жившая отдельно, но тоже работавшая в типографии.

Но жандармы скоро перенесли слежку в Москву, и уже в марте 1882 г. последовали новые аресты — были

взяты Богданович, Стефанович, Буданов с женой и др. Едва спаслась Ошанина; захвачена квартира Калюжного и Смирницкой, в которой хранились печати, паспорта и пр. Типографию успели ликвидировать, решено было перенести ее в Ригу; это дело было поручено Чикоидзе и Ивановской, но они оба вскоре тоже были арестованы.

Между тем в Петербурге приехавший туда из Москвы Грачевский и А. Корба затеяли новое серьезное предприятие: они устроили динамитную мастерскую в целях покушения на Судейкина, в руках которого в это время была сосредоточена борьба с революционерами. Но с первых же дней появления Грачевского в Петербурге за ним следили по пятам. Слежка тянулась три месяца и установила всех лиц, с кем имели сношения Грачевский и Корба. В июне были арестованы Грачевский, Корба, Христина Гринберг, работавшие в динамитной мастерской А. Прибылева, Р. Л. Гроссман-Прибылева, М. А. Юшкова и многие другие.

Таким образом, в Петербурге и Москве организация «Народной Воли» была совершенно разгромлена. После отъезда за границу Ошаниной и Тихомировых, из членов Исполнительного Комитета оставалась на свободе только В. Н. Фигнер, жившая в то время в Одессе. Прежде чем рассказывать о ее деятельности и судорожных усилиях восстановить Исполнительный Комитет, ознакомимся ближе с женщинами, упоминавшимися здесь и работавшими в этот период, и с дальнейшей судьбой тех из них, биография которых не доведена нами до конца.

А. В. Якимова, эта «женщина-боец», по процессу 20 народовольцев в феврале 1882 г. была приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. После рождения у нее в тюрьме ребенка она содержалась на каторжном положении в Петропавловской крепости; выжила Якимова ужасы этого режима — заключенным не давали сахара, чая, мыла, кормили очень недостаточно и недоброкачественной пищей, не давали им прогулок и книг, медицинская помощь не оказывалась, — только благодаря своему ребенку, которого она не дала отобрать у себя: на нем отразилось тяжелое состояние

его матери, и ее перевели на усиленное питание. Так дожила она до осени 1883 г., когда была отправлена на Карийскую каторгу; отбывала она каторгу до осени 1892 г., т.-е. 9 лет, после чего была переведена в вольную команду при каторге, при чем такое положение тянулось до 1899 г. После этого Якимова поселилась в Чите, давала уроки, служила на железной дороге. Оживление революционного движения, а главное возрождение террора, побудили Якимову вновь вступить в ряды действующих революционеров: в 1904 г. она оставила мужа (еще на Каре она вышла замуж за М. Диковского) и маленького сына и бежала из ссылки, хотя это грозило ей новой каторгой. 48-ми лет она примкнула к социалистам-революционерам, чтобы принести им свой революционный опыт и решительность. Но в центр партии социалистов-революционеров правительству удалось провести двух провокаторов — Азефа и Татарова, и Якимова сразу же оказалась под полицейским наблюдением. Через несколько месяцев она была арестована, амнистия 1905 г. ее не коснулась, и из тюрьмы она вышла только через два года, очутившись снова на положении поселенки в Чите, где не раз подвергалась обыскам и аресту за участие в Красном Кресте и связь с соц.-революционерами. В 1917 г. она вернулась в Европейскую Россию, работала сперва в рядах партии с.-р., потом от политической деятельности отошла, до 1923 г. работала в различных кооперативных организациях. В настоящее время Якимова пользуется заслуженным отдыхом, время от времени печатая отрывки из своих воспоминаний.

На отдыхе и А. П. Корба. Приговорена она была в 1883 г. по процессу 17-ти к 20 годам каторги, в которой пробыла до 1890 г., когда вышла в вольную команду; в 1892 г. выпущена на поселение, в 1905 г. вернулась в Россию. Опубликовала ряд статей о деятельности «Народной Воли».

Т. Лебедева и Л. Терентьева не долго прожили после ареста. Людмила Александровна Терентьева родилась в либеральной семье в Одессе, с самых молодых лет она вступила на революционный путь, следуя примеру своих братьев: один из них был приговорен к 9-летней каторге за пропаганду, другой подвергся

административной ссылке. Еще гимназистской она вошла в кружок самообразования для подготовки к революционной деятельности. П. С. Ивановская, знавшая ее в то время, а потом жившая и работавшая с ней в типографии «Народной Воли», так описывает молодую Терентьеву или, как звали ее товарищи, Лилу: «Она была еще юная девушка, с пухлым розовым личиком, прямым высоким лбом. Льняная густая коса как бы оттягивала голову назад, что делало Лилу более стройной и значительно старше своих лет. Во всех ее приемах, в серьезном взгляде голубых глаз намечался сильный и смелый характер. Порой даже казались несколько необычными в ее возрасте большая твердость, решительность, а в поступках — упорство». Эти черты своего характера она показала на деле. Едва успев кончить гимназию, Терентьева в 1879 г. принимает на себя роль горничной у Е. Россиковой и Ф. Юрковского, предпринявших подкоп под Херсонское казначейство. Она участвует в общей работе, а потом благополучно увозит 10 тысяч рублей (остальная сумма захвачена у арестованной Россиковой). После этого боевого крещения она отправляется в Петербург, где с начала 1880 г. по май 1881 г. работает в типографии Исполнительного Комитета, опять разыгрывая из себя горничную, а фактически набирая и печатая «Народную Волю» и прокламации. Бодрая и жизнерадостная, Терентьева добросовестно выполняла порученную ей работу, но постоянно рвалась к чему-то более яркому, ей хотелось подвига, хотелось принять непосредственное участие в террористических действиях, и Перовской приходилось объяснять ей, что для партии нелегальная печать имеет не меньше значения, чем бросание бомб.

14 мая 1881 г. Терентьева была арестована на улице; судилась она через год, вместе с А. Михайловым, А. Якимовой и др. (процесс 20-ти), и была приговорена к каторге, но была оставлена в Петропавловской крепости и подвергнута тому режиму, от которого в течение двух лет умерли многие из осужденных. Скоро заболела и она, а в конце 1883 г. или в начале 1884 г. умерла — отчего, до сих пор неизвестно. Смерть ее окутана таинственностью. С. Златопольский со слов дежурных

жандармов передавал, что ее будто бы по ошибке отравили — вместо зубных капель дали какое-то ядовитое лекарство. Она умерла в жестоких мучениях, оглашая тюрьму страшными криками.

Член Исполнительного Комитета Татьяна Ивановна Лебедева родилась в 1854 г., рано приняла участие в революционном движении, — впервые была арестована в 1874 г., освобождена до суда, затем в 1877 г. привлекалась по делу об убийстве в Москве землевольцами предателя Рейнштейна; судилась по процессу 193-ех, при чем зечтено предварительное заключение, и она от наказания была освобождена. Тогда же перешла на нелегальное положение и примкнула к «Народной Воле». Работала в динамитной мастерской, участвовала с Фроленко в подготовке покушения под Одессой, с ним же пыталась ограбить Кишиневское казначейство. Арестована в 1881 г., по делу 20-ти, приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Пробыла в Петропавловской крепости до 1884 г., когда была отправлена на Карийскую каторгу, где и умерла в 1886 г. Что сделало из нее заключение в крепости, можно видеть из следующих строк: «Она была больна все время, и на это никто не обращал ни малейшего внимания. У нее развилась страшная цынга, и она дошла до того, что лежала, как труп, вся распухшая; есть не могла, потому что зубы расшатались и десны опухли... Вывезенная в карете из крепости, она на носилках была внесена в камеру Дома Предварительного Заключения». Здесь она несколько оправилась — внимательный уход и усиленное питание поставили ее на ноги, но, конечно, не могли восстановить ее здоровье, разрушенное в крепости. Жизнь впроголодь в сырой и холодной каторжной тюрьме, в гнилом климате, сделали свое — несмотря на заботливый уход товарок по заключению, она прожила здесь два года и умерла 33-ех лет.

Прасковья Семеновна Ивановская (по мужу Волошенко), живущая ныне в Полтаве, родилась в 1853 г. и была дочерью сельского священника Тульской губернии, не похожего, однако, на большинство православного духовенства и жившего больше умственными интересами; благодаря этому он больших доходов

не имел, и его многочисленная семья жила в скудости и лишениях. Дети были предоставлены самим себе и рано приучились к самостоятельности. Старший сын — Василий Семенович Ивановский, — поступивший в медицинскую академию, скоро проникся революционными взглядами и оказал влияние на своих сестер, в частности на Прасковью Семеновну. По окончании училища Ивановская поступила на женские Аларчинские курсы в Петербурге, а в 1876 г. сдала экзамен на учительницу и летом того же года отправилась в Одессу, чтобы заняться пропагандой. С этой целью она поступила на канатную фабрику. «Немудрая работа выполнялась здесь сравнительно небольшой группой женщин-безработных с прибавкой к ним десятка-двух парней. Женский пол отличался непостоянством, цыганскими наклонностями, то и дело менял свою профессию. Правда, работа была грязная, воздух тяжелый, дневная упряжка весьма продолжительная. Мы уходили домой, когда от погружавшегося в море солнца оставался едва заметный серпок над водой. Сблизить всех работниц в одну ячейку, хотя бы для слабейшей защиты себя, — никак не удавалось, непривычное туго входит в головы... За два с половиной месяца осталась очень ничтожная связь с более пытливыми девушками, бравшими почитать что-нибудь». Не видя пользы от своего пребывания на фабрике, Ивановская пошла в «настоящий» народ — крестьянам. Она направилась на полевые работы в большое имение Таврической губернии, но многого не сделала, вернулась в Одессу. Отсюда, в виду ареста брата и сестер, ей пришлось уехать в Москву, где она помогала Ю. Богдановичу устроить побег из части своему брату. По возвращении в Одессу Ивановская принимала участие в местной работе, была арестована в связи с демонстрацией по поводу суда над Ковальским; высланная на родину, она скрылась и поехала к брату, эмигрировавшему после побега в Румынию. Отсюда она вернулась в начале 1880 г. в Петербург, где сразу примкнула к «Народной Воле». Ей было поручено типографское дело, и она до мая 1881 г. перебывала хозяйкой трех квартир, в которых помещалась типография. Когда в связи с арестом Л. Терентьевой типографию пришлось

бросить в добычу жандармам, П. С. Ивановская продолжала эту же работу в Москве, а потом была послана организовать новую типографию в Риге. Арестованная в пути, она судилась в 1883 г. по делу 17-ти и приговорена к смертной казни с заменой бессрочной каторгой; в том же году была отправлена на каторгу, в 1898 г. вышла на поселение. В 1902 г. из Читы она бежала, вошла в боевую организацию партии социалистов-революционеров. Принимала участие в подготовке ряда покушений, была в 1905 г. выдана провокатором Татаровым, вышла на свободу только после октябрьской революции 1905 г.

В динамитной мастерской на Забалканском проспекте, кроме Якимовой и Кибальчича, жила и Фанни Абрамовна Морейнис, в 1883 г. приговоренная военным судом в Одессе к 4 годам каторжных работ. Родилась она в 1859 г. в Николаеве в семье богатых, религиозных евреев, в своем фанатизме старавшихся не иметь никакого общения с русскими. Но таковы уже были настроения в 70-ые годы, что Морейнис и ее брат рано стали стремиться вырваться из этой обстановки, познакомиться с русским языком и литературой, приобщиться к христианской науке. Тайком от родителей они выучились русской грамоте, усиленно занимались. Знакомство с казненным в 1879 г. Виттенбергом и будущим народовольцем С. Златопольским пробудили в Ф. Морейнис новые стремления — желание служить народу. В начале 1878 г. она с братом тайком ушли из дому. Переехав в Одессу (вместе с Хр. Гринберг-Кон, тоже оставившей родителей), Морейнис стала обучаться сапожному мастерству, чтобы жить этой работой; кое-как подучившись, она с Гринберг стали брать заказы, но заработка их нехватало и на полуголодное существование. Тем временем завязались знакомства с революционными кружками, и Морейнис было поручено вести сношения с заключенными в тюрьме через надзирателей, за небольшие деньги охотно таскавших письма. В конце лета пять из заключенных — Лизогуб, Виттенберг, Логовенко, Чубаров и Давиденко — были приговорены к смертной казни. Казни тогда производились еще публично, и Морейнис

присутствовала при их повешении, желая проводить на смерть своего учителя Виттенберга. Казнь произвела на нее потрясающее впечатление и, несомненно, содействовала ее вступлению вскоре затем в партию «Народная Воля». Приехавший в Одессу летом 1880 г. А. Михайлов, познакомившись с ней, очевидно, вынес благоприятное впечатление, ибо, когда ей пришлось скрыться из Одессы и она уехала в Петербург, ее сразу пристроили к динамитной мастерской.

Отбыв каторгу, Морейнис поселилась в Чите, потом переехала на место службы своего мужа в с. Горячинское, на берегу Байкала; в 1903 г. она укрывала здесь бежавшего ссыльного Е. Сазонова, год спустя убившего Плеве. В 1905 г. она переехала в Иркутск, где оказывала содействие революционным организациям, укрывала нелегальных. В настоящее время живет в Москве.

Трагически кончила жизнь Н. Смирницкая, арестованная, как уже рассказано, во время московского разгрома в 1882 г. Родившаяся в 1852 г., Смирницкая была впервые арестована в Киеве в 1879 г., подверглась административной ссылке, бежала в следующем году и перешла на нелегальное положение. По процессу 17-ти была осуждена на 15 лет каторжных работ (также как и ее муж Ив. Калюжный). На каторге ей пришлось жить вместе с Е. Ковальской, о которой мы еще будем говорить, М. Калюжной и Н. Сигидой. Калюжная была арестована в Одессе по делу типографии «Народной Воли», которую по инициативе Фигнер устраивал Дегаев; до конца дела она была выслана на родину, а жандармы между тем, в целях отвлечения подозрения от Дегаева, который стал предателем, начали исподтишка распространять слухи, что она выдавала на допросах. Когда Калюжная узнала об этом, она в негодовании отправилась в Одессу и пыталась убить жандармского полковника. Покушение не удалось, но тем не менее она получила 20 лет каторги. Надежда Константиновна Сигида родилась в 1863 году, была учительницей, состояла членом народовольческой организации в Ростове и работала там в типографии; была арестована в 1887 г., в следующем году пригово-

рена к 8 годам каторги. Благодаря боевому темпераменту Ковальской и Ковалевской у этой группы женщин происходили постоянные столкновения с начальством, так что такие крупные деятели, как Якимова, Корба, Ивановская, Лешерн, считавшие необходимым беречь свои силы, ибо надеялись еще вернуться к борьбе на воле, добились отделения от них и перевода в другое помещение. После ряда столкновений в тюрьме получилось распоряжение увезти Е. Ковальскую; это было исполнено грубо и сопровождалось издевательствами: к женщинам ворвались ночью, Ковальскую схватили и увезли неодетой и т. п. Этого происшествия оказалось достаточно, чтобы побудить ее подруг выступить с протестом. Их борьба с начальством — они требовали смещения коменданта — затянулась более, чем на год, при чем несколько раз голодали по 10 и 16 дней. Развязкой явилась так называемая «карийская трагедия». Чтобы ускорить конец, Сигида, потрясенная смертью мужа по пути на каторгу и вообще очень тяжело переживавшая создавшееся положение, решила пожертвовать собою: она сделала попытку ударить коменданта, в расчете, что это вызовет его смещение. Но то было время самой черной реакции, когда правительство Александра III беспощадно и с тупой жестокостью душило и уничтожало своих врагов, — в Шлиссельбурге, на каторге, в Якутской области. Получилось распоряжение от генерал-губернатора подвергнуть Сигиду, как лишенную прав каторжанку, телесному наказанию. Несмотря на отзыв тюремного врача, что она в виду своего болезненного состояния не перенесет этого, приказ был приведен в исполнение. В ту же ночь Сигида умерла, а вслед за нею; будучи не в силах перенести этого издевательства над бессильным товарищем и желая протестовать хотя бы своей смертью, приняли яд и умерли Ковалевская, Смирницкая и Калюжная (19 ноября 1889 г.). Первая умерла Ковалевская. «Подле Калюжной и Смирницкой дежурили фельдшера и сиделки. Когда они просили пить, им подавали стакан с противоядием, но они отстраняли его рукой и шопотом произносили: не надо, пожалуйста, не надо. Часов около 10 вечера Калюжная

начала метаться. Смирницкая с помощью сиделки подползла к подруге и стала нежно гладить ее по голове, пока она не скончалась. К утру умерла и Смирницкая».

Этими жертвами дело не ограничилось. Когда на мужском отделении стало известно о происшедшем, многие из заключенных решили также покончить с собою, приняв яд. Однако, благодаря плохому качеству его, яд не подействовал. Пустили в ход другой и отравились вторично. Опять на большинство он не подействовал, но Ив. Калюжный и Бобохов, особенно настаивавшие на невозможности дальше жить, добились своего — они умерли.

Эти пять жертв не остались бесплодными. Правительство смутилось, и распоряжение о применении телесного наказания к политическим каторжанам было отменено. Только при Николае II и Столыпине, через 20 лет, оно снова стало применяться и притом в самых широких размерах.

* * *

Вернемся, однако, к В. Фигнер, оставшейся в России в середине 1882 г. единственным на свободе членом Исполнительного Комитета, хотя он незадолго до того был пополнен новыми членами, кроме Стефановича, Халтурина и Жебунева, обладавших революционным прошлым, это были люди, совершенно не пригодные для предложенной им роли: врачи Лебедев и Мартынов, в сущности, были честными культурниками, какими и оставались в течение всей своей дальнейшей жизни, а Романенко, человек с большими претензиями, кончил совсем плохо: он был впоследствии ярым черносотенцем. Впрочем, все эти новые члены И. К. были очень скоро упрятаны за решетку, а потом пошли в административную ссылку (только Стефанович попал на каторгу). Последним крупным делом Исполнительного Комитета явилось убийство военного прокурора Стрельникова, подготовленное, в сущности, одною В. Фигнер и совершенное Желваковым при участии С. Халтурина (казнены оба на следующий день).

После московских арестов Фигнер поселилась в Харькове, не имея возможности вернуться в Одессу,

где тоже была арестована созданная ею местная группа партии. Положение ее было очень тяжелое. Харьковская группа партии была малочисленна, входящие в ее состав люди ничем не выделялись и не обладали революционным опытом, средств не было никаких, часто вся наличность кассы не превышала рубля. А между тем к Фигнер со всех сторон обращались или даже приезжали к ней работники партии, в большинстве случаев нелегальные, уцелевшие от разгромов, которых надо было снабжать деньгами на прожитье, паспортами и пр. В. Н. Фигнер решила созвать в Харькове тех из уцелевших работников, которых можно было бы включить в Исполнительный Комитет, и наладить с ними работу. Предварительно она съездила в Киев, чтобы ознакомиться с тамошней группой и извлечь из нее подходящих людей, если таковые там окажутся; таким оказался Спандони. Отсюда Фигнер отправилась на поиски денег, без которых нельзя было ступить и шагу. Она побывала в Орле и Воронеже, и кое-что удалось достать (главным образом, деньги Евгении Субботиной, сосланной в Сибирь по процессу 50-ти; когда она узнала о тяжелом положении организации, она распорядилась, чтобы лицо, у которого хранились ее небольшие средства, отдало их). Осенью в Харькове собрались Фигнер, Спандони, Дегаев. Обрисовав им общее положение дел и состояние организации партии в крупных городах, Фигнер пришла к выводу, что для восстановления Исполнительного Комитета (в который ею были включены Дегаев и Спандони) необходимо взять людей из военной организации; они должны выйти в отставку и, вступив в Комитет, заняться общепартийной работой. Вторая задача — восстановление партийной печати, налаживание регулярного выхода «Народной Воли», для чего необходимо поставить типографию. Наметив пять кандидатов в члены И. К., предложенных В. Фигнер, участники совещания решили, что объезд военных и переговоры с ними возьмет на себя Дегаев, а после поездки поселится в Одессе, где вместе с своей женой будет хозяином типографии, которую к тому времени взялась организовать В. Фигнер. Дегаев получил от нее адреса военных в Одессе и Николаеве, с которыми она

имела дела. Все было сделано, как решено. Дегаев вернулся из объезда в Одессу, куда Суровцев привез типографские принадлежности, были снята квартира и т. д., но не успела типография приступить к работе, как все были арестованы — и Дегаев с женой и Калюжная, Суровцев и Спандони. Опять оборвалась только-что связанная нить. Состояние В. Фигнер было ужасное: «Я видела, что все начинания мои не приводят ни к чему, вся моя деятельность безрезультатна. Что я ни придумывала — все сметалось, принося гибель тем, кого я привлекала к участию... Теперь больше, чем в предыдущие месяцы, я жила двойной жизнью: внешней — для людей, и внутренней — про себя. Наружно надо было сохранять спокойный, бодрый вид, и я бодрилась, а в тишине ночной думала с тоскою: будет ли конец? Мой конец? Наутро надевалась маска и начиналась та же работа Пенелопы...». Но маска эта не могла вполне скрыть ее переживаний от внимательного взгляда. В своих «Воспоминаниях народовольца» Бах так описывает свою встречу в эту пору с В. Н. Фигнер: «Когда в Харькове я добрался до Фигнер, я увидел молодую женщину лет 28, с очень свежим цветом лица, с прекрасными черными глазами, в которых поражало выражение большой проницательности и вместе с тем какой-то внутренней усталости»...

Приближалась развязка. Предавшись Судейкину, Дегаев получил свободу, была построена комедия его бегства от конвоя, и в один прекрасный день он явился в Харьков и сразу же разыскал Фигнер. Устроился он в Харькове на общей квартире с Г. Чернявской, и предполагалось, что они приступят к устройству типографии. Но на самом деле Дегаев занялся другим делом: он должен был предать Фигнер в руки жандармов так, чтобы не навлечь на себя подозрения. Он сумел это сделать, и 22 февраля 1883 г. она была схвачена на улице, неподалеку от своей квартиры. Некогда грозный Исполнительный Комитет оказался в руках агента жандармов.

Оставшаяся неарестованной, Чернявская уехала за границу, чтобы ознакомить Ошанину и Тихомирова с положением, создавшимся после ареста Фигнер. Чер-

нявская уже не возвращалась в Россию, а ряд лет работала в заграничной типографии народовольцев.

3 октября 1884 г. начался процесс 14-ти, при чем главной обвиняемой являлась Фигнер. Вместе с семью товарищами она была приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Через несколько дней ее увезли в Шлиссельбург. Здесь она провела ровно 20 лет и в 1904 году прямо отсюда была отправлена в ссылку в Архангельскую губернию, где ее поселили в глухом углу. Через некоторое время ей разрешили переехать на родину в Казанскую губернию, а в конце 1906 года — уехать за границу, откуда она вернулась только к 1915 году. Примкнув сперва к социалистам-революционерам, как к партии, близкой по программе и тактике к «Народной Воле», Фигнер, однако, «не могла слиться с ними и чувствовала себя лишней и бесполезной в их среде». Порвала она с ними после разоблачения провокатора Азефа... Узнав о невероятно тяжелых условиях, в каких приходилось жить политическим каторжанам, Фигнер создала за границей особый комитет помощи каторжанам, который через своих представителей в России поддерживал деньгами и вещами заключенных в 23 каторжных тюрьмах, собирая для этой цели значительные суммы. Фигнер печатала в иностранных газетах и журналах статьи о положении заключенных, выступала с публичными лекциями на эту тему, выпустила переведенную на несколько языков брошюру под названием «Русские тюрьмы».

С началом войны Фигнер решила вернуться в Россию, но на границе была арестована, отправлена в Петербург, откуда ее выслали в Нижний-Новгород под надзор полиции. Сохранив, несмотря на 20-летнее заточение, энергию и жажду деятельности, Фигнер отдалась культурной работе, приняв участие в работе О-ва распространения народного образования. После революции Фигнер была избрана председательницей Комитета помощи освобожденным каторжанам и ссыльным, который проделал громадную работу и оказал помощь нескольким тысячам человек. В 1919—1920 гг., в период общего голодания, разрухи и гражданской войны, В. Фигнер жила в Орловской губернии, где на ее глазах

умерли ее сестры Ольга и Лидия и племянница, и она осталась совершенно одна; здесь ей пришлось пережить большие лишения и страдания, пока не удалось перебраться в Москву. Здесь она продолжала заниматься литературной работой, выпустив замечательную книгу «Запечатленный труд» — ярко, правдиво и художественно написанные воспоминания с детских лет вплоть до освобождения из Шлиссельбурга, и печатая многочисленные другие статьи, посвященные нашему революционному прошлому. Вместе с тем, как замечает Фигнер, «помня свою жизнь в тюрьме, я продолжаю то, чем занималась за границей, и принимаю участие в помощи заключенным — жертвам нашей междоусобной войны и распри» . . .

В текущем году В. Н. Фигнер исполнится 75 лет.

Арест Фигнер не прекратил попыток восстановить Исполнительный Комитет. Наиболее обещавшей успех была попытка Германа Лопатина, заплатившего за это восемнадцатилетним заточением в Шлиссельбурге. Положение в 1883 г. создалось такое: Дегаев после ареста Фигнер подобрал свой состав Исполнительного Комитета, включив в него Якубовича, Карауловых, Усову, одновременно указав на них Судейкину. Летом 1883 г. он поехал за границу и сознался Ошаниной и Тихомирову в своем предательстве. Вместо того, чтобы отстранить его от партийной деятельности и известить о его гнусной роли остающихся в России товарищей, они взяли с Дегаева — под угрозой смерти — обязательство убить Судейкина. Он вернулся в Россию, но с убийством не торопился. Между тем в Россию отправился Лопатин, не предупрежденный Ошаниной и Тихомировым о том, что представляет из себя Дегаев. Однако, Дегаев сам признался ему, и тут Лопатин принял меры, чтобы не дать ему уклоняться дальше от исполнения своего обязательства. Он дал Дегаеву в помощники двух членов организации — Конашевича и Стародворского, и в декабре 1883 г. Судейкин был убит. Лопатин немедленно вернулся за границу, где в составе его, Н. М. Саловой и Сухомлина была образована распорядительная комиссия Исполнительного Комитета, которая должна была очистить организацию от всех со-

мнительных элементов, попавших туда при господстве Судейкина-Дегаева, и привлечь к работе всех надежных революционеров.

Неонила Михайловна Салова не была новичком в партии. Через Ошанину она, еще будучи на первом курсе фельдшерских курсов, знакомится с революционерами и оказывает им услуги. Летом 1880 г. Фигнер сводит ее с Коковским, руководившим тогда в Петербурге пропагандой среди рабочих, но тот находит, что своим внешним видом она слишком будет бросаться в глаза в рабочих районах, и Салова входит в центральную группу для пропаганды среди учащейся молодежи. От Исполнительного Комитета входила в группу Фигнер, а после ее отъезда — А. Корба. В 1882 г. Салова уцелела при аресте Корбы, Грачевского и др., с которыми находилась в постоянных деловых сношениях. Она уехала в Харьков, откуда Фигнер направила ее для работы в Одессу, где надо было собрать уцелевшие связи среди интеллигенции и рабочих. Здесь Саловой долго поработать не пришлось — по вызову Фигнер она едет в Харьков, откуда с письмом последней отправляется за границу к Тихомирову и Ошаниной. В 1884 г. она возвращается в Россию, чтобы спустя короткое время быть арестованной одновременно с Лопатиным. Арестованные в октябре 1884 г., они судились в июне 1887 г. Салова приговорена к смертной казни, замененной 20-летней каторгой. На Кару она попала в самый разгар столкновения, приведшего к «карийской трагедии». На каторге она пробыла до 1892 г., когда перешла в вольную команду, а в 1898 г. вышла на поселение в Чите. С оживлением революционного движения Салова вновь приобщается к нему, в 1905 г. деятельно участвует в развертывающихся событиях, в 1906—07 гг. состоит членом Читинского комитета партии социалистов-революционеров, а потом постепенно уходит в частную жизнь.

ГЛАВА V.

«ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ».

М. К. Крылова. — О. Буланова-Трубникова. — М. К. Решко. — Е. Н. Ковальская. — «Южно-Русский Рабочий Союз». — С. Н. Богомолец.

После раскола «Земли и Воли» народники, протестовавшие против перехода к политической борьбе и к террору, создали организацию «Черный Передел», в целях продолжения пропаганды в народе. Однако, неблагоприятные полицейские и другие условия в деревне, а также незначительность сил и средств, какими они располагали, заставили чернопередельцев сосредоточить свою деятельность в городах, среди рабочих и учащейся молодежи. В Петербурге они связались с «Северно-Русским Рабочим Союзом», организовали типографию для выпуска своего органа «Черный Передел». Однако, предательство члена организации — работавшего в типографии наборщика Жаркова (это предательство стоило ему жизни — он был убит) — привело к полному разгрому: типография была захвачена вместе со всеми работавшими в ней и с почти отпечатанным уже № 1 газеты. Были арестованы и многие другие члены организации. Пришлось набирать новые силы и восстанавливать организацию. После выхода двух номеров «Черного Передела» за границей, удалось поставить новую типографию в Минске, которая выпустила три номера «Черного Передела» и шесть номеров рабочей газеты «Зерно». Пропаганда среди рабочих велась в Петербурге и Москве. В работе «Черного Передела» из женщин активное участие принимали:

М. К. Крылова, О. Буланова, М. Решко, Е. Ковальская.

Мария Константиновна Крылова вышла из среды мелкого чиновничества и была землячкой В. Засулич. Несмотря на отсутствие умственных интересов в ее семье и среди окружающих, она с раннего детства обнаружила стремление к знанию и сумела добиться того, чтобы ее отослали в город учиться. Здесь уже через три-четыре года она, продолжая учиться, стала давать уроки и, накопив некоторую сумму, уехала в Москву продолжать учение. Это было в 60-х годах, когда передовая интеллигенция делала первые попытки «служить народу» распространением просвещения среди него, организацией артелей и т. п. Крылова примкнула к кружку Ишутина-Каракозова, занявшегося этой работой, и после выстрела Каракозова, когда были переарестованы участники кружка, тоже была привлечена к следствию, отделавшись полицейским надзором. В это время возникла мысль об устройстве за границей типографии для печатания литературы, свободной от цензуры. Крыловой, которая тогда уже заслужила репутацию человека, исполненного сознанием революционного долга и чрезвычайно добросовестно относящегося к принятым на себя обязанностям, было предложено поехать в Женеву для работы в типографии. Она с радостью согласилась, надеясь заодно ознакомиться с европейской жизнью, но, приехав на место, почти не отходила от типографской кассы. Существуя на средства организации, Крылова считала, что все ее время принадлежит последней, и работала с утра до ночи, не давая себе отдыха, не позволяя себе развлечений. Чтобы расходовать как можно меньше общественных денег, она крайне ограничила все свои потребности, питалась скудно и в сухомятку. Через год такой жизни ее здоровье заметно поддалось: «она похудела, еле держалась на ногах от истощения, тем не менее не соглашалась ни на отдых ни на сокращение своего длинного рабочего дня»; чтобы спасти ее, товарищи постарались выпроводить ее обратно в Россию. Здесь она примкнула к киевскому кружку бунтарей, скоро опять попалась, подверглась ссылке, а затем, приехав в Петербург, со-

шлась с землевольцами. Когда Зунделевич стал организовывать нелегальную типографию — так называемую «Вольную Русскую Типографию», — он обратился к Крыловой с предложением быть хозяйкой ее и работать в ней. С тех пор до самого своего ареста в 1880 г., т.-е. около трех лет, Крылова непрерывно работала в нелегальной типографии, перешедшей к организации «Земля и Воля», а потом в вновь организованной типографии чернопередельцев.

Крылова была не просто наборщицей, она внимательно и с интересом относилась к тому, что ей приходилось набирать и печатать, и будущим народовольцам, когда они стали развивать свои взгляды в «Листках Земли и Воли», не один раз пришлось встречаться с отказом Крыловой набирать их статьи, ибо она оставалась убежденной «народницей». Хотя она не обладала никакими яркими дарованиями, не блистала красноречием, она прекрасно разбиралась в принципиальных вопросах и не пропускала без возражений и протеста малейших отступлений от землевольческой программы. В значительной мере благодаря ее отказу набирать статьи Морозова и Тихомирова, открыто проповедывавших террор, с весны 1879 г. приостановился выход газеты «Земля и Воля». При разделе имущества организации «Земля и Воля» между народовольцами и чернопередельцами, последние согласились отдать типографию народовольцам. Это решение крайне огорчило и возмутило Крылову, которая в течение двух лет сумела уберечь типографию от провала. Она решительно заявила, что это несправедливо, что добровольно она типографию не отдаст и будет отстаивать ее всеми средствами, не останавливаясь даже перед револьвером. Товарищам пришлось оказать на Крылову максимальное давление, чтобы заставить ее уступить. Участвовавший в этих переговорах Л. Г. Дейч рассказывает, что «тяжело было смотреть на эту непреклонную, стойкую женщину, имевшую уже без малого 40 лет и не привыкшую в течение своей долгой революционной жизни проливать слезы»... Со слезами на глазах, в полном отчаянии, она уступила в конце концов настояниям товарищей.

Тот же Л. Г. Дейч дает М. К. Крыловой такую характеристику: «Она являлась олицетворением или воплощением долга . . . Она с юных лет самым строгим образом соблюдала выработанные ею для себя правила жизни: не расходовать на себя, на удовлетворение всех своих потребностей больше наивозможного минимума,— лишь бы как-нибудь существовать, питаться, одеваться и пр. Затем, она должна пользоваться только добываемыми собственным трудом средствами... Она никогда не соглашалась принимать малейшую от других материальную поддержку, но в то же время сама немедленно спешила прийти на помощь каждому . . . Взявшись за какую-нибудь обязанность, работу, Мария Константиновна исполняла ее с изумительной добросовестностью: вкладывала в нее всю свою душу, ум, знание и способности». «Выше среднего роста, худощавая, с землисто-бледным цветом кожи, серьезным, строгим взглядом, всегда очень скромно одетая в черном, она напоминала монашку . . . Стойкость и преданность, которые она проявляла всюду, куда ни забрасывала ее судьба, внушали окружавшим ее глубокое почтение и благоговение к ней, как к изумительно искренней, твердой, последовательной женщине».

Когда благодаря предательству Жаркова типография «Черного Передела» была обнаружена, Крылова с товарищами была предана суду, который приговорил ее к ссылке на поселение. В ссылке Крылова оставалась верна своему правилу: жить трудом рук своих, не будучи никому в тягость. Она наотрез отказалась от всякой помощи друзей из России, занялась хлебопашеством и огородничеством и питалась хлебом с своего поля и овощами с своего огорода. Получив право свободного передвижения по Сибири, она в начале 90-х годов переехала в Иркутск, где поступила наборщицей в типографию, в которой проработала несколько лет, пока не истекли все сроки и она смогла вернуться в Россию. Поселившись в Воронеже, Крылова поступила в земскую статистику, где работала до самой смерти в 1912 г. Она попрежнему до минимума ограничивала свои потребности, позволяя себе расходовать на себя только часть своего заработка; остальное она собирала, чтобы

в старости, когда не будет сил работатф, не быть никому в тягость; однако, когда набралось несколько сот рублей, она отдала их на нужды революционного движения, в котором не могла уже принимать личного участия.

Ольга Константиновна Трубникова-Буланова, здравствующая и поныне, родилась в семье, тесно связанной с освободительным движением — ее мать была дочерью декабриста Ивашева, отличалась прогрессивными взглядами, в числе своих друзей насчитывала лучших представителей передовой интеллигенции своего времени; она играла выдающуюся роль в борьбе за доступ женщины к высшему образованию. Ее дочери — Ольга (род. в 1858 г.) и Мария с самого детства росли в обстановке, благоприятной для их умственного и общественного развития. Через знакомых своей матери они рано познакомились с революционными деятелями; понемногу две такие знакомые — Любовь Корнилова и Мария Клавдиевна Решко, о которой будет еще речь, — втянули их в работу по оказанию помощи заключенным в тюрьмах и ссыльным. Обе сестры оказывали всяческие услуги революционерам (в их числе были Ал. Михайлов, Кравчинский, Фигнер, Морозов, Перовская и др.), которые часто посещали квартиру их матери, охотно встречавшейся с ними. Сестер ценили в революционных кругах за их осторожность, хорошую память, позволявшую им обходиться без записей, и выдержку. Хотя среди их знакомых революционеров преобладали будущие народовольцы, сестры Трубниковы примкнули при расколе к «Черному Переделу». О. Трубникова и М. Решко вместе с Ан. Булановым (скоро женившимся на первой) явились после арестов чернопередельцев в 1880 г. и отъезда за границу Плеханова, Засулич, Стефановича, Дейч, Аксельрода, наиболее деятельными членами организации, сумевшими сплотить довольно много хороших работников из молодежи и развернуть широкую работу в Петербурге и Москве. На Трубниковой-Булановой лежали все сношения с заграничными товарищами.

Условия, однако, не благоприятствовали сторонникам «Черного Передела»: политическая борьба при по-

средстве террора в виду яркой и смелой деятельности «Народной Воли» все более овладевала настроениями учащейся молодежи, из рядов которой в то время шло главное пополнение революционных рядов. Уцелевшие чернопередельцы, оставаясь сторонниками пропаганды, должны были сложить оружие, не встречая сочувствия и опоры, и примкнули к народовольцам. Это произошло в конце 1881 г. О. К. Буланова с мужем, чтобы укрыться от начавшейся слежки, переехали в Москву, где продолжали работать в народовольческой организации. Здесь, в феврале 1882 г., они были арестованы на улице во время больших арестов народовольцев. Булановым повезло — они не были преданы суду, а после годичного заключения отправлены в административную ссылку, попав в г. Минусинск. Из ссылки они вернулись через пять лет, в самую глухую пору реакции, и уже не принимали в дальнейшем участия в революционной деятельности.

Мария Клавдиевна Решко пользовалась среди чернопередельцев большим влиянием и вместе с Булановым руководила всей работой. Умная и самостоятельная, она много сделала для укрепления молодой организации. Она входила в редакцию газеты «Черный Передел», которая собиралась у нее на квартире. Будучи скоро арестована, Решко заболела в тюрьме туберкулезом; ее выпустили на поруки, и она уехала лечиться за границу, где скоро умерла совсем молодой (конец 1881 г.). Свои небольшие личные средства она завещала Аксельроду, желая таким путем служить делу революции и после смерти.

* * *

Очень яркой и интересной фигурой в революционном движении 70-х годов является Елизавета Николаевна Ковальская. Эта выдающаяся женщина отличалась незаурядной энергией и ярко выраженной индивидуальностью, которая не позволяла ей растворяться в какой-либо организации; она предпочитала действовать в одиночку, ничем не стесняемая; только короткое время она примыкала к чернопередельцам, а затем создала собственную организацию, вдохновительницей и

руководительницей которой была до самого своего ареста.

Е. Н. Солнцева, по мужу Ковальская, родилась около 1850 г. и была внебрачным, так называемым «незаконным» ребенком богатого помещика и его крепостной. Это отразилось на впечатлениях детства Ковальской; она рано узнала о крепостном праве, на себе испытала, что значит привилегия рождения... Разными путями ребенок наталкивался на мысли о несправедливости существующих порядков, о жестокости самодержавия. После освобождения крестьян отец Ковальской переехал в Харьков, где занялся воспитанием дочери, которую очень любил. Появились учительницы и учителя, в числе их студент-поляк, рассказывавший девочке о борьбе поляков за свободу, пробуждая в ней сочувствие к угнетенным и желание самой принять участие в освободительной борьбе. За учением дома последовало поступление в пансион, потом в гимназию; здесь Ковальская сдружилась с дочерью одного сосланного учителя гимназии, которая натолкнула ее на радикальные журналы того времени, познакомила с Некрасовым. То, что до сих пор смутно бродило в ней, стало теперь оформляться. Деятельная натура Ковальской требовала дела — она должна была делиться с другими своими мыслями, влиять на других, и скоро она устроила кружок самообразования из гимназисток; кружок этот соединился вскоре с кружком студентов. Когда Ковальская кончала гимназию, отец ее умер, и молодая девушка оказалась обладательницей крупного состояния. В одном из доставшихся ей домов она устроила бесплатные курсы для женщин, желавших получить высшее образование. Читали лекции университетские лектора и студенты. Охотниц слушать их оказалось множество, так что помещение не вмещало всех. Этим Ковальская не удовлетворилась — ей хотелось нести светоч знания в низы. Вступив в общество грамотности, она стала заниматься в воскресных школах, среди учениц которых «выбирала наиболее способных работниц, приглашая их к себе на дом по праздникам; постепенно образовалась школа для работниц. Я им читала отрывки русской беллетристики, рассказывала эпизоды из русской истории,

знакомила с французской революцией, а главное — вела пропаганду по женскому вопросу» (в ту пору Ковальская была увлечена движением за равноправие женщин). Наряду с этим у нее же собирался студенческий кружок для изучения общественных вопросов, а потом еще и женский кружок, ставивший себе задачей ознакомление с социализмом и изучавший учение Оуэна, Фурье, С.-Симона и др.

Ближайшим сотрудником Е. Н. Ковальской был молодой ученый Я. И. Ковальский, вскоре ставший ее мужем. Их деятельность, конечно, не могла не обратить на себя внимание властей, и в один прекрасный вечер к Ковальской явился жандармский полковник, предложивший ей прекратить собрания и занятия. С нею, как с богатой домовладелицей, еще церемонились, и для нее эта пропагандистская деятельность кончилась без неприятных последствий.

О значении, какое имела деятельность Ковальских в Харькове, пишет Аптекман, в то время живший там и не мало почерпавший из общения с ними. «Первую скрипку играли тогда Е. Н. Солнцева и Я. И. Ковальский. Кому из них двух принадлежит инициатива движения, руководительство им, организация его, трудно мне было тогда разобраться, так тесно сливалась их общая работа. Одно только могу я сказать: основной тон движению давал Ковальский: мирная культурно-просветительная работа была ближайшим их заданием. Но с оговоркой: Е. Н. Солнцева уже тогда заметно тяготела влево... Это сказывалось уже тогда в ее мятежных порывах, вносивших красные тона в общее, основное направление работы кружков... Елизавета Николаевна пользовалась в больших кругах харьковской молодежи и в некоторой части интеллигентного общества большим уважением и симпатией. Молодая, красивая, привлекательная, выдержанная, развитая, чуткая ко всяким общественно-полезным начинаниям... Она стоит в центре движения харьковской молодежи. Вокруг нее группируются самые талантливые, сравнительно более зрелые и самые живые элементы студенчества и прочей учащейся молодежи».

«Один из больших домов Солнцевой — „розовый дом“, как мы называли его благодаря его окраске, вскоре стал сборным пунктом для молодой интеллигенции Харькова, его окрестностей и уезда. Розовый дом превратился в своего рода университет. Приходили сюда и работницы-модистки за „хлебом насущным“, т.-е. ради грамоты и элементарных знаний; приходили учителя и учительницы городских и приходских школ для расширения и пополнения своих знаний; нередко приезжали за этим из уезда и проводили одну-другую неделю, посещая курсы... Приходили гимназисты, гимназистки, семинаристы, студенты, ветеринары и т. д. за разными справками, за литературой по тому или иному вопросу»...

Незадолго до прекращения этой деятельности Е. Н. Ковальская с ближайшими друзьями занялась распространением книг, издававшихся и присылавшихся из Петербурга «чайковцами».

Когда Ковальской пришлось прекратить свою деятельность в Харькове, она переехала в Петербург, где познакомилась с Перовской, Корниловой и др. и вошла в их кружок. По болезни ей скоро пришлось уехать на юг, а потом и за границу, в Швейцарию. Там она окончательно усвоила социалистическое мировоззрение и решила «итти в народ». Вернувшись в Россию, она взяла место народной учительницы в Царскосельском уезде неподалеку от Колпинского завода; занявшись пропагандой и распространением нелегальной литературы среди рабочих завода, Ковальская скоро должна была скрыться, чтобы избежать ареста. В течение нескольких лет она жила в полулегальном положении то в Петербурге, то в Харькове. Во время демонстрации после суда над Засулич она подверглась избиению жандармами, так что около года пролежала в постели. После этого она основалась в Харькове, где организовала два кружка из рабочих-металлистов, кружок учащихся и др.

В начале 1879 г. Ковальской пришлось окончательно перейти на нелегальное положение; вскоре после этого она примкнула к «Черному Переделу», будучи убежденной сторонницей работы в массах и отрицательно отно-

сясь к борьбе за конституцию. Но и в «Черном Переделе» Ковальская оставалась недолго: в новой программе, составленной в 1880 г. П. Б. Аксельродом, она увидела уклон к социал-демократии, а, с другой стороны, пришла в эту пору «к мысли о необходимости выдвинуть на первый план экономический террор, как более понятный, защищающий интересы масс, берущий наименее жертв и поднимающий революционный дух, а, с другой стороны — организацию рабочих союзов, члены которых перебрасывали бы из городов в свои деревни революционную работу, и на первом плане опять же экономический террор». Ковальская сумела привлечь на свою сторону видного черноперельца Н. Щедрина—они решили выйти из организации и повести работу по новому плану в Киеве, куда и уехали в апреле 1880 г. За несколько месяцев своей работы здесь (они были арестованы уже в октябре) Ковальская и Щедрин сумели завязать обширные связи с рабочими железнодорожных мастерских, арсенала и др. Очень скоро им удалось сплотить группу более сознательных рабочих (главным образом из арсенала), которая и явилась ядром основанного ими «Южно-Русского Рабочего Союза». Союз повел широкую агитацию, почти ежедневно за городом устраивались массовки, на которых перебывала не одна сотня рабочих. Обзавелись собственной типографией, был выпущен ряд прокламаций. Желая исходить в своей агитации из непосредственных нужд рабочих, Союз предъявил начальнику арсенала ряд экономических требований, грозя в случае их неудовлетворения убийством. Оно и подготовлялось, но было предотвращено арестами. Готовил союз террористическое выступление и в деревне, пригрозив смертью одному крупному помещику, если он не прекратит тяжбы с крестьянами за нужный им участок земли.

Широкая работа Союза в массах не могла остаться неведомой жандармам. Чтобы добраться до руководителей его, они обратились к испытанному средству — подослали провокатора, и скоро в их руках очутились все нити. Однако, арест Щедрина и Ковальской не разбил Союза — некоторое время он продолжал свою

деятельность, выпускал прокламации (например, по поводу убийства Александра II в марте 1881 г.). Союзом в это время руководили: П. Иванов, С. Н. Богомолец, Преображенский и Ив. Кашинцев; трое последних были арестованы в январе 1881 г. Но и эти аресты не разбили окончательно Союза — его деятельность продолжали уцелевший П. Иванов и рабочие Доллер и Кизер, пока в начале мая не была взята типография Союза и не арестованы оставшиеся руководители. Интересны обстоятельства, при которых была захвачена типография: в Киеве разразился погром евреев, и члены Союза—Иванов и рабочий Кизер—бросились печатать прокламации, в которых призывали громить не еврейскую бедноту, а богатеев — эксплуататоров, крещеных или некрещеных безразлично, и начальство, притесняющее народ. В своем возбуждении и в стремлении отвести погром в другое русло они прямо из окон типографии выбрасывали в толпу свежеотпечатанные листки, как только снимали их с станка. Разумеется, это не могло пройти им даром, и их захватили «на месте преступления».

В начале июня 1882 г. киевский военно-окружной суд приговорил Щедрина и Преображенского к смертной казни (заменена бессрочной каторгой), Ковальскую — к бессрочной каторге, Иванова — на 20 лет, Софью Богомолец—на 10 лет, сестру ее Присецкую—к ссылке на поселение и т. д. На суде почти все подсудимые отказались отвечать на вопросы председателя, объявив себя социалистами и революционерами, не признающими царского суда.

Ковальская вместе с Богомолец была отправлена на каторгу в 1882 г., по дороге они бежали из Иркутской пересыльной тюрьмы, но через три недели были пойманы. На Каре Ковальская непрерывно вела борьбу с тюремным начальством (как и Богомолец и Ковалевская), и весной 1884 г. их перевезли в строгое заключение в Иркутской тюрьме. Отсюда Ковальская опять бежала, переодевшись надзирателем. Через месяц с небольшим ее обнаружили и арестовали. За побег ее приговорили к наказанию плетьми. Врачей, присланных для освидетельствования, может ли она вынести плети,

Ковальская не подпустила к себе, заявив, что скорее покончит с собою, но насилия над собою не допустит. В это время женщины, находившиеся в тюрьме, начали по другому поводу голодовку, затянувшуюся на 16 дней. Желая привести к скорейшему окончанию ее, Ковальская пробовала кончить самоубийством, но надзиратели вытащили ее из петли. В 1885 г. ее вернули на Кару, не приведя в исполнение приговора о телесном наказании. Но Ковальская продолжала борьбу и протесты. Когда в 1888 г. в тюрьму приехал генерал-губернатор Восточной Сибири Корф, она не встала при его появлении в камере, а на его окрик: «встать!» ответила: «Я пришла сюда за то, что не признаю вашего правительства, и перед его представителями не встаю». Через несколько дней Ковальскую схватили ночью и полураздетую увезли в Верхнеудинскую тюрьму в строгое одиночное заключение. Это столкновение, как уже было рассказано, повело к «карийской трагедии», кончившейся смертью нескольких заключенных. Из Верхнеудинской тюрьмы Ковальская тоже пыталась бежать, но неудачно, и была после этого переведена в Горный Зерентуй. При доставлении сюда она бросилась с кинжалом на начальника каторги Бобровского, который подверг Сигиду телесному наказанию, но ее обезоружили надзиратели. Боясь вызвать новые столкновения с политическими, Бобровский замял дело.

Через некоторое время Ковальская была выпущена в вольную команду. Занявшись преподаванием переплетного ремесла в горном училище, она вместе с тем отдалась культурно-просветительной деятельности, организовав публичную библиотеку на Нерчинском заводе и распространяя популярную литературу. Завязав связи и став получать нелегальную литературу, она в начале девятисотых годов приступила к пропаганде среди солдат казачьего батальона. В 1903 году кончился срок ее каторги, и она вместо поселения уехала за границу, так как незадолго до того вышла замуж за австрийского подданного Маньковского, осужденного на каторгу по делу польской партии «Пролетариат».

За границей Ковальская вступила в партию социалистов-революционеров, но уже через месяц вышла из

нее, примкнув к «максималистам». Война застала ее за границей, и вернуться в Россию она смогла только в конце 1917 г. В настоящее время Ковальская занимается литературной роботой, состоит членом редакции журнала «Каторга и Ссылка».

Такой же боевой натурой, как и Ковальская, была Софья Николаевна Богомолец, урожденная Присецкая. Приговоренная вместе с нею к каторге, она все время вела непримиримую борьбу со всякого рода начальством. «В каждом чиновнике она видела политического врага, простой разговор с которым считала уже непозволительным оппортунизмом. Она видела отступление от революционных принципов в таких, например, актах, как допущение обыскивать себя без сопротивления. Малейший компромисс, на какой поневоле принужден итти всякий заключенный, она считала малодушием и преступлением. Сама она ничему не подчинялась и ничего не боялась. Нисколько не заботясь не только о своем здоровье, но и о жизни, Софья Николаевна решительными приемами поведения держала в страхе разного рода должностных лиц, так как они вполне убедились, что ее нельзя обуздать никакими наказаниями».

Богомолец была дочерью богатого помещика; замужество и ребенок не помешали ей целиком отдаться революционному делу. За побег ей набавили 5 лет каторги, а затем еще 1 год за столкновение с тюремным начальством. Постоянные лишения, которым она подвергалась на каторге, карцеры и т. п., совершенно разрушили ее здоровье, у нее развился туберкулез. Приехавший из России ее муж с трудом добился освобождения умирающей в вольную команду. Через несколько дней она умерла (в 1892 г.). Ее сестры О. Присецкая и М. Н. Горбачевская, а также брат И. Н. Присецкий тоже принимали активное участие в движении.

ГЛАВА VI.

ПЕРВЫЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТКИ.

Наследие движения 70-х годов. — Первые социал-демократические группы. — Петербургская рабочая организация в начале 90-х годов.—Н. Григорьева, В. Карелина и др.—«Союз Борьбы за освобождение рабочего класса»: Н. К. Крупская, Л. Н. Радченко, З. П. Невзорова, А. А. Якубова, И. Г. Смидович, Л. М. Книпович. — Москва. — Иваново-Вознесенск. — На юге.

Революционное движение 70-х годов было по преимуществу движением интеллигентским. Народники, правда, хотели совершить революцию «для народа посредством народа», но им не удалось втянуть в борьбу этот народ, крестьянские или рабочие массы. Не удалось это и народовольцам. Крестьянство еще не созрело для революционной борьбы, а складывающийся рабочий класс хотя уже выделял силы, способные к организации такой борьбы, как это показала деятельность «Северного Союза русских рабочих», но эти силы оказались неиспользованными для этого: социалистическая интеллигенция не понимала тогда роли рабочего класса, не видела самостоятельной ценности и значения рабочего движения; в рабочих она видела тех же крестьян, только более развитых и более восприимчивых к идеям социализма, а потому не могла ни вызвать ни оформить классового движения пролетариата. И одиночки-рабочие, ставшие социалистами, втягивались в революционную борьбу, какую вела интеллигенция, отрываясь от своего класса и не оставляя в нем прочных следов своей деятельности. Халтурин, Обнорский, Крылов, Пресняков, Тетерка, Тим. Михайлов, Тихонов, Феохари,

Панкратов, Антонов, Мартынов и многие другие выдающиеся рабочие-социалисты растворились среди революционеров-интеллигентов, погибали вместе с ними, не сделав почти ничего для создания самостоятельного классового рабочего движения.

И потому, когда к середине 80-х годов было окончательно разгромлено народовольчество, так мало следов осталось от пропаганды среди рабочих, которую в довольно широких размерах вели как народники, так и народовольцы. Оставались одиночки рабочие, случайно уцелевшие от арестов, утерявшие связи с революционными организациями. И только немногие из этих одиночек самостоятельно продолжали вести социалистическую пропаганду среди товарищей...

Разумеется, еще меньше было сделано в 70-ые годы для пробуждения женщин-работниц. Как нам приходилось отмечать в биографиях ряда революционерок, их попытки поступать на фабрики и вести пропаганду среди работниц неизменно кончались неудачей: они наталкивались на такую забитость, невежественность и равнодушие, что быстро складывали оружие. Немногие случаи успешной деятельности среди работниц относятся к ремесленницам-швеям и т. п., которые представляли собою более городской и более культурный элемент. Но и они, пройдя через кружки, отрывались от своего класса — многие из них бросали работу в мастерских, учились на акушерку, сдавали экзамен на народную учительницу и, таким образом, превращались в тех же интеллигенток.

Нас поэтому не должно удивлять, что, на-ряду с именами десятков рабочих-социалистов, выдвинувшихся в 70-ые годы и принимавших активное участие в деятельности революционных организаций, мы не встречаем ни одной работницы-социалистки. Женщина-работница спала еще непробудным сном, и социалисты того времени не сумели, не смогли подойти к ней и пробудить к общественной жизни.

Нам известны только немногие женщины — жены рабочих-социалистов, которые под влиянием своих мужей восприняли социалистические идеи и посильно участвовали в революционной борьбе. Мы можем, например,

назвать Екатерину Созонтовну Моисеенко, жену Петра Анисимовича Моисеенко, которая на протяжении многих лет, точнее — десятилетий, делила с ним все невзгоды его бурной жизни. Неоднократно она участвовала в весьма рискованных предприятиях мужа, предоставляла свою квартиру для революционных целей, выполняла важные поручения организации. Из простой крестьянки, последовавшей за мужем в город и поступившей на фабрику ткачихой, она мало-по-малу превратилась в сознательного товарища своего мужа-революционера, принимала участие в его деятельности и сопровождала его в его многочисленных ссылках в Сибирь и на север и в его скитаниях по России. Социалисткой стала и жена С. Агапова, последовавшая за ним в Сибирь и вместе с ним переносившая преследования администрации.

Яркий пример такой жены-подруги рабочего-социалиста того времени нарисовал в своих воспоминаниях рабочий-шлиссельбуржец В. Панкратов. Рассказывая о своей деятельности в 1883 г. в Харькове, он знакомит нас с членом организации слесарем Вольновым и его женой Анной Вольновой. Вот, что сообщает он об этой «молодой, простой мещаночке»: «К нашему брату — нелегальным она относилась с благоговением и заботливостью любящей сестры и друга. Бывало, когда кто-либо из нелегальных придет к ним, и если она узнает, что это издалека, она не только накормит, будь то за полночь, но и даст чистого белья, сходит куда угодно по поручению и выполнит его не хуже многих из нас. К нашей организации она, конечно не принадлежала, но очень многое знала и была молчалива, как мраморная, в сфере конспиративных дел. Грамоте научил ее муж»...

Когда на квартире Вольнова, у которого жил Панкратов, было решено устроить типографию, Панкратов и другие товарищи указали Вольнову, что они не имеют права подвергать опасности — тюрьмы и ссылки — его жену и ребенка, и он решил отправить ее в деревню, к родителям, объяснив ей, в чем дело. Но Анна Алексеевна ни на какие уговоры не поддавалась — не напугало ее и указание мужа, что при аресте жандармы

могут прибегнуть к пыткам, чтобы вытянуть у нее нужные сведения.

«Если почувствую, что не перенесу, — я убью себя. Не бойся... и не уговаривай: никуда я не уеду... Ты думаешь, я ничего не понимаю. Ты думаешь, если я уеду, вы не провалитесь сейчас же? Как можно остаться вам без женщины? Ты можешь все переносить, а я нет? Я тебе докажу... я вам докажу, что никаких попыток не боюсь... ни за что на свете я вас не оставляю». — кротко, но категорически заявила Анна Алексеевна.

И чтобы испытать, насколько сможет перенести она пытку, Вольнова проделывала над собою жестокие опыты: незаметно жгла себе руку папироской, не выдавая ни звуком испытываемой боли мужу и его товарищам, выжгла раны на груди, терпеливо перенося мучительную боль.

Товарищам Вольнова пришлось замолчать перед этим упорством и силой воли, а Анна Алексеевна осталась в типографии, показав себя надежным, незаменимым работником. Когда впоследствии Вольнов был арестован по делу Германа Лопатина, арестовали и его жену. Анна Алексеевна отлично держала себя в тюрьме и на следствии и пошла за мужем в ссылку на Сахалин, где и погибла в результате перенесенных лишений и испытаний.

Много таких мужественных женщин оказывали прямое и косвенное содействие революционному движению. К сожалению имена их не сохранены историей и эти Анны Алексеевны, жены и матери рабочих, незаметные и неизвестные сходили со сцены, как незаметно помогали своим мужьям и сыновьям и их товарищам.

* * *

Хотя с арестом в конце 1884 года Г. Лопатина центральная организация «Народной Воли» была окончательно разгромлена, народовольческие группы продолжали существовать в ряде городов и вести пропаганду среди рабочих. Но в это же время стали возникать

группы и организации, склонявшиеся к марксизму или уже без всяких оговорок признававшие себя социал-демократическими. Такова была «партия русских социал-демократов», — организация, созданная болгарином Благоевым, Латышевым и другими и уже в 1885 году выпустившая два номера газеты «Рабочий»; группа эта повела энергичную пропаганду среди рабочих и, с переменным составом, просуществовала до 1887 г. В ее составе было несколько женщин-интеллигенток, которых по праву можно назвать одними из первых русских социал-демократок. Укажем, например, зубного врача Цецилию Самойловну Гуревич, работавшую в составе группы и распространявшую нелегальную литературу среди рабочих. В 1886 г., спасаясь от ареста, она уехала за границу, где сблизилась с Плехановым и его товарищами. По возвращении в Россию она была арестована в 1888 г. Уехав на родину в Забайкальскую область, она оказывала значительные услуги политическим каторжанам и поселенцам. Л. Г. Дейч упоминает о ней, как о первой марксистке, которую ему пришлось встретить в России по выходе с каторги.

Вскоре после благоевской группы в Петербурге же возникла другая социал-демократическая организация; создал ее П. В. Точисский, сам поступивший на завод и убедивший двух других товарищей сделать то-же, чтобы легче сблизиться с рабочими. Скоро организованное им «Товарищество петербургских мастеровых» насчитывало значительное количество членов-рабочих; широко была поставлена пропаганда, устрена обширная библиотека. В работе организации деятельное участие принимали сестра ее основателя Мария Точисская, Аркадакская, Данилова (в тюрьме заболела психически). Работа велась, главным образом, среди рабочих-мужчин, но один кружок удалось всё же сорганизовать из папиросниц фабрики «Лаферм» (Анастасия Андреева, Волкова, София Константинова и др.).

Все эти социал-демократические группы и хотя просуществовали недолго и рано или поздно оказывались изъятыми жандармами, оставили после себя ценное наследие — рабочих социал-демократов, на-

столько сознательных и твердо стоящих на своих ногах, что они были в состоянии самостоятельно вести дальнейшую пропаганду социалистических идей среди товарищей по классу. Такие рабочие, как Мефодиев, Филимонов, Егор Афанасьев, В. Шелгунов, воздействовали на своих более молодых товарищей, приучали их читать, снабжая специально подобранной легальной литературой, организовывали кружки, сами руководя ими или подыскивая для них руководителей из интеллигенции.

Так к самому началу 90-х годов в Петербурге сложилась чисто рабочая организация, насчитывающая до 200 членов и руководимая самими рабочими, на которых ложилась вся организационная работа. Обслуживали ее интеллигенты как социал-демократы, так и народовольцы. В этой организации скоро видную роль стали играть и отдельные работницы, из которых некоторые в течение десятилетий не покидали уже рядов борющегося пролетариата.

Первой работницей в этой организации явилась Наталия Александровна Григорьева. Выросла она в воспитательном доме для «незаконнорожденных» детей, а выйдя оттуда сделалась портнихой. Сойдясь с рабочими-социалистами, она скоро усвоила социалистические взгляды и приняла деятельное участие в пропаганде. Когда образовалась центральная рабочая группа, объединяющая все кружки, Григорьева вскоре была включена в ее состав в качестве представительницы кружков Выборгской стороны. Склоняясь к народовольческим взглядам, она работает с так называемой «Группой Народовольцев» (члены которой М. С. Александров, Е. М. Александрова и др. сами уже были в это время на пути к переходу к марксизму) и при разгроме последней в 1894 г. подвергается аресту. После продолжительного тюремного заключения она попадает на 5 лет в Восточную Сибирь. Из Сибири Григорьева возвращается социалисткой-революционеркой. Поселившись в Саратове, она в 1901 г. входит в местный «рабочий комитет», состоявший из рабочих социал-демократов и социалистов-революционеров, активно участвует в его работе, пока снова не подвергается аресту. В 1905 г.

она работает в Одессе тоже с эс-эрами, где снова попадает в тюрьму.

Петербургский воспитательный дом явился вообще очагом, из которого вышла целая группа работниц-социалисток. В первуй очередь следует назвать Веру Маркову, по мужу Карелину. Еще будучи в воспитательном доме, она познакомилась с рабочими-социалистами Грейнертом и Н. Д. Богдановым, а потом и с ткачом Ф. Афанасьевым, умелым пропагандистом, очень много сделавшим для рабочего движения. Они пробудили в ней интерес к чтению, снабжали ее книгами, потом втянули в кружки. В 1890 г., когда ей исполнилось 20 лет, Карелина поступила ткачихой на «Новую Бумагопрядильню». Один из интеллигентов, знавший ее в то время, так отзывается о ней: «Это была развитая, грамотная, умная и очень сомостоятельная девушка, пламенно тяготевшая к общественному делу».

В кружке, который в течение зимы 1890—91 г. посещала Карелина, участвовала еще одна женщина — ткачиха с фабрики Паля Анна Егоровна Гаврилова, по мужу впоследствии Болдырева.

Товарищи направили внимание Карелиной и Гавриловой на положение работниц, и они повели работу среди женщин. Скоро им удалось организовать женский кружок, в который входили ткачихи и бывшие «шпитонки», оставшиеся служить в воспитательном доме. Из участниц этого кружка надо назвать Пашу Желабину, Наталью Кейзер, Феню Норинскую, Машу Маклакову, Елену Николаеву. Собственно, фамилий они, как незаконнорожденные, не имели и получили их только после того, как вышли замуж — мужьями их стали рабочие, с которыми они познакомились в организации, встречаясь на кружковых занятиях и собраниях. Желабина, Кейзер, Норинская, Маклакова, вырвавшись из воспитательного дома, работали на резиновой мануфактуре.

Занималась с этим кружком Екатерина Михайловна Александрова, тогда еще примыкавшая к народовольцам, а потом, в ссылке, ставшая социал-демократкой и одно время игравшая очень крупную роль

в социал-демократической партии. Родилась она в 1864 году, в 1889 г. вошла в «Группу Народовольцев», в 1894 г. была арестована и после почти двухлетнего заключения сослана на 5 лет в Сольвычегодск. В ссылке она не сидела сложа руки и занималась с рабочими-товарищами по ссылке. По окончании ссылки в 1901 г. Александрова поселилась в Смоленске, где примкнула к местной группе «Искры», а вскоре после того была включена, в качестве представительницы «Искры», в состав «Организационного Комитета», подготовившего второй съезд партии. После раскола примкнула к меньшевикам, в 1905 г. была арестована, после октябрьской революции была членом объединенного Центрального Комитета партии, после стокгольмского съезда партии в 1906 году временно от активной работы отстранилась. В 1910—1911 гг. она участвовала в партийной работе в Москве и Петербурге, будучи близка к группе Троцкого, снова подверглась аресту и высылке. После революции 1917 г. работала в Москве, в профессиональном союзе печатников, заведуя культурно-просветительным делом.

Как рассказывает К. Норинский, вспоминая в то время: «женщины наши новые товарищи, внесли новую живую струю: дышать стало еще легче. Женщины дышали энергией и в то же время ненавистью к своим врагам — имущему классу — за все прошлое, пережитое ими и лично и их матерями... Многие из них, связав свою участь с такими же работниками, вели и продолжают вести по сей день борьбу. Они стали матерями нового поколения работников. Самое же главное, они способствовали в трудные минуты жизни вносить в семейную жизнь облегчение; тяжесть, обычно ложившуюся на одни плечи, раскладывать и на свои»...

Норинский отмечает здесь важный факт: появление сознательных работниц имело большое значение для рабочих-социалистов, получивших теперь возможность иметь в своей жене действительную подругу жизни и товарища в борьбе. Сколько рабочих до того и после должны были переживать тяжелые драмы, встречая в своих женах не только равнодушное, но часто и враждебное отношение к своим стремлениям и деятель-

ности ... Сколько сознательных молодых рабочих оставались долгое время одинокими, не находя среди женщин своего класса подруг, разделяющих их убеждения и готовых бороться рука об руку с ними. Только с возникновением массового рабочего движения, когда в него были втянуты самые отсталые слои рабочего класса, в том числе и работницы с фабрик, этот больной для передовых рабочих вопрос получил несколько более благоприятное разрешение. Но и тогда им часто приходилось жаловаться на отсталость и непонимание их товарок по классу.

Однако, не очень радостна была участь большинства этих юных работниц, проснувшихся к сознательной жизни. Связав свою судьбу с рабочими-революционерами, они слишком часто обрекались на почти полный отказ от самостоятельного активного участия в борьбе своего класса: на жену поневоле ложились работы по хозяйству, о детях, ей приходилось содержать детей и мужа, когда он попадал в тюрьму, отправляться за ним в ссылку и т. п. Только в редких случаях семейные заботы не отнимали у такой сознательной работницы возможность участвовать в общественной жизни, продолжать работать над своим умственным развитием. Недаром мы так мало слышим в дальнейшем о многих юных работницах, в годы своего девичества отличавшихся активностью и деятельным участием в жизни рабочих организаций.

В центральный кружок, объединявший все рабочие кружки, входили от женщин в 1892—1893 гг. Карелина и Гаврилова. В ту пору кружковой работы, когда аресты не вырывали чуть ли не каждый месяц участников ее, они имели возможность хорошо друг друга узнать и сблизиться. Не было и такой усиленной полицейской слежки, которая в последующие годы не позволяла собираться в большом числе, ходить друг к другу, чтобы поболтать и провести вместе вечер. Поэтому участники кружков близко сошлись между собою, и среди них установились тесные товарищеские отношения.

В. Карелина так описывает работу и настроения того времени: после того как полиция стала посматривать

за квартирой на Забалканском проспекте, которая служила центральным сборным пунктом, таким центром стала квартира Карелиной и Гавриловой на Глазовой улице. «Это была очень интересная и конспиративная квартира. Помещалась она в злачном месте, где находились и два дома терпимости. В большом здании, где расположились эти учреждения, имелась небольшая квартирка, которую мы и сняли. Неприятное соседство скрашивалось тем, что полиция на нас смотрела такими же глазами, как на обитателей веселых домов, а потому к нам безопасно могли ходить и наши товарищи. Занятия у нас всегда обставлялись так, что в одной комнате пели, играли на гармонике, танцовали, а в другой велись серьезные разговоры, пропаганда. В этой первой комнате обыкновенно мы приглядывались к новым, только-что приглашенным товарищам; если не подходил, мы его больше не знали, а если был свой, скоро переводили в другую, заднюю комнату... Хорошее было время, чистота какая-то в наших отношениях. Бывало, придет много товарищей, засидятся допоздна, домой итти далеко, постелим что-нибудь на полу, ляжем все вповалку и заснем, как убитые. И вышли потом в жизнь из нечистого дома в большинстве чистые и преданные рабочему делу борцы» [...].

В конце концов, проследили и эту квартиру. Карелина с Гавриловой вместе с тремя рабочими устроили новую «коммуну» — сняли квартиру на Полюстровской улице (Выборгская сторона). Это было уже в 1892 году, когда начинается оформление взглядов большинства членов рабочей организации — они начинают склоняться в сторону социал-демократии.

Аресты отдельных руководителей — рабочих Н. Богданова, Филимонова и др. — не останавливали работы, в которой деятельное участие принимал и женский кружок. Почти в полном составе участвовал он и в первой маевке, устроенной в Петербурге. Вскоре после этого произошли многочисленные аресты. В июне 1892 г. была арестована и В. Карелина, у которой взяли обширную легальную библиотеку, обслуживавшую пропаганду. Через 3 месяца ее освободили, но уже в марте следующего года арестовали снова и выслали из Петербурга

под особый надзор полиции. Карелина поехала в Сумы, Харьковской губ., где уже находился ее будущий муж литограф Карелин. Здесь в конце 1893 г. она опять очутилась за решеткой; после шестимесячного заключения в Харькове ее вернули в Сумы, назначив полтора года гласного надзора. Только в марте 1896 г. получила она возможность вернуться в Петербург, как раз накануне знаменитой стачки ткачей. Но об этом времени мы будем говорить особо.

В Сумы к Карелиной приезжала высланная после нее Анна Гаврилова, в 1896 г. получившая приговор—ссылку в Вологодскую губернию, а по возвращении оттуда продолжавшая работать в социал-демократическом «Союзе Борьбы за освобождение рабочего класса». В ссылке Гаврилова, вышла замуж за рабочего Болдырева. В 1905 г., уже в 35-летнем возрасте, она активно участвовала в движении и была представительницей одной ткацкой фабрики за Невской заставой в петербургском совете рабочих депутатов. Была арестована 3 (16) декабря при захвате полицией совета. В последующие годы принимала участие в профессиональном движении текстильщиков. Ныне состоит членом коммунистической партии и продолжать участвовать в общественной деятельности.

* * *

Рабочая организация обслуживалась до 1892 г. группой Бруснева, в состав которой входили главным образом студенты-технологи. С отъездом Бруснева, а потом и с арестом большинства членов его группы, работа эта перешла к С. И. Радченко, Г. М. Крыжановскому, В. В. Старкову и др., составлявшим основное ядро той группы, из которой в 1895 г. образовался петербургский «Союз Борьбы за освобождение рабочего класса» и к которой незадолго до этого примкнули В. Ленин и Ю. Мартов. Союз от пропаганды в кружках перешел к массовой агитации на почве повседневных нужд и требований рабочих; эта агитация за короткое время всколыхнула массы петербургских рабочих и уже к лету 1896 года имела своим результатом стачку 30 000 рабочих текстильных фабрик, завоевавшую рабочим всей России

значительное сокращение рабочего дня, а главное — расшевелившая и втянувшая в борьбу рабочие массы даже в самых захолустных местностях.

«Союз Борьбы» возник из объединения наиболее зрелых социал-демократов Петербурга, сплотивших вокруг себя молодую марксистскую интеллигенцию. В первоначальном составе союза из 17% его членов женщин было четыре: Надежда Константиновна Крупская, Любовь Николаевна Радченко, Зинаида Павловна Невзорова (Крыжановская), Аполлинария Александровна Якубова. Все четверо с этого времени уже не порывали с рабочим движением.

Н. К. Крупская, кончив гимназию во вторую половину 80-х годов, страстно стремилась выработать себе определенное миросозерцание, найти ясный ответ на вопрос: «что делать?». Но время это было мало благоприятно для ее исканий — широкие круги интеллигенции, придавленные разгромом и банкротством «Народной Воли», изверились в революционной борьбе, увлекались толстовским учением о непротивлении злу, мирились с теорией «малых дел», т.-е. приспособления к существующему реакционному режиму и сужения задач общественной деятельности. Только поступив на курсы, Крупская натолкнулась на кружки радикального направления, и участие в них указало ей надлежащий путь. Она принялась за изучение «Капитала» Маркса, который сразу снял завесу с ее глаз и определил ее дальнейшие стремления. С этой поры, с зимы 1890—91 гг. Н. Крупская стала считать себя марксисткой. Через группу технологов она старалась пристроиться к пропаганде среди рабочих, но в ту пору число рабочих кружков было сравнительно незначительно и для обслуживания их было достаточно вполне выработанных социал-демократов, составлявших основное ядро организации.

Не желая отступиться от поставленной себе задачи, Крупская поступает учительницей в Смоленскую школу для рабочих за Невской заставой (Шлиссельбургский тракт), где и работает пять лет, заводя обширные связи среди рабочих и близко ознакомляясь с условиями их жизни. Смоленская школа, как и подобные же школы

Обуховская или на Глазовой улице сыграли громадную роль в развитии рабочего движения в Петербурге. Они давали рабочим те основные знания, без которых они не могли становиться сознательными социал-демократами и самостоятельно перерабатывать читаемые книги; они закладывали тот культурный фундамент, без которого не могло быть прочного усвоения идей марксизма. В этих школах, кроме занятий по русскому языку и математике, преподавались география, история, история литературы. Учителя и учительницы умело пользовались легальным прикрытием официально допущенных предметов и читали рабочим лекции по политической экономии, об аграрном вопросе и пр. Приходилось, конечно, оглядываться, чтобы не узнало всякого рода начальство, но так как сами ученики-рабочие были в молчаливом заговоре с своими учителями, то работа в таком духе велась почти беспрерывно до самой революции 1905 г. Тысячи рабочих и работниц прошли через классы этих школ, получив здесь первоначальную обработку и подготовку к участию в рабочем движении.

Таково было чисто культурное значение Смоленской школы и ей подобных. Но она сыграла не меньшую роль, как резервуар, из которого социал-демократы черпали наиболее способных рабочих, втягивая их в партийную организацию, приобщая к рабочему движению. Учитель или учительница школы имели возможность хорошо присмотреться к своим ученикам, ознакомиться с ними, выделить наиболее обещающих и надежных в революционном смысле. Таких рабочих они сводили с пропагандистами или организаторами, которые уже без особого труда доканчивали начатое — превращали их в социал-демократов и активных работников организации. Н. К. Крупская отмечает, что «рабочие относились к учительницам с безграничным доверием», делясь с ними всеми своими радостями и горестями, сомнениями и вопросами. «Рабочие, входившие в организацию, ходили в школу, чтобы приглядываться к народу и намечать, кого можно втянуть в кружки, вовлечь в организацию. Для них учительницы не все уже были на одно лицо, они уже различали, кто из них насколько

подготовлен... Что случится на тракту, сейчас же все рассказывали, знали — учительницы передадут в организацию... Говорить в школе можно было, в сущности, обо всем, несмотря на то, что в редком классе не было шпика; надо было только не употреблять страшных слов „царь", „стачка" и т. п., тогда можно было касаться самых основных вопросов».

В числе учеников Крупской были многие рабочие, вскоре после того принявшие деятельное участие в движении: прежде всего, И. В. Бабушкин, расстрелянный в 1905 г. карательным отрядом в Чите, Грибакин и др.

Участвуя в работе «Союза Борьбы», Крупская была арестована вскоре после ареста основного его ядра и была сослана в Уфимскую губернию, откуда добилась перевода в Минусинский уезд, Енисейской губернии, чтобы обвенчаться с Лениным. Когда по окончании срока Ленин уехал сперва в Псков, а потом за границу, чтобы налаживать «Искру», Н. К. переселилась в Уфу заканчивать свой срок. Отсюда она тоже уехала за границу и с самого приезда туда до второго съезда летом 1903 г. была секретарем редакции «Искры», заведывая всеми сношениями с членами организации, работавшими в России, видя с ними переписку, осведомляя о ходе дел, давая указания и советы, а также используя материалы и сведения, получаемые из России, для отдела корреспонденций в «Искре». Эта работа Н. К. Крупской, чрезвычайно сложная и кропотливая, требовавшая максимальной точности и внимания, имела громадное значение для «Искры» и для упрочения и расширения ее влияния в России. Она тысячами нитей связывала редакцию с практиками — социал-демократами, работавшими в России, не давала ей оторваться от движения и позволяла откликаться своевременно на все выдвигаемые им вопросы.

После раскола партии, последовавшего вслед за съездом в 1903 г., Крупская продолжала выполнять эту работу во фракции большевиков, оставаясь бессменным секретарем большевистского центра вплоть до революции 1917 г. Дальнейшая ее деятельность слишком хорошо известна, чтобы нужно было рассказывать о ней на этих страницах.

Другой член основного ядра «Союза Борьбы»—Любовь Николаевна Радченко — примкнула к движению в 1890 г. и сразу выделилась своей энергией; она работала вместе с группой технологов — с.-д. (ее муж Ст. Ив. Радченко — инженер-технолог); при возникновении союза на нее и ее мужа возлагается заведывание конспиративно-техническими и финансовыми делами организации. Ей удается дольше других уберечься от ареста, и она вместе с Ст. Ив. Радченко долгое время являются основным стержнем «Союза Борьбы», хранящим его традиции, тогда как большинство его работников сменяется каждые несколько месяцев: полицейская слежка следует по пятам пропагандистов, и очень скоро они оказываются изъятыми и высланными из Петербурга. Особенно энергичную деятельность Л. Н. Радченко развила во время стачки ткачей 1896 года, когда союзу пришлось напречь все силы, чтобы оформить это массовое движение и руководить им.

1900 год застает Л. Н. Радченко в Пскове, под надзором полиции. Здесь в ее квартире состоялось совещание Ленина, Мартова, Потресова и Радченко, положившее начало «Искре», и собеседование с Струве и Туган-Барановским, которые еще не хотели порывать открыто с социал-демократией, хотя внутренне уже далеко ушли от нее. Таким образом, второй раз квартира Л. Н. Радченко послужила местом важных решений в истории партии: осенью 1895 г. в квартире ее и Ст. Ив. Радченко состоялось учредительное собрание петербургского «Союза Борьбы».

Начинается работа по созданию российской организации «Искры»: устройство областных агентур, транспорта и распределения литературы, паспортных бюро и т. п. Л. Н. оставляет своих двух маленьких девочек и уезжает в Полтаву, где стоит во главе искоровской группы, обслуживающей, главным образом, южную Россию. Здесь она, помимо этой работы, вербует новых сторонников «Искре» и находит время руководить кружком поднадзорных работниц. Из Полтавы она переезжает в Харьков, потом в Ростов-на-Дону, продолжая являться одним из руководящих работников «Искры»

в России. Наконец настает и ее час: в 1902 г. мы застаем ее в тюрьме, где ей пришлось пробыть около года. Будучи освобождена до приговора, Радченко переходит на нелегальное положение, на короткое время уезжает за границу, а по возвращении в Россию центром своей деятельности делает Одессу. Здесь с появлением «Стихии» — таково было революционное имя Л. Н., — закипает работа; организуется хорошо оборудованная типография, начинает регулярно выходить нелегальная газета, обслуживающая весь юг.

После октябрьских событий 1905 г. Радченко возвращается в Петербург, на стокгольмском съезде в апреле 1906 г. она избирается в Центральный Комитет, и на ней лежит заведывание всей организационной работой. После лондонского съезда, когда большинство в ЦК переходит к «большевикам», Радченко некоторое время состоит секретарем социал-демократической фракции Государственной Думы. После роспуска Думы и ареста фракции, арестуется и она. После непродолжительного тюремного заключения она высылается из Петербурга и снова поселяется в Пскове, а затем уезжает за границу. Вернувшись в Россию незадолго до войны, Радченко немедленно вновь принимается за работу; она берет на себя заведывание конторой «Рабочей Газеты», издававшейся в 1913 году меньшевиками. Разгром рабочих газет, произведенный им при объявлении войны, заставляет ее поспешно уехать из Петербурга. Она поселяется в Москве, где ее застает революция 1917 г.

Аполлинария Александровна Якубова (по мужу Тахтарева) принадлежала к числу лучших пропагандистов «Союза Борьбы». Как и Н. К. Крупская и З. П. Невзорова, она учительствовала в Смоленской школе. При распределении работы она была направлена в районы Нарвский и Московский. Ей тоже удалось продержаться дольше других, арестована она была в 1897 г. и была сослана на 4 г. в Восточную Сибирь. Отсюда она бежала за границу, где уже находился ее муж, и они оба долгое время являлись заграничными представителями петербургской группы «Рабочая Мысль», редактируя, печатая и организуя доставку в Россию газеты

«Рабочая Мысль», бывшей главной выразительницей так называемого «экономизма». Расходясь с «Искрой» во взглядах, Якубова и Тахтарев тем не менее оказывали ей содействие, а при созыве второго съезда партии в Лондоне много помогли его удачной организации.

Когда «экономизм» в рабочем движении был окончательно изжит, Якубова не примкнула ни к одному из партийных направлений. Вернувшись после революции 1905 г. в Россию, она в течение нескольких лет боролась с тяжелой болезнью (рак), но тем не менее стремилась вести какую-нибудь работу. Насколько позволяли ей силы, она читала лекции в рабочих просветительных обществах, написала несколько научно-популярных книжек (о золоте, о том, как люди научились летать). В 1913 г. она умерла.

Зинаида Павловна Невзорова начала свою партийную деятельность еще до приезда в Петербург, в Нижнем-Новгороде, входя в социал-демократические кружки учащихся. В Петербурге она проработала недолго и была арестована при первых же арестах. Будучи сослана, она вышла замуж за члена Союза Г. М. Крыжановского, и по окончании ссылки в 1900 г. поселилась с ним в Самаре, где они явились представителями «Искры» для всего Поволжья и Урала. Эта самарская агентура «Искры» приобрела немалое значение: через нее проходили десятки социал-демократов, кончивших ссылку или бежавших из ссылки, и здесь происходил подбор подходящих работников, которых Крыжановские направляли в соответствующие организации, снабжая их адресами, паспортами, деньгами и пр.

Когда Г. М. Крыжановский был избран вторым съездом партии в Центральный Комитет, Зинаида Павловна организовала в Киеве секретариат ЦК и руководила его работой.

После 1905 г. Крыжановские поселились в Москве и активного участия в работе партийных организаций не принимали. Но З. П. Крыжановская от рабочего движения не оторвалась — она почти до самого 1917 г. оказывала всяческое содействие легальным рабочим организа-

циям, участвуя в создании и обслуживании рабочих просветительных обществ и т. п.

Кроме этих четырех выдающихся женщин, в Союзе работали десятки других учительниц и курсисток, выполняя самые различные обязанности: одни вели занятия в кружках, другие работали по «технике», отстукивая на машинках и воспроизводя на мимиографах воззвания Союза, третьи разносили их по рабочим районам, четвертые собирали денежные средства, необходимые всякой организации. Многие из них поплатились за это тюрьмой и ссылкой.

Работа Союза налаживалась не без труда. Надо иметь в виду, что немногочисленные кадры сознательных рабочих, подготовленные в период кружковой пропаганды, были почти целиком разгромлены еще арестами 1893—95 гг., так что Союз мог опереться на очень немногих надежных и способных к самостоятельной деятельности рабочих. И после первых же выступлений Союза эти рабочие были сейчас же замечены жандармами и подвергались ссылке или высылке из Петербурга. Поэтому при переходе к агитации в массах Союз почти не имел непосредственной связи с этими массами в лице рабочих, вышедших из их рядов. Это крайне затрудняло работу. Ведь в массе своей петербургские рабочие того времени, особенно фабричные, еще не прониклись верой в свои силы, были еще забиты, не приучились оказывать сопротивление эксплуатации и прижимкам предпринимателей. О социализме громадное большинство не имело ни малейшего представления. И часто, когда на почве произвола и чрезмерной эксплуатации со стороны фабричной администрации возникали стихийные вспышки рабочих, Союзу было очень нелегко установить связь с этими рабочими и оформить их протест. Только после нескольких месяцев его работы, когда петербургские рабочие привыкли к виду его «листков» и убедились в их полезном действии, Союзу уже не было надобности отыскивать связи с рабочими — рабочие сами отыскивали представителей Союза, чтобы сообщить им о своем тяжелом положении и просить выпустить листки или организовать стачку. Поворотным моментом явилась стачка ткачей в мае-июне 1896 г.

А до нее дело иногда обстояло совсем плохо. Мартов, например, рассказывает в своих воспоминаниях, к каким ухищрениям пришлось прибегнуть членам Союза, когда осенью 1895 г. вспыхнула забастовка папиросниц на фабрике «Лаферм». Были понижены расценки, без того нищенские, работницы побросали работу, перебили стекла на фабрике, поломали машины. Градоначальник вызвал пожарных и велел окачивать бушующих папиросниц водою. О «бунте у Лаферма» (фабрика находится в центре Васильевского острова) заговорили в городе, Союз считал необходимым вмешаться, но связей с папиросницами у него не было, и он даже не располагал точными сведениями об условиях работы на фабрике, будучи поэтому лишен возможности выпустить листок по поводу стачки и формулировать требования работниц. Командировали Сильвина и Ленина, которые попробовали собрать нужные сведения в одном из соседних трактиров, но ничего толком не узнали; посетители рассказывали лишь подробности о «сражении» папиросниц с полицией и пожарными. Удачнее была разведка другого члена союза — С. А. Гофмана, который толкался в кучках работниц, толпившихся у фабрики, и расспрашивал то одних, то других о происшедшем, об условиях их труда, о прижимках администрации и причинах, вызвавших стачку. При помощи таких расспросов он получил достаточно данных, рисующих положение работниц и позволивших написать прекрасное воззвание. Листок был немедленно напечатан, но возникло новое затруднение — как распространить его среди папиросниц, с которыми не было никаких связей? Тот же Гофман придумал такой способ: когда стачка прекратилась (она продолжалась всего несколько дней), он подходил к фабрике к моменту окончания работы и следовал за группами работниц, расходящихся по домам. Он замечал все домишки, в которые заходили эти работницы, пока не исчезала последняя, а потом шел обратно и просовывал под двери замеченных домов и квартир по несколько прокламаций. Бывало, что в каком-нибудь безлюдном переулке он решался всунуть свои прокламации прямо в руки последней из оставшихся работниц.

Такие же затруднения приходилось преодолевать и летом 1896 г. во время стачки ткачей, когда движением были увлечены и самые отсталые фабрики. Особенно трудно было связаться с работницами таких фабрик. Сознательные работницы, получившие подготовку в кружках, к этому времени почти все были высланы из Петербурга; Наталия Кайзер и Федосья Норинская были арестованы уже в декабре 1895 г., а А. Гаврилова была сослана еще раньше. Оставалась только Паша Желабина и Вера Карелина, как раз весною вернувшаяся в Петербург. Они оказали Союзу значительную помощь, собирая работниц, получая от них необходимые сведения, распространяя воззвания Союза. Выделилась также своей энергией ткачиха Поля Бобкова, поплатившаяся за свою работу несколькими месяцами тюрьмы и ссылкой в Вятскую губернию. Паша Желабина тоже через некоторое время была арестована и потом очутилась под надзором полиции в Полтаве.

Кроме перечисленных лиц, в работе Союза участвовали еще многие другие женщины. Одна из них, намеченная кандидаткой в центр Союза, а именно Инна Гермогеновна Смидович, отличавшаяся всегда страстным отношением ко всякому делу, за какое бралась, с головой ушла в работу Союза; она и руководила кружками, и переходила из одного района в другой, отыскивая новые связи, и лично раздавала рабочим воззвания, когда они толпами высыпали из ворот фабрики в обед или по окончании работ.

Смидович стала марксисткой за несколько лет до своего вступления в Союз. В голодный 1891 год она ездила в деревню устраивать столовые для голодающих и вместе с тем вести агитацию среди крестьян. Просидев около года в тюрьме по делу Союза, И. Г. Смидович была сослана в Вятскую губернию, откуда довольно скоро бежала за границу; здесь она сразу примкнула к редакции «Искры», как только приехали из России Ленин и Потресов, и до приезда Н. К. Крупской была секретарем редакции. Потом она принимала участие в организации контрабандной перевозки «Искры» в Россию, а в 1902 г. нелегально вернулась, но скоро была арестована в Киеве. Однако, Смидович решила бежать

и без всякой помощи со стороны очень скоро выполнила свое намерение. Когда ее вели на допрос, она во дворе участка потребовала от жандармов, чтобы ее провели в уборную. Оставив их караулить за закрытыми дверями, она в одну минуту скинула бывшую на ней дорогую шубу и меховую шапку; под шубой была дешевенькая верхняя кофта; накинув платок, она быстро вышла из уборной. Превращение ею было проделано так быстро, ее фигура так изменилась, что жандармы приняли ее за другую женщину, до прихода Смидович находившуюся в уборной. Пройдя мимо жандармов, Смидович спокойно вышла на улицу, в нескольких шагах от участка села на извозчика и, когда жандармам надоело ее ждать и они обнаружили ее исчезновение, она была уже на безопасной квартире.

Пробыв некоторое время за границей, Смидович опять отправилась в Россию на партийную работу. 1905 г. застал ее в Севастополе, где она занималась очень трудными и опасными делами — пропагандой среди солдат и матросов. Ей приходилось проникать в казармы под видом солдатской «подружки», встречалась она с солдатами и матросами на специально содержавшихся для того квартирах и за городом. Она пользовалась среди военных громадным успехом и оказала на них большое влияние; когда вспыхнуло в конце 1905 г. восстание на «Пруте» и весь Севастополь пришел в движение, И. Смидович приняла самое деятельное участие в разыгравшихся событиях, выступая с пламенными речами на многотысячных митингах солдат и матросов. Скоро ее знал весь город и после подавления восстания ей грозила очень большая опасность. С трудом удалось ей выбраться из Крыма. Она благополучно добралась до Петербурга, где и оставалась в течение нескольких лет.

Из старых социал-демократок надо назвать еще Лидию Михайловну Книпович, известную в широких партийных кругах под именем «Дяденька». Родилась она в 1856 г. и в годы своей молодости примыкала к народовольцам; марксисткой она стала только в 90-ые годы. В Петербурге она поселилась в 1889 г. и занялась здесь культурно-просветительной работой

среди рабочих. Начало широкой социал-демократической агитации застало ее учительницей в Смоленской школе. Она оказывала содействие социал-демократам, будучи, между прочим, посредницей между «Союзом Борьбы» и группой народовольцев, которая в своей типографии печатала нужную Союзу литературу. При аресте группы в 1896 г. была арестована и Книпович; после продолжительного заключения в тюрьме она была сослана в Астраханскую губернию, где оказала большое влияние на ссыльную молодежь. Когда возникла «Искра», Книпович энергично поддерживала ее всеми средствами: писала корреспонденции, подыскивала корреспондентов в других городах, связывала «Искру» с работавшими группами, собирала деньги. По возвращении в Петербург она почти без перерыва состояла секретарем петербургского комитета большевиков и заведывала, как особо опытный и конспиративный работник, техникой, т.-е. нелегальными типографиями. Неоднократно подвергалась она арестам, но ей удавалось без серьезных последствий вновь оказываться на свободе. Н. К. Крупская, которая долгие годы работала с Книпович, так отзывается о ней: «На нее можно было положиться, как на каменную стену. Никогда ни одного лишнего слова, ни одного лишнего вопроса, ни одного намека на свою или чужую революционную работу. Она вкладывала в работу всю свою душу, ненавидела болтовню, фразу, она не была ни оратором ни писательницей, зато была незаменимым организатором. Надо ли было организовать распространение нелегальной литературы, поставить работу в районе, организовать явку,— никто не делал это так умело, как товарищ Лидия. Она умела втягивать людей в работу и воспитывать их на работе. Сама она беззаветно отдавалась работе, не жалея сил и здоровья. Влияние ее на молодежь было очень велико . . .».

Гражданская война застала Л. М. Книпович в Крыму, в Симферополе, где она поселилась для отдыха и лечения. Уже в преклонных летах и больная, она должна была переносить все те лишения, какие обрушились на Крым в 1919—20 годах. Она лишилась слуха, сердце плохо работало, а питание было недостаточное, в квар-

тире холодно... Схватив воспаление лёгких, она после продолжительных страданий умерла 10 марта 1920 г.

При возникновении социал-демократической деятельности в других городах России почти везде в ней участвовали, иногда играя выдающуюся роль, также и женщины, некоторые из которых потом уже не порывали с рабочим движением. Многих из них уже нет в живых.

В Москве выделялись Пелагея Ивановна Винокурова и Вера Михайловна Величкина (Бонч-Бруевич). Винокурова, родившаяся в 1871 г., уже в 1891—2 гг. состояла членом первого интеллигентского марксистского кружка, из которого в 1893 г. выделилась группа, во главе с С. И. Мицкевичем, для пропаганды среди рабочих. В этой работе деятельно участвовала и П. И. Винокурова, которая также одна из первых занялась пропагандой среди работниц, устраивая кружки ткачих, портных и др. Для расширения связей с рабочими она стала заниматься в воскресной школе. Кроме этого, Винокурова занималась и литературной работой — писала прокламации, переводила социал-демократические брошюры и т. п. Будучи арестована в конце 1894 г., она была выслана в Екатеринослав, где вместо со своим мужем продолжала свою деятельность.

Вера Михайловна Величкина пришла к социал-демократии через толстовство. Дочь московского священника, отличавшегося от своих собратий человеколюбием и бескорыстием, В. М. благодаря своим старшим братьям студентам рано заинтересовалась общественными вопросами. Кончив гимназию, она несколько лет провела дома, тяготясь безделием, но не находя себе подходящего дела. Голод 1891 г. дал ей это дело. Она поехала к Л. Толстому и была направлена им в Рязанскую губернию для организации столовых для голодающих крестьян. Здесь она работала более года, а потом поехала в Швейцарию изучать медицину; вместе с тем она знакомится с социал-демократической литературой, постепенно усваивая идеи марксизма. За границей же она начинает свою литературную деятельность в нелегальной печати, помещая статьи о преследовании

в России духоборов и последователей Толстого. В один из своих приездов на каникулы домой, в 1894 г., В. М. была арестована в связи с делом народоправцев и после нескольких месяцев тюремного заключения выслана на 2 года под надзор полиции. Это время она провела в Воронежской губернии, работая в деревне фельдшерицей.

В 1895 г., вернувшись в Москву, В. М. Величкина непродолжительное время работает в социал-демократической организации, в следующем году снова уезжает за границу, где сближается с группой «Освобождение Труда». Кончив медицинский факультет, она сопровождает в качестве врача духоборов, которых гонения царского правительства заставили переселиться в Канаду. Кроме этого, она за границей усиленно занимается литературной работой — пишет популярные книжки на разные темы, много переводит. По возвращении в Россию ее арестуют на границе; в тюрьме она сильно заболела, ее выпустили почти накануне родов — ребенок умер вследствие тяжелых условий жизни матери в тюрьме. В 1901 г. В. М. Величкина, вышедшая тем временем замуж за В. М. Бонч-Бруевича, снова уезжает для лечения за границу, где остается до революции 1905 г. Она принимает участие в работе заграничных партийных организаций, после раскола примыкает к большинству, оказывает большое содействие отправке литературы в Россию. В Петербурге ей не удалось войти в работу — уже в начале декабря она попадает снова в тюрьму, в которой проводит несколько месяцев. По освобождении она принимается за работу в рабочих просветительных обществах, продолжает заниматься составлением и переводом популярных книг, а с введением страхования рабочих работает врачом в больничной кассе.

Во время войны В. М. Бонч-Бруевич отправляется врачом на фронт где проводит полтора года. В февральские дни 1917 г. она организовала революционный Красный Крест для оказания помощи раненым на улицах, а затем с первого дня выхода «Известий» Петербургского совета состояла секретарем редакции до перехода ее к меньшевикам. После октября 1917 г. она стала работать сперва в Петербурге, потом в Москве по созда-

нию новой организации врачебно-санитарного дела, очень увлекаясь этой работой, отдавая ей все свое время и силы. Особенное внимание уделяла она заботам о детях, организации бесплатного питания их в школах. В сентябре 1918 г. она заразилась от одной больной испанкой и через несколько дней умерла, дожив всего до 50 лет.

Одним из старейших работников рабочего движения является Ольга Афанасьевна Варенцова, которой многим обязано движение в Иваново-Вознесенске и его районе. Родилась она в 1862 г. в Иваново-Вознесенске, где и училась в гимназии, по окончании которой уехала в Москву на курсы. В первый раз ей пришлось познакомиться с тюрьмой в 1887 г., когда она была арестована за участие в народовольческих кружках; спустя 4 месяца ее освободили, а потом по приговору ей было назначено 6 месяцев тюрьмы. Уехав на родину, она через некоторое время усваивает социал-демократические взгляды и в 1893 г. приступает к пропаганде среди иваново-вознесенских рабочих. Ей удалось проработать здесь до 1897 г., когда она была арестована вместе с другими членами организации; дело кончилось ссылкой на 2 года в Уфимскую губернию (после 9 месяцев предварительного заключения). Окончив ссылку, О. А. Варенцова прожила некоторое время в Уфе, где ознакомилась с планом создания «Искры» и с взглядами ее вдохновителей. Она без колебаний присоединилась к ним и решила завоевать для «Искры» Иваново-Вознесенск и вообще весь центральный промышленный район. В самом Иваново-Вознесенске ей было воспрещено жить, и она поэтому поселилась в Воронеже, где имелась группа солидных социал-демократов, из которых некоторые были хорошо знакомы с районом. Вместе с В. Носковым и Доливо-Добровольским (оба они уже умерли) О. А. Варенцова пришла к мысли о создании центральной организации, которая обслуживала бы работу в текстильных центрах — Иваново-Воснесенске, Костроме, Ярославле и ряде других промышленных местечек (Кохма, Шуя, Кинешма). Весь этот район, насыщенный рабочими, представлял собою весьма благоприятную почву для партийной работы, но она могла

вестись с успехом только при централизации сил и средств: в большинстве этих чисто пролетарских пунктов не было местной интеллигенции, могущей обслуживать работу; силами местных рабочих групп было невозможно наладить должным образом получение нелегальной литературы, связь с заграницей, частое издание листков и т. п. Только специальная организация, опирающаяся на все местные группы, была способна поставить нелегальную типографию, привлекать для работы в районе профессионалов-пропагандистов и организаторов, всецело отдающих себя в распоряжение организации, собирать необходимые денежные средства, снабжать паспортами нелегальных и пр. Исходя из этих соображений, Варенцова вместе с названными товарищами задумала создать «Северный Рабочий Союз». Они энергично принялись за дело. Варенцова использовала свои обширные связи и знакомства и привлекла к работе по созданию Союза несколько очень ценных работников, которые и были направлены в местные организации. Затем, заручившись поддержкой воронежской группы, она отправилась в объезд района, побывав в Иваново-Вознесенске, Костроме, Ярославле и пропагандируя идею Союза. Поселившись в Ярославле и приняв участие в восстановлении здесь рабочей организации, Варенцова продолжала вести подготовительную работу для создания Союза; усилия эти увенчались успехом, и летом 1901 г. в Кинешме состоялось совещание четырех главных организаций района, положившее начало официальному существованию Северного Союза и оформившее его организацию. Варенцова, как это вполне понятно, была избрана в Центральный Комитет Союза, в составе которого ей принадлежала руководящая роль.

Перед первым мая 1902 года Союз был разгромлен жандармами, и Варенцова снова очутилась в тюрьме; просидев на этот раз 15 месяцев, она была сослана на 3 года в Архангельскую губернию, но амнистия 1905 года вернула ее из ссылки до срока. Побыв некоторое время в Москве и Петербурге, она вернулась в Иваново-Вознесенск, где с лета 1906 г. по январь 1908 г. состояла членом комитета; работа ее была прервана арестом (4 ме-

сяца в тюрьме) и ссылкой в Вологодскую губернию. Вернувшись из ссылки, она возобновила работу в Иваново-Вознесенске, но скоро была арестована в Кинешме на областном совещании партийных организаций. Пробыв в тюрьме 4 месяца, Варенцова по освобождении уехала в 1912 г. в Москву, где принимала участие в партийной работе; 1913 г. она была опять арестована и после 4-месячного заключения подверглась ссылке в Олонецкую губернию.

Из этой ссылки Варенцова вернулась незадолго до революции. После революции работала на ответственных постах в ряде организаций коммунистической партии; в настоящее время она живет в Москве, работая в комиссии по изучению истории партии.

Из иваново-вознесенских работников, которые много сделали для развития рабочего движения в районе, надо назвать еще рано умершую Елизавету Аркадьевну Володину. Одна из первых социал-демократических пропагандистов и организаторов в Иваново-Вознесенске, она создала там первый кружок работниц. Сама работница, она имела обширные связи и знакомства среди рабочих. В 1893 г. она была арестована и провела в тюрьме 8 месяцев; по освобождении продолжала работу, распространяя литературу в районе Иваново-Вознесенска; несколько раз подвергалась аресту, отсидела по приговору 6 месяцев в петербургских Крестах. В качестве члена Иваново-Вознесенского комитета участвовала в Кинешемском совещании, положившем начало Северному Рабочему Союзу; в 1902 г. была арестована по делу Союза, в конце 1903 г. сослана на 4 года в Восточную Сибирь, где и скончалась 28 лет от роду.

На юге социал-демократическое движение началось несколько позже, чем на севере. В ряде городов — Киеве, Одессе, Харькове, — не малую роль в его развитии сыграли работницы-ремесленницы из Западного Края и Польши, прошедшие там первоначальную социал-демократическую школу.

В Киеве среди первых деятелей социал-демократии выделились С. В. Померанец-Перазич, В. Г. Крыжановская и работницы Раиса Страж и Ольга

Вольфсон. Страж после работы в Киеве примкнула к группе «Рабочее Знамя» и вместе с своим мужем Р. Фридманом организовала в Белостоке нелегальную типографию, в которой печатались газета «Рабочее Знамя» и другие издания. В 1898 г. типография была захвачена, и Страж после почти двухлетнего заключения была сослана на 5 лет в Восточную Сибирь. О. Вольфсон начала свою революционную деятельность в Гомеле, потом работала в Вильне, в 1894—1895 г. в Киеве, затем в Кременчуге, где впервые была арестована. Поселившись после этого в Одессе, она участвовала в работе местной организации и связывала ее с группой «Рабочей Газеты», подготовившей первый съезд партии. Через нее шло распространение литературы в ряде городов. В 1898 г. она была арестована, провела два года в тюрьме, а после того сослана в Сибирь. Добившись через некоторое время перевода в Красноярск, она работала здесь в недавно возникшей организации. Бежав из ссылки за границу, Вольфсон после революции 1905 г. вернулась в Россию, недолго вела партийную работу, но скоро уехала в Америку, где спустя некоторое время умерла.

Софья Владимировна Померанец-Перазич стала социал-демократкой за границей, где училась на зубоврачебных курсах. В 1893 г. она решила вернуться в Россию, чтобы отдаться партийной работе, и выбрала с этой целью Киев. Здесь она в скором времени самостоятельно повела социал-демократическую пропаганду в кружках рабочих и, главным образом, работниц, с которыми ее свели ее знакомые.

В каких трудных условиях приходилось тогда вести пропаганду среди работниц-ремесленниц и как неблагодарна она часто бывала, можно судить по следующему рассказу С. В. Померанец: «Вспоминается мне один кружок на Подоле. Кто-то доставил мне знакомство с кем-то из работниц одной мастерской. Через нее у меня получился кружок в 8 человек. Это были еврейские девушки-портнихи, работавшие при ужасных условиях. Они спали на полу и ели в той же комнате, в которой работали; для занятий с ними приходилось выбирать время, когда бездетные хозяин и хозяйка мастерской

уходили куда-нибудь в гости. В то время Раиса Страж (она была замечательная мастерица) работала в какой-то очень важной мастерской на Крещатике. И вот она бросает свою работу и поступает в эту мастерскую на нищенскую плату и через неделю устраивает там забастовку, в результате которой мастерицы получают отдельную комнату и какое-то повышение заработной платы. Раиса, разумеется, уходит из мастерской, а я продолжаю занятия с кружком. Вспоминается еще один кружок, в котором была масса девиц из какой-то очень богатой мастерской. Кружок этот вела Крыжановская, но у нее дело как-то не клеилось, и наш центр решил передать его мне. В первое воскресенье дело у меня пошло, показалось мне, прекрасно, девицы слушали мои речи с вниманием и ставили вопросы. Но на второе воскресенье, когда я пришла туда, ко мне вышло несколько девиц, и я увидела что они мнутся, а в соседней комнате я уведила несколько человек кадет и офицеров и пиво и водку на столе, и я ушла, сразу решив, что не стоит здесь тратить силы...».

Очень скоро Померанец вошла в местную социал-демократическую группу; по предложению последней она приютила на своей квартире «технику» группы; сперва это были пишущая машинка и мимеограф, на которых печатались листки и рабочая газета «Вперед», потом их сменил печатный станок. В ее квартире были набраны А. Поляком и напечатны оба вышедшие в 1897 и 1898 гг. номера «Рабочей Газеты», бывшей предшественницей «Искры». На Померанец была возложена также и развозка отпечатанных номеров. После этого типография из ее квартиры была увезена, а квартирой стали пользоваться для собраний центра организации. Когда вслед за первым съездом партии в 1898 г. последовали массовые аресты по всей России, была арестована и Померанец. По возвращении из ссылки, она некоторое время работала в Петербурге, читая лекции в рабочих клубах, потом проживала за границей, откуда вернулась в 1917 г. Примыкала все эти годы к меньшевикам, в 1922 году вступила с мужем в коммунистическую партию.

В Харькове среди первых социал-демократических деятелей выделилась своей талантливостью Евдокия Семеновна Сысоева-Левина. Еще в 1893 г. она вошла в организацию, возникшую из марксистских кружков самообразования, которыми руководил Н. Чеpеванин. Летом 1898 г. она была арестована и потом была выслана в Полтаву. Здесь она не порывала связи с харьковской организацией, а потом примкнула к группе, издававшей газету «Южный Рабочий». Для этой газеты она написала ряд талантливых статей и очень яркий рассказ «Мститель», производивший сильное впечатление. Сысоева писала также хорошие стихи (были изданы маленькой книжкой в 1905 г.). В 1903 г. была, как и Л. Книпович и Л. Махновец, делегаткой на II с'езде партии; это были единственные делегаты-женщины. Страстная, впечатлительная и неуравновешенная, она в разгар своей деятельности покончила самоубийством, бросившись в море. Одною из причин, толкнувших ее к этому, было сильное разочарование и потрясение, вызванное происшедшим на съезде расколом.

Можно назвать еще многих женщин — работниц и интеллигенток, — внесших свою долю при создании рабочего движения на юге. Многие из них умерли, другие отошли от движения, но не мало и таких, которые с середины 90-х годов до настоящего времени служат — в той или иной области — делу рабочего класса. Достаточно упомянуть А. Л. Соколовскую, работавшую в Николаеве, Одессе, Петербурге, Е. Адамович, работавшую во многих городах (Екатеринослав, Харьков), П. О. Гордон (Вильна, Минск, Одесса, Екатеринослав, Ростов), Л. Сталь.

Конечно, чем более массовый характер приобретало рабочее движение, тем меньше значения имели в нем отдельные лица, хотя бы и выдающиеся своими способностями и энергией. Поэтому в дальнейшие годы нас интересуют уже не те или иные лица, а самый характер движения, его проявления и формы, достигнутая им ступень сознательности и организованности.

ГЛАВА VII.

МАССОВОЕ ДВИЖЕНИЕ.

«Бой за правду» максвелевцев. — «Обуховская оборона». — Всеобщие забастовки на юге летом 1903 г. — «Кровавое воскресение». — 1905 год.

В стихийно-пробуждавшееся рабочее движение социал-демократические группы вносили, по мере сил, элементы сознательности и организованности. Но понадобилось много лет упорной и самоотверженной работы, чтобы рабочие массы прониклись классовым сознанием и воспитали в себе те чувства классовой солидарности и дисциплинированности, какими отличалось русское рабочее движение в последующие годы. Вырабатывались они постепеннно, и уже очень скоро после того, как социал-демократы приступили к агитации в массах, в отдельных случаях ярко проявлялась солидарность рабочих, сознание ими общности классовых интересов, готовность жертвовать собою во имя общих классовых задач.

Всеобщие стачки ткачей происходят в Петербурге в 1896—97 годах, в 1900 г. рабочие впервые начинают ознаменовывать 1 мая забастовкой, в 1901 г. начинаются рабочие первомайские демонстрации, в 1903 г. — во всех промышленных центрах юга России происходят всеобщие стачки, принимающие политический характер; 9 января 1905 г. в Петербурге вызывает первую всероссийскую забастовку, а в октябре 1905 г. новая всероссийская забастовка наносит самодержавию первый решительный удар, подготовивший его окончательное падение.

Во всех этих массовых движениях заметную роль играли и женщины рабочего класса. Несмотря на свою отсталость, на связанность семейными и иными путами, они втягивались в общее движение масс и выделяли из своей среды достаточно смелых и решительных женщин, сознающих свою связь со всем рабочим классом и готовых участвовать в общей борьбе.

Не забудем, что к началу девятисотых годов на фабриках и заводах работало более полумиллиона женщин — целая армия работниц, вырванных из ограниченной и принижающей обстановки семьи, привыкших к самостоятельности, ежедневно на самих себе испытывающих капиталистическую эксплуатацию, вынужденных ежедневно отстаивать свои интересы от покушений мастеров, управляющих, фабрикантов. Фабричная работница постепенно становилась борцом — сперва за свои непосредственные интересы, потом за интересы своего класса. Нелишне отметить, что как раз в текстильной промышленности, где около половины рабочих, а часто и больше половины состояло из женщин, стачки, раз вспыхнув, отличались в большинстве случаев наибольшим упорством.

Ознакомимся же с главными этапами, какими отмечено рабочее движение вплоть до октябрьских дней 1905 г., и посмотрим, каково было участие в них работниц.

После петербургской стачки ткачей 1896 г. обращает на себя внимание непродолжительная стачка на фабриках Максвеля и Паля за Невской заставой, вспыхнувшая в середине декабря 1898 г. Поводом к стачке послужило систематическое ухудшение условий труда и понижение расценок. Забастовка протекала дружно, и фабриканты прибегли к помощи полиции, чтобы сорвать ее. Делались попытки провоцировать рабочих на насильственные действия, чтобы иметь повод прибегнуть к военной силе для «подавления беспорядков». Но рабочие сразу разоблачали полицейских агентов-подстрекателей и изгоняли их из своей среды. Тогда начались аресты наиболее сознательных рабочих. Это вызвало сильное возбуждение среди бастующих. Особенно возмущало их, что полиция совершает свои набеги среди

ночи, вламываясь в квартиры, будоража всех живущих в общежитиях, пугая детей. Когда вечером 15 декабря рабочие, жившие в максвелевских фабричных казармах, увидели, что дворовые собаки заперты в сарай, они поняли, что ночью предстоит новая облава. Они решили не пускать полицию. И когда в первом часу ночи явился пристав с соответствующей свитой, не спавшие рабочие не впустили его, требуя, чтобы он приходил днем.

Полиция воспользовалась удобным случаем «проучить» рабочих. Пристав удалился, вызвал усиленные полицейские наряды (всего до 500 человек). Фабричная администрация, не скупясь, напоила полицейских и жандармов. Отряд под руководством полицмейстера приступил к штурму казармы. «Рабочие при приближении полиции ушли внутрь дома и заперли двери. Полиция выломала их и ворвалась на лестницу. На лестнице стояли рабочие; некоторые из них стали кидать в нападавших поленьями и чем попало... Рабочие пустили в ход все имевшееся у них „оружие": бросали из окон поленья, стамески и другие инструменты, лили кипяток. Помогали женщины и дети. Все это летело на головы полицейских, их которых 8 было ранено. С поднятием полицейских по лестнице, рабочие нижних этажей разбегались по своим камерам и запирались на ключ. Полиция поднималась, держа впереди сорванные с петель двери; у некоторых были в руках обнаженные шашки...».

Так, этаж за этажом отстаивали рабочие, пока полиция не заняла все здание. Это было уже к утру: «бой за правду», как прозвали рабочие это сражение с полицией, длился несколько часов. Началась расправа. Полиция обходила комнаты и хватала рабочих по указанию фабричных наушников и шпионов. На дворе в два ряда были расставлены конные городовые и жандармы, с нагайками в руках, и арестованных рабочих проводили мимо них, нещадно избивая нагайками и шашками. У многих рубцы и раны не заживали спустя полтора месяца, у многих были выбиты зубы, повреждены уши, глаза...

Этой расправой власти не ограничились. Решено было предать суду главных участников сопротивления.

Из всей массы рабочих было выхвачено 15 человек, в том числе 4 работницы, и преданы суду судебной палаты. Приговор был достаточно суровый: четверо рабочих были приговорены к заключению в тюрьму на год, четверо — на 8 мес., три женщины получили по 3 недели тюрьмы. При вторичном разбирательстве дела (сенат по жалобе рабочих отменил первый приговор) наказания были несколько понижены. Каково было настроение осужденных, видно по тому, что они наотрез отказались последовать совету своих защитников — подать просьбу царю о помиловании. Они прониклись ненавистью к самодержавию и его приспешникам.

Надо заметить, что максвелевская стачка характерна не только этим сопротивлением произволу полиции. Рабочие были вообще настроены революционно. Когда обсуждался вопрос о выпуске прокламации по поводу стачки, они потребовали, чтобы в них, кроме экономических требований, были включены также требования свободы стачек и собраний, что и было сделано. Работу среди рабочих Максвеля и Паля вела группа «Рабочего Знамени», в которую входили С. Антропов, О. Звездочетова, М. Смирнов, В. Ногин, С. Цедербаум и др., и которая в своей пропаганде и агитации старалась связывать экономическую борьбу рабочих с борьбой политической. Это отличало ее от преобладавшего тогда в «Союзе Борьбы» направления, которое политическую агитацию считало преждевременной. Максвелевские рабочие показали, что русские рабочие уже созрели для политической борьбы.

И во время стачки и при сопротивлении полиции работницы принимали деятельное участие. Во время схватки с полицией они подбадривали мужчин, подавали им поленья и кипяток, сами швыряли в нападавших все, что попадало под руку. Многие из них сильно пострадали от избиения. Преданные суду работницы держались не хуже своих товарищей-мужчин.

Не прошло и трех лет, как за той же Невской заставой произошло новое сражение рабочих — на этот раз не только с полицией, но и с войсками, притом гораздо более серьезное и сопровождавшееся гораздо большими жертвами. Событие это известно под названием «Обу-

ховской обороны» — рабочие Обуховского завода в течение пяти часов отбивали нападения нескольких сот конных городовых, жандармов и пехоты. Впечатление от этого сопротивления было тем сильнее, что незадолго до того состоявшаяся студенческая демонстрация на площади Казанского собора (4 марта), в которой участвовало несколько тысяч человек, буквально в несколько минут была смята и рассеяна, без всякого сопротивления со стороны участников.

На Обуховском заводе работало в ту пору свыше 6 000 человек. В последнее время расценки систематически понижались, многих рабочих рассчитывали в виду все обостряющегося промышленного кризиса. Усиливалось возбуждение и недовольство рабочих. Предмайская агитация социал-демократии встречала сочувственный отклик. И хотя передовые рабочие завода не приняли определенного решения относительно празднования 1 мая, в этот день не вышло на работу свыше 1 000 человек. Большинство оформило свою неявку — брали накануне у мастеров увольнительные записки. Тем не менее начальник завода решил наказать крамольников. Уже через три дня было объявлено об увольнении нескольких десятков рабочих, главным образом из пушечной мастерской, которая почти в полном составе праздновала 1 мая. Эти расчеты вызвали сильное возбуждение среди рабочих, тем более, что упорно держался слух о предстоящих дальнейших увольнениях. Более сознательные рабочие и члены кружков стали собираться и обсуждать вопрос о том, что делать. Учитывая настроение всей массы, готовой заступиться за пострадавших товарищей и недовольной заводскими порядками, решили поднять ее на забастовку.

7 мая с утра было заметно сильное брожение на заводе, а в обед одна за другой забастовали все мастерские. Рабочие все массой вышли на тракт, предварительно предъявив начальнику свои требования; на первом месте стояло требование об обратном приеме на завод всех уволенных, потом шли требования о повышении расценок, отмене сверхурочных работ, введении 8-часового рабочего дня и т. п. Более пожилые рабочие стали расходиться по домам, а остальные двинулись тол-

пою по Шлиссельбургскому тракту. Вышла очень внушительная демонстрация.

Очень скоро появились конные городовые и жандармы, а потом была вызвана и пехота. Полиция три раза пыталась рассеять толпы, но рабочие каждый раз встречали ее камнями, вырываемыми из мостовой, и она вынуждена была отступить. Вызвали с другого берега Невы команду матросов, постоянно находившуюся при заводе. Пристав скомандовал стрелять: залпом был убит рабочий Максимов и смертельно ранен 12-летний мальчик, сын рабочего; кроме того, ранено несколько человек, в том числе посторонние — например, рабочий, выглянувший в окно одного из соседних домов.

Рабочие решили не дать полиции разогнать себя, как она разогнала, избивая нагайками, недавнюю студенческую демонстрацию. Они оказали упорное и злобное сопротивление. В полицию со всех сторон летели камни. «Слышался стук шашек, удары нагаек, стоны и крики, — рассказывает один из участников: — летели отовсюду камни, лошади бросались в сторону, некоторых городовых и жандармов рабочие стаскивали с лошадей, многие сами соскакивали, чтобы укрыться от камней за лошадьми. Жандармы были смяты и стали отступать в тупой переулок... Полицмейстер распорядился стрелять... Раздалось один за другим несколько залпов, — несколько человек упало, их подхватывают товарищи и несут в больницу или куда-нибудь в сторону. Лишь только раздается залп, как рабочие выбегают из-за заборов и переулков и пускают целый дождь камней. И так повторялось несколько раз...».

К обуховцам на помощь пришли работницы Карточной фабрики, собирая и поднося им камни. Между тем полиция получала все новые подкрепления, сопротивляться на открытом месте рабочие больше не могли. Наиболее решительные из них отступили в двухэтажные дома общежитий и квартир Карточной фабрики и продолжали оттуда осыпать полицию камнями: женщины через задние ходы приносили им в подолах камни, которые вместе с детьми вырывали под выстрелами из мостовой. «Полиция три раза приступом про-

бовала взять флигеля, но всякий раз была отброшена. И только когда рабочие обессилили, когда истощился запас камней, когда прибыл чуть ли не целый полк саперов, тогда только начали они сдаваться...».

Ворвавшиеся в дома солдаты и полиция стали хватать всех находившихся там — стариков, женщин и детей, даже больных, из которых большинство не принимало никакого участия в сражении. Окрестные больницы и приемные покои были переполнены ранеными. Точное число раненых и убитых не было установлено. Полиция насчитывала всего трех убитых, рабочие утверждали, что убито больше 10 человек; раненых считали десятками.

Борьба закончилась поздно вечером. Весть о борьбе у Обуховского завода быстро облетела всю Невскую заставу и распространилась по другим рабочим районам. Можно было опасаться расширения стачки и серьезных рабочих волнений. По указанию свыше, администрация завода поспешила удовлетворить часть требований рабочих; были приняты обратно все уволенные, часть арестованных была освобождена; несколько повышены расценки, отменена обязательность сверхурочных работ и т. п. После этих уступок рабочие возобновили работу. Все успокоилось, главный виновник стачки и нападения на рабочих — помощник начальника завода Иванов — больше не появлялся... Так прошло два месяца. Вдруг 7 июля он вновь занял прежнее место и одновременно с этим вновь начался нажим на рабочих. Они ответили на это новой забастовкой. Но полиция и жандармы не дремали: ночью было арестовано несколько сот наиболее сознательных и влиятельных рабочих, а затем вывешено объявление, что в виду нарушения рабочими порядка — вторичной забастовки — отменяются все сделанные уступки и предлагается расчет всем несогласным работать на старых условиях. Арест организованных рабочих заставил распыленную массу подчиниться, и правительство могло торжествовать победу.

Но оно еще не закончило свою расправу. Предстоял суд над рабочими, «сопротивлявшимися властям». Разумеется, обвиняемые были выхвачены из многоты-

сячной массы согласно указаниям охранки, шпионов, городовых и заводской администрации. В списке 57 свидетелей, дававших материал для обвинения, мы встречаем почти исключительно чинов полиции, агентов розыска, сторожей завода и всего только двух-трех местных жителей. Суду было предано 37 рабочих, в том числе две молодые работницы Карточной фабрики — Марфа Яковлевна Яковлева и Лидия Кирилловна Бурчевская, обе 18 лет. Их обвиняли в том, что они «сознательно примкнули к скопищу, способствовали оказанному насильственному противодействию вооруженной силе тем, что доставляли участникам скопища камни...». Обвинительный акт отмечал при этом, что Яковлева, несмотря на свое несовершеннолетие, должна понести наказание в полной мере, потому что действовала вполне сознательно: «как на следствии, так и на суде она прямо заявила, что действовала из сочувствия к рабочим». Это неудивительно: мы знаем, что брат ее входил в партийную организацию и был выслан из Петербурга за год перед этим, а старшая ее сестра Мария входила в кружок обуховцев и работниц с Карточной фабрики.

Рабочих было решено застращать. Суд происходил при закрытых дверях и вынес чрезвычайно суровый приговор: рабочие Гаврилов и Ермаков получили по 6 и 5 лет каторги (это были первые рабочие, осужденные на каторгу со времени возникновения массового рабочего движения), 27 человек были осуждены на разные сроки — от 2 до 5 лет — в тюрьму, 8 человек — для видимости «правосудия» — оправданы. Яковлева получила за свое смелое заявление 3 года тюрьмы, а Бурчевская — полтора года.

«Обуховская оборона» оставила глубокий след в сознании петербургских рабочих. Она показала, что рабочие, если захотят, могут сопротивляться полиции и войскам, что они представляют такую силу, которая при дружном и смелом выступлении в состоянии померяться с силами самодержавия. Битва на Шлиссельбургском тракте явилась репетицией и подготовкой к битвам 1905 и 1917 годов. Справедливо писала «Искра»

(статья Мартова): «В последнее время много говорили о том, что уличная борьба против современного войска невозможна и безнадежна... Мы видим даже на примере отдельной схватки, что все эти толки совершенно вздорны. Уличная борьба возможна, безнадежно не положение борцов, а положение правительства, если ему придется иметь дело с населением не одного только завода. Рабочие при схватке 7 мая не имели ничего, кроме камней, — и уж, конечно, не запрещение же градоначальника помешает им в следующий раз запастись другим оружием. Рабочие были не подготовлены, их было только три с половиной тысячи, и тем не менее они отбивали несколько сотен конной стражи, жандармерии, городовых и пехоты. Вспомните, легко ли удался полиции штурм о д н о г о дома № 63 по тракту! Подумайте, легко ли будет „очистить от рабочих“ не два-три двора и дома, а целые рабочие кварталы Петербурга!».

Так оценивали руководители движения героическое выступление рабочих Обуховского завода. И женщины рабочего класса с удовлетворением могут сказать, что в этот исторический день они поддержали своих братьев по классу, в лице работниц Карточной фабрики приняли участие в общей борьбе.

* * *

Следующим крупным этапом в нарастании революции явились всеобщие стачки лета 1903 г., начавшиеся на Кавказе и потом обошедшие крупные промышленные центры юга России — Одессу, Екатеринослав, Киев и др. Этим стачкам предшествовала в ноябре 1902 г. общая забастовка в Ростове-на-Дону, когда в течение нескольких дней все рабочее население города собиралось на митинги под открытым небом и, не взирая на присутствие солдат и казаков, открыто произносились противоправительственные речи и велась социалистическая агитация. В этом могучем движении деятельное участие принимали женщины — работницы с фабрик и жены рабочих. И когда началась расправа, многим из них пришлось пострадать.

Летние забастовки 1903 г. охватили громадные массы рабочих и увлекли самые отсталые слои их. В Одессе движение началось в результате агитации «Независимцев», — содержимых и поддерживаемых охранным отделением (зубатовец Шаевич), — стремившихся отклонить рабочих от политической борьбы, — и быстро вышло за намеченные зубатовцами рамки. В забастовке, в уличных собраниях и демонстрациях деятельное участие принимали работницы канатных, жестяной, пробочной, табачных и гильзовых фабрик, а также работницы ремесленных мастреских. В эти дни многие сотни и тысячи работниц впервые восприняли идеи социализма и классовой борьбы.

Не менее широким размахом отличалось движение и в Екатеринославе. В отличие от Одессы, здесь забастовка была тщательно подготовлена партийной организацией, началась она в заранее назначенный день — после распространения призывных прокламаций — и с самого начала носила резко выраженный политический характер. В первый же день войска стреляли в толпу заводских рабочих — было убито 14 человек, много раненых (в том числе одна работница). Столкновения и избиения рабочих происходили и в последующие дни забастовки, когда собирались в разных местах города и рабочих предместий громадные толпы и происходили митинги. В числе ораторов выступали и женщины, в особенности Екатерина Петровна Громан (Духанина), только-что бежавшая из сибирской ссылки. Страстная, обладающая бурным красноречием, говорящая просто и даже несколько грубовато, но понятно для совсем темных людей, она пользовалась громадным успехом и производила на массы сильнейшее впечатление. Таким же успехом она пользовалась впоследствии в Баку и в 1905 г. в Петербурге, являясь одним из лучших партийных агитаторов.

В массе заводских рабочих Екатеринослава, разумеется, терялись работницы немногочисленных фабрик и ремесленных мастерских города, но и они не остались в стороне от общего движения. И не мало из их среды оказалось в числе пострадавших. А их было много: согласно донесению губернатора, за неделю

стачки было арестовано 363 человека, из которых 214 было подвергнуто в административном порядке аресту до 3 месяцев; 131 человек было привлечено к суду, из них судилось 56 человек; 42 рабочих были приговорены к тюремному заключению на сроки от 3 до 11 месяцев, просидев предварительно в тюрьме свыше года. Среди обвиняемых были три работницы, из которых одна, Ф. Рудакова, уже не покидала рядов борющегося пролетариата (состоит ныне членом коммунистической партии). Ее обвиняли в кидании камней в казаков, разгонявших рабочих.

В Киеве, в Николаеве, Елизаветграде — всюду забастовка сопровождалась стрельбой в рабочих, которые за свое выступление, охватившее сотни тысяч людей, заплатили многими десятками убитых и раненых. Но чувства подавленности и поражения не осталось. Рабочие массы, бросая заводы и выходя на улицу, не ставили себе определенных целей — они не добивались каких-нибудь уступок от своих предпринимателей. Их выступление явилось результатом накипевшего у них возмущения существующими порядками, протеста против политического гнета и бесправия. Недаром они так жадно внимали речам социал-демократических ораторов и не расходились, несмотря на угрозы и нападения полиции и войск. Права была В. И. Засулич, которая в своей статье в «Искре» «О чем говорят нам июльские дни?» усматривала в летних забастовках начало революции. «Рабочий класс юга России, — писала она, — воочию доказал себе самому, правительству и всему населению, что, даже вооруженный одними камнями, он может день за днем, несмотря на все усилия жандармерии, казаков и полиции, пользоваться полной свободой слова на митингах под открытым небом, когда ему угодно покинуть для этого свои мастерские; что всех сил, находящихся в распоряжении министерства внутренних дел, уже недостаточно для охраны свойственного нашему строю порядка, и противопоставить поднявшимся рабочим правительство может теперь только войско. Рабочему классу придется, конечно, повторять и укреплять это доказательство, чтобы ввести его в общее сознание, но самый факт представляет собою

такой громадный шаг в ходе надвигающейся революции, что переоценить его нет никакой возможности».

Революция, действительно, нарастала. Если вспыхнувшая война с Японией вначале несколько задержала движение, то скоро оно стало развиваться еще быстрее и бурнее. Наступил 1905 год, начавшийся и закончившийся грандиозными событиями. Начался он с забастовки на Путиловском заводе из-за увольнения четырех рабочих, распространившейся на все фабрики и заводы Петербурга. Этим событием воспользовался священник Гапон или, вернее, толкавшая его группа рабочих, чтобы организовать грандиозную демонстрацию — шествие с петицией к царю всего рабочего Петербурга. Это шествие — в день 9 (22) января, в памятное (кровавое воскресенье» — дало боевое крещение петербургскому пролетариату, всколыхнув его до самых низов. Беспощадно расстреливались мирно и торжественно настроенные шествия работниц и рабочих, с иконами и царскими портретами направлявшихся со всех рабочих окраин к дворцу, чтобы передать царю свою петицию... Эти расстрелы и избиения в несколько часов убили в массах веру в царя и правительство, вызвали в них ненависть к существующему строю и готовность к борьбе всеми средствами за свободу. В этот день в Петербурге впервые появились баррикады (на Васильевском острове), массы заговорили революционным языком...

Не будем подробно рассказывать о событиях 9 января — они достаточно известны. Важно отметить, что подготовило их, и выяснить роль при этом сознательных рабочих.

Как хорошо известно, «Собрание русских рабочих» — разрешенное правительством общество, руководимое священником Гапоном и явившееся организатором всеобщей забастовки и движения 9 января, было создано при содействии департамента полиции в целях отвлечения рабочих от социалистов. Гапон являлся агентом охранника Зубатова, и об его деятельности были осведомлены министр внутренних дел, директор департамента полиции, градоначальник; охранное отделение отпускало деньги на наем помещений и покупку

мебели для отделов «Собрания». Но правительство ошиблось в своих расчетах. Обманулось оно, прежде всего, в самом Гапоне, который отличался чрезвычайным честолюбием и мечтал о роли народного вождя; обманулось оно и в надежде на темноту и невежество рабочих. Среди них нашлась группа вполне сознательных социалистов, прошедших школу социал-демократических организаций, которых не удовлетворяла деятельность в подпольных кружках и которые стремились перенести работу в массы. Стоя в стороне от партийных организаций, они продолжали считать себя социал-демократами. Когда Гапон начал свою деятельность, они стали внимательно присматриваться к нему и к созданному им обществу, зная об его связях с охранкой и не доверяя ему. Но постепенно их отношение к Гапону и его начинанию стало изменяться. Они увидели громадное значение «Собрания русских рабочих» для умственного воспитания и сплочения самых отсталых слоев петербургских рабочих. И они решили войти в это общество, чтобы придать ему еще более определенную окраску, а также воздействовать на самого Гапона и, заодно, контролировать его.

Ближайший сотрудник и друг Гапона рабочий Варнашев, сперва явно враждебно относившийся к социал-демократам, так рассказывает об этой группе и о ее дальнейшей роли в гапоновской организации: «Как-то по окончании собрания (было это в конце 1903 г.) ко мне подошла женщина, внешний вид которой не давал повода думать, что она рабочая, а в дальнейшем смелая, порывистая и интеллигентная манера говорить подтверждала это». Из разговора выяснилось, что «она жена рабочего, муж ее работает на фабрике, оба очень интересуются рабочим вопросом и даже устраивают собрания под видом вечеринок. Назвалась она В. М. Карелиной и обещала быть на следующем собрании. Мне впервые пришлось встретить столь необычную рабочую женщину и естественно, что я не вполне доверял ее словам». Это была уже знакомая нам Карелина, участвовашая в рабочей социал-демократической организации 1890—92 гг. Варнашев познакомил ее с Гапоном, а «в дальнейшем, как результат знакомства, в стенах

Собрания, вначале как гости, а через некоторое время, как члены, появились супруги Карелины, Д. Кузин, И. Харитонов, А. Усанов, В. Князев и др.».

Вот как отзывается Варнашев об этой группе: «Большинство из них были люди, уже искушенные в политике, побывавшие в разных переделках и с клеймом политической неблагонадежности. Их общее самообразование было достойно уважения, ибо не говоря уже о политике, они имели вполне просвещенные убеждения на все жизненные и общественные вопросы, что, при незапятнанной гражданской честности, создавало им среди рабочих на заводах непоколебимый авторитет. Первое время они держались очень осторожно, ничем себя не проявляя, а вернее—наблюдали как деятельность Собрания, так и Гапона . . . и только спустя несколько месяцев, когда Гапону удалось поколебать их осторожность и рассеять сомнения, они приступили к работе и сняли „запрет" со стен Собрания, что сразу выразилось в увеличении вступающих в члены . . . Не загадывая о том, какова была бы судьба Собрания в дальнейшем, если бы не Карелинская группа, но факт их вступления в организацию надо признать за событие решающего значения как для Собрания, так и для Гапона. Оппозиция, так назову Карелина с компанией, одним своим появлением создала совершенно иную атмосферу. Мозг заработал напряженнее, и пульс усилил темп».

Варнашев совершенно прав: Карелины не только привлекли к Собранию своих многочисленных знакомых из солидных уже и сознательных рабочих, но своим вступлением в него и активным участием в его делах подняли к нему и к Гапону доверие, рассеяв слухи о его полицейских связях. Карелины и их ближайшие друзья скоро заняли видное положение: Карелин был избран казначеем, В. Карелиной, тоже включенной в состав правления, поручили организацию работниц и руководство их собраниями; по словам Варнашева, она «оказалась неоценимою энергичной пропагандисткой». Секретарем правления был избран Кузин.

Под влиянием Карелинской группы и привлеченных ими рабочих, Общество все более левело. Большое

значение имело и то, что Карелины, Князев и др. близко сошлись с Гапоном, часто собирались у него на квартире, при чем они имели возможность оказать большое влияние как на него, так и на его ближайших сотрудников. На одном из таких собраний, еще весной 1904 г., Гапон показал своим гостям первоначальный набросок петиции. Мысль о ней понравилась Карелинской группе, она ухватилась за нее, стала популяризировать ее и содержание петиции на собраниях отделов общества. И когда вспыхнула всеобщая забастовка, эта группа заставила Гапона, растерявшегося от грандиозности движения и готового итти на попятный, выступить с предложением о шествии рабочих масс с петицией к дворцу.

В январском движении вместе с рабочими участвовали не только работницы, но и матери и жены рабочих. Всюду в толпах рабочих, направлявшихся к дворцу, были видны многочисленные женщины. Работницы точно также принимали заметное участие в деятельности отделов «Собрания русских рабочих» и в подготовке выступления 9 января, многие работницы выступали в отделах с речами. Очень заметную роль играла В. Карелина; мы имеем описание выступления ее утром 9 января в Василеостровском отделе: «Настроение толпы было напряженно-спокойное, чувствовалась какая-то связь, какое-то дружеско-взаимное отношение. Были и женщины, молодые и старые, хотя немного. Громадное помещение сплошь было заполнено народом. Стояли на скамьях, на окнах. Разговора не слышно было»... После одного пожилого рабочего говорила Карелина, которой было поручено, на случай стрельбы в рабочих, организовать помощь раненым: «Матери и жены! Не отговаривайте ваших мужей и братьев итти за правое дело. Идите вместе с ними. Если на нас нападут и будут стрелять, не кричите, не визжите, будьте сестрами милосердия. Вот вам перевязки с красным крестом. Обвяжите эту повязку кругом рукава, но только тогда, не раньше, когда в нас начнут стрелять». Эти простые слова вызвали живой отклик: «Идем! Идем! — раздалось из группы девушек и пожилых женщин. — Все должны итти, дайте кресты! — потянулись со всех сторон женские руки. А одна девушка

обратилась к подруге в сильном волнении, говоря: — Пойди, скажи маме, я пойду. Все равно, убьют, так убьют! Что же это! Одних будут убивать, другие воспользуются — это нехорошо. Все, все должны итти» ...

За Невской заставой, накануне 9 января, в отделе общества одна толпа сменяла другую, выслушивая текст петиции, которую всё время читала вслух одна работница.

Петербургские рабочие дорого заплатили за свое выступление — было убито и ранено свыше 1 000 человек, в том числе много женщин и детей. Среди погибших были и члены социал-демократических организаций, в том числе и Мария Львовна Бердичевская, убитая на баррикаде на Васильевском острове. М. Л. Бердичевская родилась в 1872 г. и в 18-летнем возрасте примкнула к социал-демократии; работала в Казанской и Саратовской организациях партии, неоднократно арестовывалась, с 1904 г. работала в Петербурге. Будучи ранена 4 пулями, Бердичевская после операции умерла (на другой день) в больнице; перед смертью она не переставала повторять: «Я ни на минуту не раскаиваюсь, что пошла на баррикады» ...

Петербургский расстрел заставил содрогнуться от негодования всю страну. Петербургская забастовка, после расстрела не только не шедшая на убыль, но ставшая еще более упорной и дружной, перекинулась в другие города — промышленные центры и даже маленькие городки один за другим примыкали к общему движению. Волна всеобщей забастовки стала перекидываться по всей стране, то спадая, то поднимаясь на небывалую высоту. Моря пролетарской крови были пролиты правительством, чтобы подавить движение. Но разбушевавшееся рабочее море уже нельзя было успокоить. Чувство классовой солидарности тесно спаяло миллионные массы, их нельзя уже было запугать, нельзя было успокоить лицемерными обещаниями. Весь 1905 г. прошел в необычном возбуждении — после «кровавого воскресенья» в Петербурге забастовка и расстрелы в Риге, потом расстрелы в Варшаве, затем летняя упорная забастовка рабочих и работниц Иваново-Вознесенска, вслед за этим восстание «Потемкина» и все-

общая забастовка в Одессе ... Это возбуждение и непрерывные массовые выступления подготовили октябрьскую всеобщую забастовку, вырвавшую у самодержавия манифест 17 октября. Самодержавие, правда, уцелело и сохранило достаточно сил, чтобы жестоко отплатить рабочему классу за свое первое поражение, но октябрьские завоевания, как скромны они ни были, всё же открыли новые области деятельности для рабочего класса. Началось строительство профессиональных союзов, рабочих просветительных обществ; появилась и стала вести борьбу за существование рабочая печать и т. п. Во всех этих областях деятельности рабочего класса активное участие принимали работницы. Среди них оказалось достаточно много деятельниц, испытанных и приобревших необходимые навыки в период подпольного существования рабочих организаций. Еще больший простор для их работы дала революция 1917 года, разбившая все ограничения, стеснявшие пролетариат, и установившая полное равноправие женщин.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Глава I. Пробуждение женщины. Начало революционного движения	3
Глава II. Первые революционерки	21
Глава III. „Земля и Воля". Террористические настроения	61
Глава IV. „Народная Воля"	91
Глава V. „Черный Передел"	137
Глава VI. Первые социал-демократки	150
Глава VII. Массовое движение	180

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД. Проспект 25 Октября, 52. Телеф. № 545-77.
МОСКВА. Лубянский пассаж, № 46—49. Телеф. №2-24-09.

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ.

Александров, А. — Октябрь. Ц. 20 к.

Березовский, Ф. — Таежные застрельщики. Очерки революционной борьбы 1905 г. Ц. 1 р.

Воробьев, В. — Перед рассветом. Воспоминания 1916—1917 гг. Ц. 60 к.

Воспоминания членов Совета Рабочих Депутатов Петербурга 1905 г. — Ц. 1 р. 25 к.

Герасимов, А. — Красный броненосец. (Вооруженное восстание в 1905 г. на броненосце „Потемкин, Таврический"). Ц. 60 к.

Егоров, И. — 1905 г. Восстание в Балтийском флоте и на корабле „Память Азова". Ц. 10 к.

„Искра". № 1—52 (декабрь 1900 — ноябрь 1903). Полный текст под редакцией и с предислов. П. Лепешинского и со вступительной статьей Н. Крупской. В 7 выпусках. Вышли в свет первые три выпуска. Ц. 2 р. 50 к. за выпуск.

Канатчиков, С. — Как рождалась Октябрьская революция. Ц. 25 к.

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД. Проспект 25 Октября, 52. Телеф. № 545-77.
МОСКВА. Лубянский пассаж, № 46—49. Телеф. № 2-24-09.

Касаткин, К. — Первая Российская революция. Ц. 50 к.

Клаас, Г. — Мои первые шаги на революционном пути. (Воспоминания 1904 — 1905 гг.). Ц. 30 к.

Кривошеина, Е. — Советы Рабочих Депутатов. Ц. 40 к.

Леске, Э. — Страницы из истории комсомола. Очерк по истории социалистического союза рабочей молодежи в Ленинграде 1917 — 1918 гг. Под редакцией А. Ф. Ильина-Женевского и с предисловием Г. М. Дрязгова. Ц. 50 к.

Моршанский, М. — В. К. Курнатовский. Ц. 85 к.

„Новая Жизнь“ — Первая легальная с.-д. большевистская газета. 27 октября — 3 декабря 1905 г. Полный текст под редакцией и с предисловием М. Ольминского и со вступит. статьями Л. Красина, М. Литвинова, Ис. Гуковского и Е. Смиттен. В 4 выпусках. Цена каждого выпуска 2 р. 50 к.

Пальвадрэ, Я. — Революция 1905 г. в Эстонии (печатается).

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД. Проспект 25 Октября, 52. Телеф. № 545-77.
МОСКВА. Лубянский пассаж, № 46—49. Телеф. № 2-24-09.

Пионтковский, С. — История рабочего движения в России. Ц. 1 р. 30 к.

Пионтковский, С. — Февральские дни 1917 г.

Пионтковский, С. — 9 Января 1905 г. Ц. 30 к.

Пирейко, А. — В тылу и на фронте империалистической войны. Воспоминания рядового. Ц. 45 к.

Платонов, А. — Восстание в Черноморском флоте в 1905 г. Ц. 1 р. 30 к.

Фельдман. — Потемкинское восстание (печатается).

Флеер, М. — Рабочее движение в России в годы империалистической войны. Ц. 1 р.

Харченко, Г. — 1905 г. в Донбассе. Ц. 1 р.

Хруцкая, М. — От первой революции до Октября. Ц. 40 к.

Цветков-Просвещенский, А. — В годы реакции и нового под'ема. (1907 — 1914 гг.). Ц. 1 р.

Янсон, П. — Карательная экспедиция в Прибалтийский край, (1905 — 1907 гг.). Ц. 60 к.

Цена 1 р. 50 к.

5492

ТОРГСЕКТОР ИЗД-ВА „ПРИБОЙ":
ЛЕНИНГРАД, ПРОСП. 25 ОКТЯБРЯ,
ДОМ № 52. ТЕЛЕФОНЫ: 217-79, 217-78.
МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ:
ЛУБЯНСК. ПАСС., 46—48. Т. 2-24-03.
ОТДЕЛЕНИЯ: В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ,
ХАРЬКОВЕ, КИЕВЕ, СВЕРДЛОВСКЕ,
НОВГОРОДЕ, ЧЕРЕПОВЦЕ И В
УЕЗДНЫХ ГОРОДАХ ЛЕНИН-
ГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ